

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://batyushkov.ru/> Приятного чтения!

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков

Речь о влиянии легкой поэзии на язык, читанная при вступлении в "Общество любителей Российской словесности", в Москве 17 июля 1816

Избрание меня в сочлены ваши есть новое свидетельство, милостивые государи, вашей снисходительности. Вы обращаете внимательные взоры не на одно дарование, вы награждаете слабые труды и малейшие успехи; ибо имеете в виду важную цель: будущее богатство языка, столь тесно сопряженное с образованностью гражданскую, с просвещением, и следственно – с благоденствием страны, славнейшей и обширнейшей в мире. По заслугам моим я не имею права заседать с вами; но если усердие к словесности есть достоинство, то по пламенному желанию усовершенствования языка нашего, единственно по любви моей к поэзии, я могу смело сказать, что выбор ваш соответствует цели общества. Занятия мои были маловажны, но непрерывны. Они были пред вами красноречивыми свидетелями моего усердия и доставили мне счастье заседать в древнейшем святилище муз отечественных, которое возрождается из пепла вместе с столицею царства русского и со временем будет достойно ее древнего величия.

Обозревая мысленно обширное поле словесности, необъятные труды и подвиги ума человеческого, драгоценные сокровища красноречия и стихотворства, я с горестию познаю и чувствую слабость сил и маловажность занятий моих; но утешаюсь мыслью, что успехи и в малейшей отрасли словесности могут быть полезны языку нашему.

Эпопея, драматическое искусство, лирическая поэзия, история, красноречие духовное и гражданское требуют великих усилий ума, высокого и пламенного воображения. Счастливы те, которые похищают пальму первенства в сих родах: имена их становятся бессмертными; ибо счастливые произведения творческого ума не принадлежат одному народу исключительно, но делаются достоянием всего человечества. Особенно великие произведения муз имеют влияние на язык новый и необработанный. Ломоносов тому явный пример. Он преобразовал язык наш, созидавая образцы во всех родах. Он то же учинил на трудном поприще словесности, что Петр Великий на поприще гражданском. Петр Великий пробудил народ, усыпленный в оковах невежества; он создал для него законы, силу военную и славу. Ломоносов пробудил язык усыпленного народа; он создал ему красноречие и стихотворство, он испытал его силу во всех родах и приготовил для грядущих талантов верные орудия к успехам. Он возвел в свое время язык русский до возможной степени совершенства – возможной, говорю, ибо язык идет всегда наравне с успехами оружия и славы народной, с просвещением, с нуждами общества, с гражданской образованностью и людскостию. Но Ломоносов, сей исполин в науках и в искусстве писать, испытуя русский язык в важных родах, желал обогатить его нежнейшими выражениями Анакреоновой музыки. Сей великий образователь нашей словесности знал и чувствовал, что язык просвещенного народа должен удовлетворять всем его требованиям и состоять не из одних высокопарных слов и выражений. Он знал, что у всех народов, и древних и новейших, легкая поэзия, которую можно назвать прелестною роскошью словесности, имела отличное место на Парнасе и давала новую пищу языку стихотворному. Греки восхищались Омером и тремя трагиками, велеречием историков своих, убедительным и стремительным красноречием Демосфена: но Вион, Мосх, Симонид, Феокрит, мудрец Феосский и пламенная Сафо были увенчаны современниками. Римляне, победители греков оружием, не талантом, подражали им во всех родах: Цицерон, Вергилий, Гораций, Тит Ливий и другие состязались с греками. Важные римляне, потомки суровых Кориоланов, внимали им с удивлением; но эротическую музу Катутла, Тибулла и Проперция не отвергали. По возрождении муз, Петрарка, один из ученейших мужей своего века, светильник богословия и политики, один из первых создателей славы возрождающейся Италии из развалин классического Рима, Петрарка, немедленно шествуя за суровым Дантом, довершил образование великого наречия тосканского, подражая Тибуллу, Овидию и поэзии мавров, странной, но исполненной воображения. Маро, царедворец Франциска I, известный по эротическим стихотворениям, был один из первых образователей языка французского, которого владычество, почти пагубное, распространилось на все народы, не достигшие высокой степени просвещения. В Англии Валлер, певец Захариссы, в Германии Гагедорн и другие писатели, предшественники творца "Мессиады" и великого Шиллера, спешили жертвовать грациями и говорить языком страсти и любви, любимейшим языком муз, по словам глубокомысленного Монтаня. У нас преемник лиры Ломоносова, Державин, которого одно имя истинный талант произносит с благоговением, – Державин, вдохновенный певец высоких истин, и в зиму дней своих любил отдыхать со старцем Феосским. По следам сих поэтов, множество писателей отличились в этом роде, по-видимому столь легком, но в самом деле имеющим великие трудности и преткновения, особенно у нас; ибо язык русский, громкий,

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

сильный и выразительный, сохранил еще некоторую суровость и упрямство, не совершенно исчезающее даже под пером опытного таланта, поддержанного наукою и терпением.

Главные достоинства стихотворного слога суть: движение, сила, ясность. В больших родах читатель, увлеченный описанием страстей, ослепленный живейшими красками поэзии, может забыть недостатки и неровности слога, и с жадностью вникает в вдохновенному поэту или действующему лицу, им созданному. Во время представления какой холодной зритель будет искать ошибок в слоге, когда Поликсена, лишенная венца и внутреннего спокойствия, в слезах, в отчаянии бросается к стопам разгневанного Эдипа? Но сии ошибки, поучительные для дарования, замечает просвещенный критик в тишине своей учебной храмины: каждое слово, каждое выражение он взвешивает на весах строгого вкуса; отвергает слабое, ложно блестящее, неверное и научает наслаждаться истинно прекрасным. – В легком роде поэзии читатель требует возможного совершенства, чистоты выражения, стройности в слоге, гибкости, плавности; он требует истины в чувствах и сохранения строжайшего приличия во всех отношениях; он тотчас делается строгим судьей, ибо внимание его ничем сильно не отвлекается. Красивость в слоге здесь нужна необходимо и ничем заменить не может. Она есть тайна, известная одному дарованию и особенно постоянному напряжению внимания к одному предмету: ибо поэзия и в малых родах есть искусство трудное, требующее всей жизни и всех усилий душевных; надобно родиться для поэзии; этого мало: родясь, надобно сделаться поэтом, в каком бы то ни было роде.

Так называемый эротический и вообще легкий род поэзии восприял у нас начало со времен Ломоносова и Сумарокова. Опыты их предшественников были мало важны: язык и общество еще не были образованы. Мы не будем исчислять всех видов, разделений и изменений легкой поэзии, которая менее или более принадлежит к важным родам: но заметим, что на поприще изящных искусств (подобно как и в нравственном мире) ничто прекрасное не теряется, приносит со временем пользу и действует непосредственно на весь состав языка. Стихотворная повесть Богдановича, первый и прелестный цветок легкой поэзии на языке нашем, ознаменованный истинным и великим талантом; остроумные, неподражаемые сказки Дмитриева, в которых поэзия в первый раз украсила разговор лучшего общества; послания и другие произведения сего стихотворца, в которых философия оживилась неувядающими цветами выражения, басни его, в которых он боролся с Лафонтеном и часто побеждал его; басни Хемницера и оригинальные басни Крылова, которых остроумные, счастливые стихи превратились в пословицы, ибо в них виден и тонкий ум наблюдателя света, и редкий талант, стихотворения Карамзина, исполненные чувства, образец ясности и стройности мыслей; гоацианские оды Капниста, вдохновенные страстью песни Нелединского, прекрасные подражания древним Мерзлякова, баллады Жуковского, сияющие воображением, часто своенравным, но всегда пламенным, всегда сильным; стихотворения Востокова, в которых видно отличное дарование поэта, налитанного чтением древних и германских писателей; наконец, послания кн(язя) Долгорукова, исполненные живости; некоторые послания Воейкова, Пушкина и других новейших стихотворцев, писанные слогом чистым и всегда благородным А: все сии блестящие произведения дарования и остроумия менее или более при-ближились к желанному совершенству, и все – нет сомнения – принесли пользу языку стихотворному, образовали его, очистили, утвердили. Так светлые ручьи, текущие разными излучинами по одному постоянному наклонению, соединяясь в долине, образуют глубокие и обширные озера: благодетельные воды сии не иссякают от времени, напротив того, они возрастают и увеличиваются с веками и вечно существуют для блага земли, ими орошаемой!

В первом периоде словесности нашей, со времен Ломоносова, у нас много написано в легком роде; но малое число стихов спаслось от общего забвения. Главную тому причину можно положить не один недостаток таланта или изменение языка, но изменение самого общества; большую его образованность и, может быть, большее просвещение, требующее от языка и писателей большего знания света и сохранения его приличий: ибо сей род словесности беспрестанно напоминает об обществе; он образован из его явлений, странностей, предрассудков и должен быть ясным и верным его зеркалом. Большая часть писателей, мною названных, провели жизнь свою посреди общества Екатеринина века, столь благоприятного наукам и словесности; там заимствовали они эту людскость и вежливость, это благородство, которых отпечаток мы видим в их творениях: в лучшем обществе научились они угадывать тайную игру страстей, наблюдать нравы, сохранять все условия и отношения светские и говорить ясно, легко и приятно. Этого мало: все сии писатели обогатились мыслями в прилежном чтении иностранных авторов, иные древних, другие новейших, и запаслись обильною жатвою слов в наших старинных книгах. Все сии писатели имеют истинный талант, испытанный временем; истинную любовь к лучшему, благороднейшему из искусств, к поэзии, и уважают, смею утвердительно сказать,

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
боготворят свое искусство, как лучшее достояние человека образованного, истинный дар неба, который доставляет нам чистейшие наслаждения посреди забот и терний жизни, который дает нам то, что мы называем бессмертием на земле – мечту прелестную для душ возвышенных!

Все роды хороши, кроме скучного. В словесности все роды приносят пользу языку и образованности. Одно невежественное упрямство не любит и старается ограничить наслаждения ума. Истинная, просвещенная любовь к искусствам снисходительна и, так сказать, жадна к новым духовным наслаждениям. Она ничем не ограничивается, ничего не желает исключить и никакой отрасли словесности не презирает. Шекспир и Расин, драма и комедия, древний экзаметр и ямб, давно присвоенный нами, пиндарическая ода и новая баллада, эпопея Омера, Ариоста и Клопштока, столь различные по изобретению и формам, ей равно известны, равно драгоценны. Она с любопытством замечает успехи языка во всех родах, ничего не чуждается, кроме того, что может вредить нравам, успехам просвещения и здравому вкусу (я беру сие слово в обширном значении). Она с удовольствием замечает дарование в толпе писателей и готова ему подать полезные советы: она, как говорит поэт, готова обнять

В отважном мальчике грядущего поэта!

Ни расколы, ни зависть, ни пристрастие, никакие предрассудки ей не известны. Польза языка, слава отечества: вот благородная ее цель! Вы, милостивые государи, являете прекрасный пример, созывая дарования со всех сторон, без лицепрятия, без пристрастия. Вы говорите каждому из них: несите, несите свои сокровища в обитель муз, отверстуйте каждому таланту, каждому успеху; совершите прекрасное, великое, святое дело: обогатите, образуйте язык славнейшего народа, населяющего почти половину мира; поравняйте славу языка его со славой военной, успехи ума с успехами оружия. Важные музы подают здесь дружественно руку младшим сестрам своим, и алтарь вкуса обогащается их взаимными дарами. И когда удобнее совершить желаемый подвиг? в каком месте приличнее? В Москве, столь красноречивой и в развалинах своих, близ полей, ознаменованных неслыханными доселе победами, в древнем отечестве славы и нового величия народного!

Так! с давнего времени все благоприятствовало дарованию в Университете московском, в старшем святилище муз отечественных. Здесь пламенный их любитель с радостью созерцает следы просвещенных и деятельных покровителей. Имя Шувалова, первого Мецената русского, сливается здесь с громким именем Ломоносова. Между знаменитыми покровителями наук мы обретаем Хераскова: творец "Россияды" посещал сии мирные убежища, он покровительствовал сему рассаднику наук; он первый ободрял возникающий талант и славу писателя соединил с другою славой, не менее лестною для души благородной, не менее прочною, – со славой покровителя наук. Муравьев, как человек государственный, как попечитель, принимал живейшее участие в успехах Университета, которому в молодости был обязан своим образованием в. Под руководством славнейших профессоров московских, в недрах своего отечества он приобрел сии обширные сведения во всех отраслях ума человеческого, которым нередко удивлялись ученые иностранцы: за благодеяния наставников он платил благодеяниями сему святилищу наук; имя его будет любезно сердцам добрым и чувствительным, имя его напоминает все заслуги, все добродетели. Ученость обширную, утвержденную на прочном основании, на знании языков древних, редкое искусство писать он умел соединить с искреннею кротостию, с снисходительностию, великому уму и добрейшему сердцу свойственною. Казалось, в его виде посетил землю один из сих гениев, из сих светильников философии, которые некогда рождались под счастливым небом Аттики для разлития практической и умозрительной мудрости, для утешения и назидания человечества красноречивым словом и красноречивейшим примером. Вы наслаждались его беседою; вы читали в глазах его живое участие, которое он принимал в успехах и славе вашей; вы знаете все заслуги сего редкого человека... и – простите мне несколько слов, в его воспоминание чистейшею благодарностию исторгнутых! – я ему обязан моим образованием и счастьем заседать с вами, которое умею ценить, которым умею гордиться.

И этот человек столь рано похищен смертию с поприща наук и добродетели! И он не был свидетелем великих подвигов боготворимого им монарха и славы народной! Он не будет свидетелем новых успехов словесности в счастливейшие времена для наук и просвещения: ибо никогда, ни в какое время обстоятельства не были им столько благоприятны. Храм Януса закрыт рукою Победы, неразлучной сопутницы монарха. Великая душа его наслаждается успехами ума в стране, вверенной ему святым провидением, и каждый труд, каждый полезный подвиг щедро им награждается. В недавнем времени, в лице славного писателя, он ободрил все отечественные

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
таланты: и нет сомнения, что все благородные сердца, все патриоты с признательностью благословляют руку, которая столь щедро награждает полезные труды, постоянство и чистую славу писателя, известного и в странах отдаленных, и которым должно гордиться отечество. Правительство благодетельное и прозорливое, пользуясь счастливейшими обстоятельствами – тишиною внешнею и внутреннею государства, – отвергает снова все пути к просвещению. Под его руководством процветут науки, художества и словесность, коснеющие посреди шума военного; процветут все отрасли, все способности ума человеческого, которые только в неразрывном и тесном союзе ведут народы к истинному благоденствию, и славу его делают прочною, незыблемою. – Самая поэзия, которая питается учением, возрастает и мужает наравне с образованием общества, поэзия принесет зрелые плоды и доставит новые наслаждения душам возвышенным, рожденным любить и чувствовать изящное. Общество примет живейшее участие в успехах ума – и тогда имя писателя, ученого и отличного стихотворца не будет дико для слуха: оно будет возбуждать в умах все понятия о славе отечества, о достоинстве полезного гражданина. В ожидании сего счастливого времени мы совершим все, что в силах совершить. Деятельное покровительство блюстителей просвещения, которым сие общество обязано существованием; рвение, с которым мы приступаем к важнейшим трудам в словесности; беспристрастие, которое мы желаем сохранить посреди разногласных мнений, еще не просвещенных здравою критикою: все обещает нам верные успехи; и мы достигнем, по крайней мере, приближиться к желаемой цели, одушевленные именами пользы и славы, руководимые беспристрастием и критикою.

ПРИМЕЧАНИЯ

А. Похвала или порицание частного человека не есть приговор общественного вкуса. Исчисляя стихотворцев, отличившихся в легком роде поэзии, я старался сообразоваться со вкусом общественным. Может быть, я во многом и ошибся; но мнение мое сказал чистосердечно, и читатель скорее обличит меня в невежестве, нежели в пристрастии. Надобно иметь некоторую смелость, чтобы порицать дурное в словесности; но едва ли не потребно еще более храбрости тому, кто вздумает хвалить то, что истинно достойно похвалы.

В. Добро никогда не теряется, особливо добро, сделанное музам: они чувствительны и благодарны. Они записали в скрижалях славы имена Шувалова, г(рафа) Строгова и г(рафа) Н. П. Румянцева, который и поныне удостаивает их своего покровительства. Какое доброе сердце не заметит с чистейшею радостью, что они осыпали цветами гробницу Муравьева? Ученый Рихтер, почтенный сочинитель "Истории медицины в России", в прекрасной речи своей, говоренной им в Московской медико-хирургической академии, и г. Мерзляков, известный профессор Московского Университета, в предисловии к Вергилиевым Эклогам упоминали о нем с чувством, с жаром. Некоторые стихотворцы, из числа их г. Воейков, в послании к Эмилию, и г. Буринский, слишком рано похищенный смертью с поприща словесности, говорили о нем в стихах своих. Последний, оплавав кончину храброго генерала Глебова, продолжает:

О Провидение! Роптать я не дерзаю!..
Но – слабый – не могу не плакать пред тобой:
Там в славе, в счастья злодея созерцаю,
Здесь вянет, как трава, муж кроткий и благой!
Слез горестных поток еще не осушился,
Еще мы... Злобный рок навеки нас лишил
Того, кто счастьем Парнаса веселился

...

Где ты, о Муравьев! прямое украшень,
Парнаса русского любитель, нежный друг?
Увы! зачем среди стези благодворенья,
Как в добродетелях мужал твой кроткий дух,
Ты рано похищен от наших ожиданий?
Где страсть твоя к добру? сей душ избранных дар?
Где рано собранно сокровище познаний?
Где, где усердия в груди горевший жар
Служить Отечеству, сияя средь немногих
Прямым его сынов, творивших честь ему?
Любезность разума и прелесть нравов кротких –
Исчезло все!.. Увы!.. Честь праху твоему!

II

НЕЧТО О ПОЭТЕ И ПОЭЗИИ

Поэзия – сей пламень небесный, который менее или более входит в состав души человеческой – сие сочетание воображения, чувствительности, мечтательности, – поэзия нередко составляет и муку и услаждение людей, единственно для нее созданных. "Вдохновением гения тревожится поэт", сказал известный стихотворец. Это совершенно справедливо. Есть минуты деятельной чувствительности: их испытали люди с истинным дарованием; их – то должно ловить на лету живописцу, музыканту и, более всех, поэту: ибо они редки, преходящи и зависят часто от здоровья, от времени, от влияния внешних предметов, которыми по произволу мы управлять не в силах. Но в минуту вдохновения, в сладостную минуту очарования поэтического я никогда не взял бы пера моего, если бы нашел сердце, способное чувствовать вполне то, что я чувствую; если бы мог передать ему все тайные помышления, всю свежесть моего мечтания и заставить в нем трепетать те же струны, которые издали голос в моем сердце. Где сыскать сердце, готовое разделять с нами все чувства и ощущения наши? Нет его с нами – и мы прибегаем к искусству выражать мысли свои, в сладостной надежде, что есть на земле сердца добрые, умы образованные, для которых сильное и благородное чувство, счастливое выражение, прекрасный стих и страница живой, красноречивой прозы – суть сокровища истинные... "Они не могут читать в моем сердце, но прочитают книгу мою", – говорил Монтань; и в самые бурные времена Франции, при звуке оружия, при зареве костров, зажженных суеверием, писал "Опыты" свои и, беседуя с добрыми сердцами всех веков, забывал недостойных современников.

Некто сравнивал душу поэта в минуту вдохновения с растопленным в горниле металлом: в сильном и постоянном пламени он долго остается в первобытном положении, долго недвижим; но раскаленный – рдеет, закипает и клокочет: снятый с огня, в одну минуту успокаивается и упадает. Вот прекрасное изображение поэта, которого вся жизнь должна готовить несколько плодотворных минут: все предметы, все чувства, все зримое и незримое должно распалить его душу и медленно приближать сии ясные минуты деятельности, в которые столь легко изображать всю историю наших впечатлений, чувств и страстей. Плодотворная минута поэзии! ты быстро исчезаешь, но оставляешь вечные следы у людей, владеющих языком богов.

Люди, счастливо рожденные, которых природа щедро наделила памятью, воображением, огненным сердцем и великим рассудком, умеющим давать верное направление и памяти и воображению, – сии люди имеют без сомнения дар выражаться, прелестный дар, лучшее достояние человека; ибо посредством его он оставляет вернейшие следы в обществе и имеет на него сильное влияние. Без него не было бы ничего продолжительного, верного, определенного; и то, что мы называем бессмертием на земле, не могло бы существовать. Веки мелькают, памятники рук человеческих разрушаются, изустные предания изменяются, исчезают: но Омер и книги священные говорят о протекшем. На них основана опытность человеческая. Вечные кладези, откуда мы почерпаем истины утешительные или печальные! что дает вам сию прочность? Искусство письма и другое, важнейшее – искусство выражения.

Сей дар выражать и чувства и мысли свои давно подчинен строгой науке. Он подлежит постоянным правилам, проистекшим от опытности и наблюдения. Но самое изучение правил, беспреостанное и упорное наблюдение изящных образцов – недостаточны. Надобно, чтобы вся жизнь, все тайные помышления, все пристрастия клонились к одному предмету, и сей предмет должен быть – Искусство. Поэзия, осмелюсь сказать, требует всего человека.

Я желаю – пускай назовут странным мое желание! – желаю, чтобы поэту предписали особенный образ жизни, пиитическую диету; одним словом, чтобы сделали науку из жизни стихотворца. Эта наука была бы для многих едва ли не полезнее всех Аристотелевых правил, по которым научаемся избегать ошибок; но как творить изящное – никогда не научимся!

Первое правило сей науки должно быть: живи как пишешь, и пиши как живешь. *Talis hominibus fuit oratio, qualis vita* [] [Речь людей такова, какой была их жизнь (лат.).]. Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы. К чему произвела тебя природа? Что вложила в сердце твое? Чем пленяется воображение, часто против воли твоей? При чтении какого писателя трепетал твой гений с неизъяснимою радостью, и глас, громкий глас твоей пиитической совести восклицал: проснись, и ты поэт! – При чтении творцов эпических? Итак, удались от общества, окружи себя природою: в тишине сельской, посреди грубых, неиспорченных нравов читай историю времен протекших, поучайся в печальных летописях мира, узнавай человека и страсти его, но исполнись любви и благоволения ко всему человечеству: да будят мысли твои важные и величественные, движения души твоей нежны и страстны, но всегда покорены

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
рассудку, спокойному властелину их. Этого мало! Эпическому стихотворцу надобно все испытать, обе фортуны. Подобно Тассу, любить и страдать всем сердцем; подобно Камозэнсу, сражаться за отечество, обтекать все страны, вопрошать все народы, дикие и просвещенные, вопрошать все памятники искусства, всю природу, которая говорит всегда красноречиво и внятно уму возвышенному, обогащенному опытами, воспоминаниями. Одним словом, надобно, забыв все ничтожные выгоды жизни и самолюбия, пожертвовать всем – славе; и тогда только погрузиться (не с дерзости кичливого ума, но с решимости человека, носящего в груди своей внутреннее сознание собственной силы), тогда только погрузиться в бурное и пространное море эпопеи...

Жить в обществе, носить на себе тяжелое ярмо должностей, часто ничтожных и суетных, и хотеть согласовать выгоды самолюбия с желанием славы – есть требование истинно суетное. Что образ жизни действует сильно и постоянно на талант, в том нет сомнения. Пример тому французы: их словесность, столь богатая во всех родах, не имеет ни эпопеи, ни истории. Их писатели по большей части жили посреди шумного города, посреди всех обольщений двора и праздности; а история и эпопея требуют внимания постоянного, и сей важности и сей душевной силы, которую общество не только что отнимает у человека рассеянного, но уничтожает совершенно. "Хотите ли быть красноречивыми писателями? – говорит красноречивая женщина нашего времени: будьте добродетельны и свободны, почитайте предмет любви вашей, ищите бессмертия в любви, божества в природе; освятите душу, как освещают храм, и ангел возвышенных мыслей предстанет вам во всем велелепии!" Прелестные строки, исполненные истины! вас рассеянные умы или не поймут или прочитают с гордым презрением.

Взглянем на жизнь некоторых стихотворцев, которых имена столь любезны сердцу нашему. Гораций, Катулл и Овидий так жили, как писали, Тибулл не обманывал ни себя, ни других, говоря покровителю своему, Мессале, что его не обрадуют ни триумфы, ни пышный Рим; но спокойствие полей, здоровый воздух лесов, мягкие луга, родимый ручеек и эта хижина с простым, соломенным кровом – ветхая хижина, в которой Делия ожидает его с распущенными власами по высокой груди. Петрарка точно стоял, опершись на скалу Воклюзскую, погруженный в глубокую задумчивость, когда вылетали из уст его гармонические стихи:

Sott' un gran sasso
In una chiusa valle, ond' esce Sorga,
Si sta: ne chi lo scorga
V'e, se no Amor, che mai no'l lascia un passo
E l' imagine d'una che lo strugge
[Под большой скалой
// В замкнутой долине, откуда вытекает Сорга,
// Стоит он: и того, кто бы видел его, там нет,
// Кроме Амура, который никогда не оставляет его ни на шаг,
// И образа той, которая его сокрушает (ит.).].

Счастливый Шолье мечтал под ветхими и тенистыми древами Фонтенейского убежища; там сожалел он об утрате юности, об утрате неверных наслаждений любви. Богданович жил в мире фантазии, им созданном, когда рука его рисовала пленительное изображение Душеньки [] [Богданович жил в совершенном уединении. У него были два товарища, достойные добродушного Лафонтена: кот и петух. Об них он говорил, как о друзьях своих, рассказывал чудеса, беспокоился об их здоровье и долго оплакивал их кончину.]. Державин на диких берегах Суны, орошенной кипящею ее пеною, воспевал водопад и бога в пророческом исступлении. И в наши времена, более обильные славою, нежели благоприятные музам, Жуковский, оторванный Беллоною от милых полей своих, Жуковский, одаренный пламенным воображением и редкою способностью передавать другим глубокие ощущения души сильной и благородной – в стане воинов, при громе пушек, при зареве пылающей столицы писал вдохновенные стихи, исполненные огня, движения и силы.

Если образ жизни имеет столь сильное влияние на произведения поэта, то воспитание действует на него еще сильнее. Ничто не может изгладить из памяти сердца нашего первых, сладостных впечатлений юности! Время украшает их и дает им восхитительную прелесть. В среднем возрасте зримые предметы слабо врезаются в памяти, и душа, утомленная ощущениями, пренебрегает ими: ее занимают одни страсти; в преклонных летах человек не приобретает, и последним его сокровищем остается то единственно, чем он запас себя в молодости. Таким образом природа соединяет вечер с утром жизни, как вечерняя заря сливается с утреннею в долгие дни лета под нашим северным небом.

Если первые впечатления столь сильны в сердце каждого человека, если не изглаживаются во все течение его жизни, то тем более они должны быть сильны и

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
сохранять неувядаемую свежесть в душе писателя, одаренного глубокою чувствительностью.

Утешно вспоминать под старость детски леты,
Забавы, резвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли нас!

Если бы мы знали подробно обстоятельства жизни великих писателей, то без сомнения могли бы найти в их творениях следы первых, всегда сильных ощущений. Сердце имеет свою особенную память. Руссо помнил начало песни, которую ему напевала его добродушная тетка. Молодой Ариост, в бытность свою во флоренции, влюбился в прелестную женщину. Он часто посещал ее; целые часы в глубоком безмолвии просиживал, любясь красавицею, которая вышивала по серебру пурпурным шелком. Впечатление прелестных рук навсегда осталось в памяти любовника, и столь сильно, что впоследствии времени, рассказывая битву Мандрикала с злополучным Сербином, он сравнивает алую кровь, текущую из глубокой раны юноши, с пурпурными начертаниями, которые вышивала по серебру белоснежная рука незабвенной флорентинки. Нежные сердца помнят те места в Вергилии, где поэт говорит о своей милой Мантуе; стихи римского Омера исполнены воспоминаний о юности; они исполнены сих глубоких, неизгладимых впечатлений, которые погружают читателя в сладкую задумчивость, напоминая ему его собственную жизнь и ясную зарю молодости.

Климат, вид неба, воды и земли – все действует на душу поэта, отверстую для впечатлений. Мы видим в песнях северных скальдов и эрских бардов нечто суровое, мрачное, дикое и всегда мечтательное, напоминающее и пасмурное небо севера, и туманы морские, и всю природу, скудную дарами жизни, но всегда величественную, прелестную и в ужасах. Мы видим неизгладимый отпечаток климата в стихотворцах полуденных: некоторую негу, роскошь воображения, свежесть чувств и ясность мыслей, напоминающих и небо, и всю благодетельную природу стран южных, где человек наслаждается двойною жизнью в сравнении с нами, где все питает и нежит его чувства, где все говорит его воображению. Напрасно уроженец Сицилии или Неаполя желал бы состязаться в песнях своих с бардом Морвена и описывать, подобно ему, мрачную природу севера: напрасно северный поэт желал бы изображать роскошные долины, прохладные пещеры, плодоносные рощи, тихие заливы и небо Сицилии, высокое, прозрачное и вечно ясное. Один Тасс, рожденный под раскаленным солнцем Неаполя, мог описать столь верными и свежими красками ужасную засуху, гибельную для крестовых воинов. По сему описанию, говорит ученый Женгене, можно узнать полуденного жителя, который неоднократно подвергался смертному влиянию ветров африканских, неоднократно изнемогал под бременем зноя. – У нас Ломоносов, рожденный на берегу шумного моря, воспитанный в трудах промысла, сопряженного с опасностью, сей удивительный человек в первых годах юношества был сильно поражен явлениями природы: солнцем, которое в должайшие дни лета, дошед до края горизонта, снова восстает и снова течет по тверди небесной; северным сиянием, которое в полуденном краю заменяет солнце и проливает холодный и дрожащий свет на природу, спящую под глубокими снегами, – Ломоносов с каким-то особенным удовольствием описывает сии явления природы, величественные и прекрасные, и повторяет их в великолепных стихах своих:

Закрылись крайние с пучиною леса,
Лишь с морем видны вокруг слиянны небеса.

...
...Сквозь воздух в юге чистый
Открылись два холма и берега лесисты.
Меж ними кораблям в залив отверзся вход,
Убежище пловцам от беспокойных вод,
Где, в влажных берегах крутятся, печальна Уна
Медлительно течет в объятия Нептуна...
Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло;
Как пламенна гора казалось средь валов
И простирало блеск багровый из-за льдов.
Среди пречудных при ясном солнце ночи
Верхи златых зыбей пловцам сверкают в очи.

Мы не остановимся на красоте стихов. Здесь все выражения великолепны: горящее лице солнца, противоположенное хладным водам океана; солнце, остановившееся на горизонте и, подобно пламенной горе, простирающее блеск из-за льдов, – суть первоклассные красоты описательной поэзии. Два последние стиха, заключающие

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
картину, восхитительны:

Среди пречудных при ясном солнце ночи
Верхи златых зыбей пловцам сверкают в очи.

Но мы заметим, что поэт не мог бы написать их, если бы он не был свидетелем сего чудесного явления, которое поразило огненное воображение вдохновенного отрока и оставило в нем глубокое, неизгладимое впечатление.

III

III

О ХАРАКТЕРЕ ЛОМОНОСОВА

По слогу можно узнать человека, сказал Бюффон: характер писателя весь в его творениях. Это с одной стороны справедливо. – Без сомнения, по стихам и прозе Ломоносова мы можем заключить, что он имел возвышенную душу, ясный и пронизательный ум, характер необыкновенно предприимчивый и сильный. Но любителю словесности, скажу более, наблюдателю-философу приятно было бы узнать некоторые подробности частной жизни великого человека; познакомиться с ним, узнать его страсти, его заботы, его печали, наслаждения, привычки, странности, слабости и самые пороки, неразлучные спутники человека. "Разум, услаждавшийся величественными понятиями всеобщего порядка, не может быть соединен с сердцем холодным", – говорил о Ломоносове писатель, которого имя равно любезно музам и добродетели. Сия истина утверждена жизнью Ломоносова. Воображение и сердце часто увлекали его в молодости: они были источниками его наслаждений и мучений, неизвестных, неизъяснимых обыкновенным людям. – Конечно, не одна страсть к учению, которая не могла еще вполне овладеть душою отрока, воспитанного среди болот холмогорских, не одна сия страсть, столь благородная и бескорыстная, принудила его оставить родину. Семейственные огорчения и некоторое тайное беспокойство души – было к тому важнейшим побуждением. Но сие беспокойство, сие тусклое желание чего-то нового и лучшего, сия предприимчивость, удивительная в столь нежном возрасте, не означали ли великую душу и нечто необыкновенное?

Пламенное рвение к учению, неутомимая жажда познаний, постоянство в преодолении преград, поставленных неприязненным роком, дерзость в предприятиях, увенчанная сияющим успехом, – все сии качества соединены были с сильными страстями, с пламенным сердцем; или, лучше сказать, проистекали из оных, и потому должно ли удивляться, что Ломоносов в молодости своей пожертвовал всеми выгодами любви? В Марбурге он женился тайно на дочери бедного ремесленника, и в скором времени обстоятельства принудили его разлучиться с супругою. Музы любят провождать любимцев своих по тернистой тропе несчастья в храм славы и успехов. Бедствия не всегда убивают талант: напротив того, они пробуждают в душе множество прекрасных свойств и знакомят ее с собственными силами. Ломоносов, гонимый судьбою, скитался по Германии, переходил из земли в землю, без пристанища, часто без насущного хлеба: он боролся со всеми нуждами и горестями и никогда, нигде не преступил законов чести, никогда не забывал оставленной супруги. С какой чувствительностию (возвратясь в Петербург) прочитал он письмо ее и воскликнул пред посланным от г. Бестужева: "Боже мой! могу ли ее оставить!" – Слезы прерывали беспрестанно слова его. Сладостно видеть наблюдателю человечества соединение столь глубокой чувствительности с умом обширным, верным и прозорливым! Чувствительность и сильное, пламенное воображение часто владели нашим поэтом, конечно, против воли его. На возвратном пути из Амстердама по морю Ломоносов, сидя на палубе, при шуме волн погружался в сладкую задумчивость. Открытое море, шум ветра и непрерывное колебание корабля напоминали ему первые лета юности, проведенные посреди непостоянной стихии: они напоминали приморскую его родину и все, что ни есть сладостного для сердца нежного и доброго. Исполненному воспоминаний, однажды во сне ему привиделась страшная буря на волнах Ледовитого моря, кораблекрушение и хладный труп отца его, выброшенный на тот самый остров, куда Ломоносов в молодости своей приставал с ним для совершения рыбной ловли. Он в ужасе проснулся. Напрасно призывает на помощь рассудок свой, напрасно желает рассеять мрачные следы сновидения: мечта остается в глубине сердца, и ничто не в силах изгладить ее. Снова засыпает и снова видит шумное море, необитаемый остров и бледный труп родителя. Так! мы нередко уверяемся опытом, что Провидение влагает в нас какие-то тайные мысли, какое-то неизъяснимое предчувствие будущих злополучий, и событие часто подтверждает

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
предсказание таинственного сна – к удивлению, к смирению слабого и гордого
рассудка. Ломоносов это испытал в жизни своей. Отец его погиб в волнах, и тело
его найдено рыбаками на том необитаемом острове, который назначил им печальный
сын, по внушению пророческого сновидения.
По краткой биографии, напечатанной при сочинениях Ломоносова, мы теснее
знакомимся с поэтом, когда он покидает родину свою. Самое юношество
необыкновенного человека любопытно; каждое обстоятельство, каждая подробность
драгоценны. Конечно, Ломоносов в откровенной беседе ближних и друзей любил
рассказывать им первые свои печали и наслаждения; с каким восхищением он певал
на клиросе священные песни и пожирал духовные книги! С каким усилием он
промыслил славенскую грамматику и арифметику: врата учености своей! Как сердце
его унывало, покидая отца, родину, ближних! Как трепетало от радости, вступая в
обширную Москву!.. К сожалению, немного подробностей дошло до нас, и почти все
исчезли с холодными слушателями. Одни великие души чувствуют всю важность
дружеских поверений знаменитого человека, их современника. Ломоносов – нет
сомнения – казался обыкновенным человеком в кругу приятелей своих, людей весьма
обыкновенных. И мог ли Тредияковский с братнею быть ценителем величайшего ума
своего времени, ценителем Ломоносова?

Но к счастью нашему, Россия имела в молодом вельможе покровителя дарований. Мы
забудем со временем однофамильца Шувалова, который писал остроумные стихи на
французском языке, который удивлял Парни, Мармонтеля, Лагарпа и Вольтера, ученых
и неученых парижан любезностию, веселостию и учтивостию, достойною времен
Лудовика XIV: но того Шувалова, который покровительствовал Ломоносова, никогда
не забудем. Имя его навсегда останется драгоценно музам отечественным. Он был
все для нашего лирика: деятельный и просвещенный покровитель, попечительный
друг, часто снисходительный и всегда постоянный. Без него – Ломоносов не мог бы
предпринять сих великих трудов, требующих издержек и беспрестанных пособий.
Скажем более: как ученый, как стихотворец Ломоносов обязан ему всем, даже
постоянством в любви ко славе. Прозорливый Шувалов в уроженце Холмогор угадал
великого человека: счастливый поэт нашел в вельможе истинный патриотизм,
обширные сведения, вкус образованный и, что всего лучше, – благородную,
деятельную душу! Одним словом (редкое явление!), вельможа и поэт понимали друг
друга. Письма Ломоносова к Шувалову суть бесценный памятник словесности русской:
в них виден и стихотворец, и покровитель его. Они заключают в себе множество
любопытных подробностей, анекдотов и, наконец, известие о кончине профессора
Рихмана, достойного товарища Ломоносова. Рихман умер прекрасною смертью[] [Это
собственное выражение Ломоносова], и Ломоносов с убедительным, сердечным
красноречием ходатайствует за осиротевшее семейство, страшась, чтобы сей случай
не был перетолкован противу наук, вечно ему любезных! Часто в письмах своих он
жалуется на Тредия-ковского и Сумарокова. Если сии строки доказывают печальную
истину – что дарования во все времена, даже при самой колыбели словесности,
имеют врагов и завистников, то оне же, к радости нашей, открывают прекрасную
душу великого писателя: "Никакого не желаю мщения, – говорит он, – но способов
продолжить труды мои для славы, для пользы отечества. Мои зоилы хвалят меня
своею хулою, называя мои изображения надутыми; нападая на меня, они нападают на
древних..." До последней минуты жизни своей Ломоносов не изменил себе, и
прелестная мысль о славе его не покидала. На одре мучений и смерти Рафаэль
соболезновал о недоконченных картинах, наш северный гений – о несовершенных
трудах своих. "Я умираю, – говорил он Штелину, – я умираю, приятель! На смерть
взираю равнодушно: сожалею о том, чего не успел довершить для пользы наук, для
славы отечества и Академии нашей. К сожалению, вижу, что благие мои намерения
исчезнут вместе со мною..."

Тень великого стихотворца утешилась. Труды его не потеряны. Имя его бессмертно.
IV

IV

ВЕЧЕР У КАНТЕМИРА

Антиох Кантемир, посланник русской при дворе Лудовика XV, предпочитал уединение
шуму и рассеянию блестящего двора. Свободное время от должности он посвящал
наукам и поэзии. В мирном кабинете, окруженный любимыми книгами, он часто
восклидал, перечитывая Плутарха, Горация и Вергилия: "Счастлив, кто,
довольствуясь малым, свободен, чужд зависти и предрассудков, имеет совесть
чистую и провождает время с вами, наставники человечества, мудрецы всех веков и
народов:

...с вами, Греки и Латины
Исследуя всех вещей действия и причины.

Ум его имел свойства, редко соединяемые: основательность, точность и воображение. Часто, углубленный в исчисления алгебраические, Кантемир искал истины и – подобно мудрецу Сиракуз – забывал мир, людей и общество, беспрестанно изменяющееся. Он занимался науками. Не для того, чтобы щеголять знаниями в суетном кругу ученых женщин или академиков: нет! он любил науки для наук, поэзию для поэзии, – редкое качество, истинный признак великого ума и прекрасной, сильной души! В Париже, где самолюбие знатного человека может собирать беспрестанно похвалы и приветствия за малейший успех в словесности, где несколько небрежных стихов, иностранцем написанных, дают право гражданства в республике словесности, Кантемир... писал русские стихи! И в какое время? Когда язык наш едва становился способным выражать мысли просвещенного человека. Бросьте на остров необитаемый математика и стихотворца, говорил Д'Аламбер: первый будет проводить линии и составлять углы, не заботясь, что никто не воспользуется его наблюдениями; вторы и перестанет сочинять стихи, ибо некому хвалить их: следственно, поэзия и поэт, заключает рассудительный философ, питаются суетностью. Париж был сей необитаемый остров для Кантемира. Кто понимал его? Кто восхищался его русскими стихами? – В самой России, где общество, науки и словесность были еще в пеленах, он, нет сомнения, находил мало ценителей своего таланта. Душою и умом выше времени обстоятельств, он писал стихи, он поправлял их беспрестанно, желая достигнуть возможного совершенства, и, казалось, завещал благородному потомству и книгу, и славу свою. Талант питается хвалою, но истинный, великий талант и без нее не умирает. Поэт может быть суетным – равно как и ученый, – но истинный любитель всего прекрасного не может существовать без деятельности, и то, что было сказано нашим Катуллом о нашем Бавии, –
С последним вздохом он издаст последний стих, –

почти то же можно сказать о великом стихотворце. На одре смерти Сервантес не покидал пера своего. Камюэнс писал "Лузияду" посреди племен диких. Тасс, несчастный Тасс, в ужасном заключении беседовал с музами. Державин, за час пред смертью, хладящими перстами извлекал звуки из бессмертной лиры своей. Сих ли людей обвиним в суетности?.. Но возвратимся к Кантемиру. Однажды по вечеру Монтестье и аббат В., известный остроумец, навестили нашего стихотворца. Он беседовал с своею музою и не приметил входящих друзей, которые имели к нему свободный доступ. Несколько минут Кантемир перечитывал начало послания своего к «нязю» Никите Трубецкому, и всегда с новым жаром и удовольствием. При чтении спокойное и даже холодное лицо Кантемира приметным образом изменялось: глаза его сверкали, как молнии, щеки разгорелись, и рука его ударяла такту по отверстой пред ним книге. Монтестье взглянул на аббата, кивнул ему головою и намеревался удалиться. Они не хотели беспокоить министра, полагая, что он занят важным государственным делом. Кантемир услышал за собою шорох, оглянулся – и бросился обнимать неожиданных гостей. – "Мы вам помешали: мы пришли не в пору". – "Нимало!" – "Вы читали важные бумаги?" – "Я забавлялся: перечитывал стихи моего сочинения". – "Но какие? мы ни слова не поняли". – "Русские". – "Русские стихи!" – восклицал аббат, пожимая плечами от удивления: "русские стихи! это любопытно..."
Кантемир

Слабое подражание Горацию, Ювеналу и Персию. Вы знаете мою страсть к древним писателям; она завлекла меня далеко. Не в силах будучи сравниться с древними поэтами Рима, я влачусь за ними, как раб за господином, или – как страстный любовник за гордою красавицею. Вы никогда не писали стихов, г. президент, и не знаете сего мучения и удовольствия, которое называют метроманию?

Монтестье

Ваша правда. Я не писал стихов, но люблю стихи, когда нахожу в них столько же мыслей, сколько слов: когда они ясны, сильны, выразительны, одним словом – хороши, как проза. Я всегда уважал сатиры и послания Горация: они знакомят нас с Римом, со нравами, с образом жизни переродившихся потомков Брутов, Кориоланов и Сципионов; Ювенала перечитываю с удовольствием: прямы и римлянин душою! Он то же в стихах, что Тацит в прозе. Я люблю творения сих поэтов, как памятники языка, образованного целыми веками славы народной, языка мужественного, обильного, выразительного: почтенного родителя языков новейших.
Аббат В.

И г. президент, конечно, сожалеет, что вы пишете русские стихи. Зная совершенно язык латинский и наш французский, столь ясный, точный и красивый, вы лишаете нас удовольствия читать ваши прелестные произведения.

Монтескье

Сожалею и удивляюсь, как можно писать, скажу более, как можно мыслить на языке необразованном? Вы пишете по-русски, а ваш язык и нация – еще в пеленах.

Кантемир

Справедливо: русский язык в младенчестве; но он богат, выразителен, как язык латинский, и со временем будет точен и ясен, как язык остроумного Фонтенеля и глубокомысленного Монтескье. Теперь я принужден бороться с величайшими трудностями: принужден изобретать беспрестанно новые слова, выражения и обороты, которые, без сомнения, обветшают через несколько годов. Переводя "Миры" Фонтенелевы, я создавал новые слова: академия Петербургская часто одобряла мои опыты. Я очищал путь для моих последователей.

Аббат В.

Но скажите, бога ради, как же вы могли присвоить все тонкие выражения и обороты первого щеголя языка французского, нашего семидесятилетнего Фонтенеля?

Кантемир

Как умел! Я следовал рабски по следам его. Перевод мой слаб, груб, неверен. Скифы заставили пленного грека изваять Венеру и обещали ему свободу. Грек был дурной ваятель; в Скифии не было ни паросского мрамора, ни хороших резцов; за неимением их – соотечественник Праксителев употребил грубый гранит, молот, простую пилу и создал нечто похожее на Венеру, следуя заочно образцу, столь славному не только в Греции, но даже в землях варваров. Скифы были довольны, ибо не знали божественного подлинника, и поклонялись новой богине с детским усердием. Скифы – мои соотечественники; Праксителива статуя – книга бессмертного Фонтенеля – а я сей грек, неискусный ваятель.

Аббат В.

О! вы слишком скромны, почтенный князь! Кантемир
Не довольствуясь опытом моим над Фонтенелем, я принялся за "Персидские письма".

Аббат В.

"Персидские письма" по-русски!

Монтескье

Мог ли я ожидать, что первое, слабое произведение моего пера отнимет у вас столько драгоценного времени?

Аббат В.

Теперь гиперборейцы узнают, как ветрены и малодушны обитатели берегов Сейны.

Кантемир

И как остроумны.

Аббат В.

Я давно на вечерах г-жи Жофрень – которая вас превозносит, но в душе своей ненавидит – давно предсказывал вашу славу, г. Монтескье!
В земле своей никто пророком не бывал
Но мое пророчество сбылось, как видите. Легко быть может, что в эту самую минуту на берегах Ледовитого моря, на берегах Лены или Оби, в пустынях Татарии – читают ваши остроумные письма, и имя Монтескье гремит в становищах калмыков и самоедов.

Монтескье

Читают "Персидские письма" при свете лампы, налитой рыбьим жиром..

Аббат В.

Или при свете северного сияния.. Конечно странно, чудесно! – А мы говорим с таким пренебрежением о великой Московии!

Кантемир

Калмыки и самоеды не читают философических книг, и, конечно, долго читать не будут. Но в Москве многолюдной, в рождающейся столице Петра, в монастырях малой и великой России есть люди просвещенные и мыслящие, которые умеют наслаждаться прекрасными произведениями муз.
Монтескье

Число таких людей должно быть весьма ограничено. До сих пор я думал и думаю, что климат ваш, суровый и непостоянный, земля, по большей части бесплодная, покрытая в зиму глубокими снегами, малое население, трудность сообщений, образ правления почти азиатский, закоренелые предрассудки и рабство, утвержденные веками навыка, – все это вместе надолго замедлит ход ума и просвещения. Власть климата есть первая из властей.

Аббат В.

Я с вами согласен; и полагаю, что все усилия исполинского царя, все, что он ни сотворил железною рукою, все – разрушится, упадет, исчезнет. Природа, обычаи древние, суеверие, неисцелимое варварство – возьмут верх над просвещением слабым и неосновательным; и вся полудикая Московия – снова будет дикою Московиею, и вечный туман забвения покроет дела и жизнь преемников Петра Великого.

Кантемир

Я осмелюсь спорить с великим творцом книги о существе законов и с вами, любезный аббат. Россия пробудилась от глубокого сна, подобно баснословному Эпимениду. Заря, осветившая нашу землю, предвещает прекрасное утро, великолепный полдень и ясный вечер: вот мое пророчество!

Аббат В.

Но это не заря – северное сияние. Блеску много, но без света и без теплоты.

Монтескье

Остроумный аббат сказал великую истину. Положим – трудное предположение, едва ли сбыточное дело! – положим, что правительство откроет все пути к просвещению, что будет беспрестанно призывать иностранцев для воспитания юношества, построит теплые дома для училищ, и из сих парников и теплиц просвещения соберет несколько незрелых и несочных плодов; положим, что правительство образует военных людей, довольно искусных, несколько мореходцев, небольшое число артиллеристов, инженеров и проч. Но скажите, может ли правительство вдохнуть вкус к изящному, к наукам отвлеченным, умозрительным? Какая сила изменит климат? Кто может вам даровать новое небо, новый воздух, новую землю?

Аббат В.

И новое солнце? Как можно сеять науки там, где осенью серп земледельца пожинает редкие класы на броздах, потом его орошенных; где зимою от холоду чугун распадается и топор жидкости рубит?..
Caeduntque secunbus humida vma[] [Они рубят секирами влажные вина! (лат.)]
Монтескье

Холодный воздух сжимает железо; как же не действовать ему на человека? Он сжимает его фибры; он дает им силу необыкновенную. Эта сила физическая сообщается душе. Она внушает ей храбрость в опасности, решительность, бодрость, крепкую надежду на себя; она есть тайная пружина многих прекрасных свойств характера; но она же лишает чувствительности, необходимой для наук и искусств. Теплота, напротив того, расширяя тончайшую плену кожи, раскрывает оконечности

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

нервов и сообщает им чудесную раздражительность. В землях холодных наружная кожа столь сильно сжата воздухом, что нервы, так сказать, лишены жизни, и редко, очень редко сообщают слабые ощущения свои мозгу. Вы знаете, что от бесчисленного количества слабых ощущений зависят воображение, вкус, чувствительность и живость. Надобно содрать кожу с гипербореяца, чтоб заставить его что-нибудь почувствовать [] [II faut ecorcher un Moscovite pour lui donner du sentiment (?)] «Надобно содрать кожу с жителя Московии, чтобы дать ему что-либо почувствовать (фр.)»].
Аббат В.

Что можете отвечать на это? Вы станете защищать соотечественников ваших, как министр, и на сильные, неотразимые силлогизмы президента отвечать дипломатическими, отклоняющими истину фразами?

Кантемир

Я родился в Константинополе. Праотцы мои происходят от древней фамилии, некогда обладавшей престолом Восточной империи. Следственно, во мне играет еще кровь греческая, и я непритворно люблю голубое небо и вечнозеленые оливы стран полуденных. В молодости я странствовал с отцом моим, неразлучным спутником, искреним другом Петра Великого, и видел обширные долины России от Днепра до Кавказа, от Каспийского моря до берегов величественной Москвы. Я знаю Россию и обитателей ее. Хижина земледельца и терем боярина мне равно известны. Руководимый наставлениями отца моего, просвещеннейшего человека в Европе, с ранних лет воспитанный в училище философии и опытности, будучи обязан по званию моему иметь беспрестанные и тесные сношения с иностранцами всех наций, я не мог сохранить предрассудков варварских и привык смотреть на новое отечество мое оком беспристрастного наблюдателя. В Версали, в кабинете короля вашего, в присутствии министров я – представитель великого народа и всемогущей его монархини: но здесь, в обществе дружеском, с великим гением Европы, поставляю обязанности говорить откровенно; и вы, г. аббат, скорее обличите Кантемира в невежестве, нежели в призрастии или нечистосердечии. Вот мой ответ: вы знаете, что Петр сделал для России; он создал людей, – нет! он развил в них все способности душевные; он вылечил их от болезни невежества; и русские, под руководством великого человека, доказали в короткое время, что таланты свойственны всему человечеству. Не прошло пятнадцати лет – и великий монарх наслаждался уже плодами знаний своих сподвижников: все вспомогательные науки военного дела процвели внезапно в государстве его. Мы громами побед возвестили Европе, что имеем артиллерию, флот, инженеров, ученых, даже опытных мореходцев. Чего же хотите от нас в столь короткое время? Успехов ума, успехов в науках отвлеченных, в изящных искусствах, в красноречии, в поэзии? – Дайте нам время, продлите благоприятные обстоятельства, и вы не откажете нам в лучших способностях ума. Вы говорите, что власть климата есть первая из властей. Не спору: климат имеет влияние на жителей; но это влияние, (как вы сами заметили в бессмертной книге своей), это влияние уменьшается или смягчается образом правления, нравами, общежитием. Самый климат России разнообразен. Иностранцы, говоря о нашем отечестве, полагают вообще, что Московия покрыта вечными снегами, населена – дикими. Они забывают неизмеримое пространство России; они забывают, что в то время, когда житель влажных берегов Белого моря ходит за куницею на быстрых лыжах своих, – счастливый обитатель устьев Волги собирает пшеницу и благодатное просо. Самый Север не столь ужасен взорам путешественника; ибо он дает все потребное возделывателю полей. Плуг есть основание общества, истинный узел гражданства, опора законов; а где, в какой стране России не оставляет он благодетельных следов своих? С успехами людскости и просвещения Север беспрестанно изменяется, и, если смею сказать, прирастает к просвещенной Европе. Скажите: когда Тацит описывал германцев, думал ли тогда Тацит, что в диких лесах ее возникнут города великолепные, что в древней Панновии и Норике родятся светильники ума человеческого? Нет, конечно! Но Петр Великий, заключив судьбу полумира в руке своей, утешал себя великою мыслию, что на берегах Невы древо наук будет процветать под тению его державы и рано или поздно, но даст новые плоды, и человечество обогатится ими. Вы, г. Монтестье, наблюдаете беспрестанно мир политический: на развалинах протекших веков, на прахе гордого Рима и прелестной Греции вы постигли причины настоящих явлений, научились пророчествовать о будущем. Вы знаете, что с успехами просвещения изменяются явным и неперменным образом все формы правления: вы заметили сии изменения в земле русской. Время все разрушает и созидает, портит и усовершенствует. Может быть, через два или три столетия, может быть, и ранее, благие небеса даруют нам гения, который постигнет вполне великую мысль Петра – и обширнейшая земля в мире, по

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
творческому гласу его, учинится хранилищем законов, свободы, на них основанной, нравов, дающих постоянство законам, одним словом – хранилищем просвещения. Лестные надежды! вы сбудетесь, конечно. Благодетель семейства моего, – благодетель России – почивает во гробе; но дух его, сей деятельный, сей великий дух – не покидает страны, ему любезной: он всюду присутствует, все оживляет, всему дает душу, и новую жизнь, и новую силу: он, кажется мне, беспрестанно вещает России: иди вперед! не останавливайся на поприще, мною отверстом, и достигнешь великой цели, мною назначенной!
Монтескье

Но искусства? Могут ли они процветать в туманах невских или под суровым небом московским?

Аббат В.

Искусства... Ах! им-то нужен прозрачный воздух и яркое солнце Рима, древней Эллады или умеренный климат нашей Франции.

Кантемир

Полуденные страны были родиной искусств; но сии прелестные дети воображения были часто вытесняемы из родины своей варварством, суеверием, железом завоевателей и, как быстрые волны, разлились по лицу земному. Музыка, живопись и скульптура любят свое древнее отечество, а еще более – многолюдные города, роскошь, нравы изнеженные. Но поэзия свойственна всему человечеству: там, где человек дышит воздухом, питается плодами земли, – там, где он существует, – там же он наслаждается и чувствует добро или зло, любит и ненавидит, укоряет и ласкает, веселится и страдает. Сердце человеческое есть лучший источник поэзии...

Аббат В.

Так! но оно, признайтесь, не столь чувствительно на Севере.

Монтескье

Я видел оперу в Англии и в Италии. От музыки, которую англичане слушают спокойно, итальянцы бывают вне себя и прыгают, как пифия на пророческом треножнике.

Кантемир

Что доказывает это? Что чувствительность народов южных раздражительнее, сообщительнее: но едва ли столь глубока, столь сильна, как чувствительность народов северных. В бытность мою в Лондоне ученый шотландец Н. Н. показывал мне песни своих горных соотечественников: они напоминают древнего Омера и силою мыслей, глубиною чувств превосходят многие произведения музы итальянской.

Аббат В.

Невероятно!

Кантемир

Мы, русские, имеем народные песни: в них дышит нежность, красноречие сердца; в них видна сия задумчивость, тихая и глубокая, которая дает неизъяснимую прелесть и самым грубым произведениям северной музыки.

Аббат В.

Чудесно! по чести, невероятно!

Кантемир

...Скажите, если грубые дети Севера умеют чувствовать и изъясняться столь живо и приятно, то чего нельзя ожидать нам от людей образованных?

Аббат В.

Но... почтенный защитник Севера... вы знаете, что народные песни... лепетание

младенцев!

Кантемир

Младенцев, которые со временем возмужают. Как знать? Может быть, на диких берегах Камы или величественной Волги – возникнут великие умы, редкие таланты. Что скажете, г. президент, что скажете, услыша, что при льдах Северного моря, между полудиких родился великий гений? Что он прошел исполинскими шагами все поле наук; как философ, как оратор и поэт преобразовал язык свой и оставил по себе вечные памятники? Это одно предположение, но дело возможное. Что скажете, если...

Аббат В.

Но к чему сии гипотезы? Легче поверю, что русские взяли приступом Париж и уничтожили все крепости, Вобаном построенные!!! Впрочем, для чудес нет законов, говорил мне Фонтенель с значительною усмешкою, прочитав в первый раз свое глубокомысленное рассуждение об оракулах. Все надежды ваши, может быть, и сбудутся, или вы найдете их в царстве Луны, с утраченными надеждами Астольфа. Но, постите моему чистосердечию.. признаюсь, я до сих пор смотрю на вас с удивлением и не могу постигнуть, как можно в Париже – на земле Расина и Корнеля – писать русские стихи?

Кантемир

Это напоминает: как можно быть персиянином?

Монтескье

Вы хотели поразить нас собственным нашим оружием. Но позвольте сделать одно замечание. Вы подражаете Горацию и Ювеналу: следственно, пишете сатиры, – сатиры на нравы... которые еще не установились. Гораций и Ювенал осмеивали пороки народа развратного, но достигшего высокой степени просвещения; остроумный и всегда рассудительный Буало писал при дворе великого короля, в самую блестящую эпоху монархии французской. Теперь общество в России должно представлять ужасный хаос: грубое слияние всего порочного, смешение закоренелых предрассудков, невежества, древнего варварства, татарских обычаев с некоторым блеском роскоши азиатской, с некоторыми искрами просвещения европейского! Какая тут пища для поэта сатирического? Могут ли проникнуть тонкие стрелы эпиграммы сквозь тройную броню невежества и уязвить сердце, окаменелое от пороков, закаленное в невежестве? И что значат сии стрелы в земле, где женщины, хранительницы нравов, едва начинают освобождаться из-под ига мужей своих; в земле, где общественное мнение еще шатается, еще не установилось и не может наказывать своим приговором того, что не подлежит суду законов? Одним словом: как можно смеяться говорить истину властелинам или рабам? Первым – опасно; другим – бесполезно.

Кантемир

Пользуясь покровительством монархов и вельмож, занимающих первые степени в государстве, я без страха говорил истину, и мои сатиры принесли некоторую пользу. Петр Великий, преобразуя Россию, старался преобразовать и нравы: новое поприще открылось наблюдателю человечества и страстей его. Мы увидели в древней Москве чудесное смешение старины и новизны, две стихии в беспрестанной борьбе одна с другою. Новые обычаи, новые платья, новый род жизни, новый язык не могли еще изменить древних людей, изгладить древний характер. Иные бояра, надевая парик и новое платье, оставались с прежними предрассудками, с древним упрямством и тем казались еще страннее; другие, отложив бороду и длинный кафтан праотеческий, с платьем европейским надевали все пороки, все слабости ваших соотечественников, но вашей любезности и людскости занять не умели. Частые перемены при дворе возводили на высокие степени государственные людей низких и недостойных: они являлись и – исчезали. Временщик сменял временщика, толпа льстецов другую толпу. Гордость и низость, суеверие и кощунство, лицемерие и явный разврат, скупость и расточительность неимоверная: одним словом, страсти, по всему противоположенные, сливались чудесным образом и представляли новое зрелище равнодушному наблюдателю и философу, который только ощупью, и с Горацием в руках, мог отыскать счастливую средину вещей. Я старался изловить некоторые черты сих времен; скажу более: я старался явить порок во всей наготе его и намекнуть соотечественникам истинный путь честности, благих нравов и добродетели. Ученый феофан, архимандрит Кролин, оба достойные пастыря; Никита Трубецкий и другие вельможи одобрили мои слабые опыты, мое перо неискусное, но

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
смелое, чистосердечное. Я первый осмелился писать так, как говорят: я первый изгнал из языка нашего грубые слова славянские, чужестранные, не свойственные языку русскому, – и открыл новую дорогу для грядущих талантов. Сатиры мои будут иметь некоторую цену для потомков наших, подобно древним картинам первых живописцев, предшественников Рафаэля: в них они найдут изображение верное нравов и языка русского, в славном периоде для России: от времен Петра до царствования счастливой, обожаемой нами Елисаветы, – и имя мое (простите мне авторское самолюбие) будет уважаемо в России более потому, что я первый осмелился говорить языком муз и философии, нежели потому, что занимал важное место при дворе вашем. Аббат В.

Прекрасно! Вы говорите, как истинный философ.

Монтескье

Мы желали бы видеть ваши сатиры на французском языке. Отчасти я согласен с вами: картина нравов народа почти нового всегда любопытна. Но... вот и аббат Гуаско, ваш приятель...

– Вы очень кстати навестили нас! – сказал Кантемир, обнимая аббата. – Вы перевели мои сатиры на французский язык: прочитайте что-нибудь в угождение г. президенту; а у вас, господа, прошу терпения и снисхождения...
Чтение и разговор продолжались долго, даже за полночь. Наконец Монтескье и аббат В. откланялись министру и расстались... довольны ли им? не знаю.
Знаю только, что Кантемир, шевеля гаснувшие уголья в камине, сказал аббату Гуаско:

– Признайся, любезный друг, Монтескье умный человек, великий писатель... но...
– Но говорит о России, как невежда, – прибавил аббат Гуаско. – Скромный Кантемир улыбнулся, пожелал доброй ночи аббату, и они расстались.

V

ПИСЬМО К И. М. М«УРАВЬЕВУ»–А«ПОСТОЛУ»

О сочинениях г. Муравьева

Перечитывая снова рукописи и сочинения М. Н. Муравьева (изданные по его кончине, Москва, 1810), я осмелился сделать несколько замечаний. Две причины были моим побуждением. Вам будет приятно, милостивый государь, беседовать со мною о незабвенном муже, которого утрата была столь горестна для сердца вашего. Все теснее и теснее связывало вас с покойным вашим родственником. Самая дружба питалась, возвеличивалась взаимною любовью к музам, единственным утешительницам сей бурной жизни. Она украсила дни цветущей молодости вашей и поздним летам приготовила сладостные воспоминания. Конечно, каждый стих, каждое слово Вергилия напоминают вам о незабвенном друге вашем; ибо с ним вы читали древних, с ним наслаждались прекрасными вымыслами чувствительного поэта Мантуи, глубоким смыслом и гармонией Горация, величественными картинами Тасса, Мильтона и неизъяснимую прелестью стенаний Петрарки; одним словом, всеми сокровищами древней и новейшей словесности.

Вторую причину, побудившую меня говорить о сочинениях г. Муравьева, могу смело отнести на счет пользы общественной. В 1810 году г. Карамзин взял на себя приятный труд быть издателем оных, несмотря на важные свои занятия по части истории; ибо он любил в покойном авторе не одно искусство писать, соединенное с обширною ученостию, но душу, прекрасную его душу. Говоря о писателе в кратком предисловии, он заключает следующими словами: "Страсть его к учению равнялась в нем только со страстию к добродетели". Прекрасные слова, и совершенно справедливые! Кто знал сего мужа в гражданской и семейственной его жизни, тот мог легко угадывать самые тайные помышления его души. Они клонились к пользе общественной, к любви изящного во всех родах и особенно к успехам отечественной словесности. Он любил отечество и славу его, как Цицерон любил Рим; он любил добродетель, как пламенный ее любовник, и всегда, во всех случаях жизни, остался верен своей благородной страсти.

После долгого отсутствия возвращаясь в отчизну и с новым удовольствием принимая за русские книги, я искал во всех журналах выгодного или строгого приговора сочинениям г. Муравьева. Четыре года прошло со времени их издания в

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

свет, и никто, ни один из журналистов, не упоминает об них[] [В прошлом 1813 году г Гнедич упомянул о сочинениях г Муравьева, говоря о лучших наших прозаических писателях в "Рассуждении о причинах, замедляющих успехи нашей словесности" Мы с удовольствием слышали, что его превосходительство г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа предписал чтение сочинений г. Муравьева в училищах сего округа]. Чему приписать сие молчание? Лени господ редакторов и холодности читателей к книгам полезным, которых появление столь редко на горизонте нашей словесности. Некоторые из господ журналистов наших поставляют себе долгом говорить только о том, что подействовало на чернь нашей публики. Они захвалят по одному предубеждению юный, возникающий талант или в одном слове напишут ему страшный и несправедливый приговор. Их леность собирает плоды с одного невежества. К несчастью, они во многом похожи на наших актеров, которые, играя для партера, забывают, что в ложах присутствуют строгие судьи искусства.

Я пропущу другую причину хладнокровия и малого любопытства нашей публики к отечественным книгам. Они происходят от исключительной любви к французской словесности – и эта любовь неизлечима. Она выдержала все возможные испытания и времени и политических обстоятельств [] [Бурный и славный 1812 год миновался, и любовь к Отечеству, страсть благородная, не ослепляет нас на счет французской словесности. Просвещенный россиянин будет всегда уважать писателей Лудовикова века, не Север есть родина Омеров. Наши воины, спасители Европы от нового Аттилы, потушили пламенный брани в отечестве Расина и Мольера и на другой день по вступлении в Париж, к общему удивлению его жителей, рукоплескали величественным стихам французской Мельпомены на собственном ее театре. Но исключительная страсть к какой-либо словесности может быть вредна успехам просвещения. Истина неоспоримая, которую г. Уваров, в письме к г. Капнисту, изложил столь блестящим образом: "Без основательных познаний и долговременных трудов в древней словесности, – говорит почтенный защитник Омера и экза-метров, – никакая новейшая существовать не может; без тесного знакомства с другими новейшими мы не в состоянии обнять все поле человеческого ума, обширное и блистательное поле, на котором все предубеждения должны бы умирать и все ненависти гаснуть".]. Все было сказано на сей счет; все укоризны, все насмешки Талии и людей просвещенных... остались без пользы, без внимания. Но я твердо уверен, что есть благоразумные читатели, которые, желая находить в чтении приятность, соединенную с пользою, и будучи недовольны нашею литературою, столь бедною в некоторых отношениях, часто с горестию прибегают к иностранной. Такого рода люди – их число ограничено – радуются появлению хорошей книги и перечитывают ее с удовольствием. Для них я спешу сделать некоторые замечания на сочинения г. Муравьева вообще и напомнить им о собственном их богатстве. Собрание сих сочинений (изданных в Москве, 1810) составлено из отдельных пиэс, которые, как говорит г. Карамзин, были написаны автором для чтения великих князей. Он имел счастье преподавать им наставления в российском языке, в нравственности и словесности [] [Ныне благополучно царствующему государю императору и цесаревичу великому князю константину Павловичу.]. Желая начертать в юной памяти исторические лица знаменитых мужей, а особливо великих князей и царей русских, автор, подобно Фонтенелю, заставляет разговаривать их тени в царстве мертвых. Но французский писатель гонялся единственно за остроумием: действующие лица в его разговорах разрешают какую-нибудь истину блестящими словами; они, кажется нам, любят сами тем, что сказали. Под пером Фонтенеля нередко древние герои преобразуются в придворных Лудовикова времени и напоминают нам живо учтивых пастухов того же автора, которым недостает парика, манжет и красных каблучков, чтобы шаркать в королевской передней, как замечает Вольтер – не помню в котором месте. Здесь совершенно тому противное: всякое лицо говорит приличным ему языком, и автор знакомит нас, как будто невольно, с Руриком, с Карлом Великим, с Кантемиром, с Горацием и пр. Он, как Фонтенель, разрешает в маленькой драме своей какую-нибудь истину или политическую, или нравственную; но жертвует ей ничтожными выгодами остроумия и, если смею сказать, скрывается за действующее лицо. – Например, желая сказать, что истинное богопочитание неразлучно с человеколюбием, он заставляет разговаривать Игоря и Ольгу, которая была жестокою по добродетели и действовала по ложным понятиям воспитания и народных нравов. В другом разговоре он выводит на сцену Карла Великого и Владимира, имея в виду следующее предложение: "Слава добрых государей никогда не погибает, и беспристрастный глас истории, отделяя от них некоторые легкие несовершенства человечества, представляют добродетели их для подражания потомству". И так далее.

Сии разговоры и письма обитателя предместия могут заменить в руках наставников лучшие произведения иностранных писателей. В них моральные истины изложены с такою ясностию, с таким добродушием, облечены в столь приятные формы слога, что

самая разборчивая критика увенчает их похвалами. Нас лучше удостоверяют примеры. Возьмем их наудачу из писем. Сочинитель, удаленный от городского шума, в приятном сельском убежище – "на берегах сватлого ручья, по которым разбросано несколько кустов орешника", – пишет к своему приятелю о различных предметах, его окружающих; веселится сельскими картинами, мирным счастьем полей и человеком, обитающим посреди чудес первобытной природы. Часто облако задумчивости осеняет его душу; часто углубляется он в самого себя и извлекает истины, всегда утешительные, из собственного своего сердца. Тихая, простая, но веселая философия, неразлучная подруга прекрасной, образованной души, исполненной любви и доброжелания ко всему человечеству, с неизъяснимой прелестью дышит в сих письмах. "Никакое неприятное воспоминание не отравляет моего уединения (здесь видна вся душа автора): чувствую сердце мое способным к добродетели; оно бьется с сладостною чувствительностию при едином помышлении о каком-нибудь деле благотворительности и великодушия. Имею благородную надежду, что, будучи поставлен между добродетели и несчастья, выберу лучше смерть, нежели злодейство. И кто в свете счастливее смертного, который справедливым образом может чтить самого себя?" – Прекрасные, золотые строки! Кто, кто не желал бы написать их в излиянии сердечном? – Потом, описав сладостные занятия любителя муз в тихом кабинете, наш автор прибавляет: "И после того есть еще люди, которые ищут благополучия в рассеянии, в многолюдстве, далеко от домашних богов своих! – Какое счастье отереть слезы невинно страждущего, оказать услугу маломощному, облегчить зависимость подчиненных? Но что я скажу о дружбе? Чувствовать себя в другом, разуместь друг друга столь искренно, столь скоро, при едином слове, при едином взоре? – Кто называет дружбу, называет добродетель". – Сии строки, и многие другие, напоминают нам Монтаня, там, где он, предаваясь счастливому излиянию своего сердца, говорил о незабвенном своем Лабоесе [] [Si on me presse de dire, pourquoi je l'aimais, je sens que cela ne se peut exprimer qu'en repondant: parceque c'etoit lui, parceque c'etoit moi. Монтань. «Если меня понуждают сказать, почему я его любил, я чувствую, что это можно выразить, только ответив: потому что это был он, потому что это был я (фр.).»]. Тон иных писем важнее – но нравственная цель всегда одинакова. Признаюсь вам, милостивый государь, я не могу удержаться от удовольствия выписывать; притом это единственный и лучший способ показать красоты сочинения и дать ясное понятие об авторе. "Тихий вечер оканчивал знойный день. Солнце, величественнее и медленнее на конце пути своего, покоилось за мгновение пред закатом на крайних горах горизонта, а я прогуливался на крутом берегу Волги с добродетельным другом юности моей, с кротким моим наставником. Власы главы его белели уже от холода старости; весна жизни моей не расцветала еще совершенно. Мы касались оба противоположных крайностей века. Но дружба его и опытность сокращали расстояние, которое разделяло нас, и часто, позабываясь, мнил я видеть в нем старшего и благоразумного товарища. Будучи важнее обыкновенного в тот вечер, он говорил мне: – Сын мой! – сим именем люблю я одолжен был нежности сердца его, – озирая холмы сии, одеваемые небесною лазурью, поля, жатвы и напоющие их струи, не чувствуешь ли в сердце твоём благополучия? Чудеса природы не довольны ли для счастья человека? Но одно худое дело, которого сознание оскорбляет сердце, может разрушить прелесть наслаждения. Великолепие и вся красота природы вкушается только невинным сердцем. Одно счастье – добродетель; одно несчастье – порок. И все вечера твои будут так тихи, ясны, как нынешний. Спокойная совесть творит и природу спокойную. – Слова его проникли в душу мою, и я с умилением повергся в объятия старца".

Другие отрывки принадлежат к вышнему роду словесности. Между ими повесть "Оскольд", в которой автор изображает поход северных народов на Царьград, блистает красота. Здесь мы видим толпы диких воинов, которых как будто невидимая сила влечет к роскошной столице Восточной империи. Мы переносимся во времена глубокой древности; в степи и дремучие леса полуобитаемой России; то на бурные волны Варяжского моря, покрытые судами отважных плователей; то в непроходимые снежные пустыни Биармии, освещенные холодным солнцем; то в роскошное царство Михаила, "где игры, удивительные ристалища занимают ежедневно праздность народа. Счастлив, кто видел все сие единожды в жизни! Сладостное воспоминание распространится на остальное течение дней его и облегчит ему время ненавистной старости". – Автор с обыкновенным искусством говорит о Труворе и Синеусе, сохраняя всю приличность историческую; выводит честолюбивого Вадима, "которого взоры изображают столько же упреков новгородцам, сколько строгости воинской", и возбуждает в памяти нашей цепь великих отечественных воспоминаний. Сила изобретения блистает в исчислении Оскольдовых ратников. Они отличены резкими чертами один от другого; они живут, действуют перед вами. "Но кто может назвать имена бесчисленного воинства? Таковы тучи пернатых, наполняющих воздух криком, когда, почувствовав приход зимы, оставляют крутые берега Русского моря,

не памятуя любви и прекрасных дней, коими там наслаждались летом; удивленный путешественник позабывает дорогу свою, на них взирая; и унывает в сердце, видя себя оставляемого свирепости мразов и бурных ветров". – Вы видите пред полками сонм вдохновенных скальдов с золотыми арфами. "Нетерпеливый, добрый между ими, юный славянин, который на влажных берегах моря и на краю земли бесплодной почувствовал вдохновение скальда, оставил сети и парусы, способы скудного пропитания, и воспел соотчичам неслыханные песни о бранях и героях". Этот юный скальд напоминает нам Ломоносова. Конечно, его имел в виду наш автор, и здесь, сохраняя всю приличность рассказа, представил нам в блистательном виде отца русского стихотворства, сего чудесного мужа, которого не только дарования поэтические, невероятные успехи и труды в искусствах и науках, но самая жизнь, исполненная поэзии, – если смею употребить сие выражение – заслуживает внимание позднейшего потомства [] [Мы приглашаем прочесть в "Опытах истории, словесности и нравов" г. Муравьева прекрасную статью о заслугах Ломоносова в науках.]. Искусство, неразлучное с глубоким познанием истории, более всего блистает в описании нравов северных племен. Автор "Оскольда" краткими словами умеет возбудить внимание читателя и перенести его на сцену тогдашнего мира, который знаком ему, как Омеру древняя Трояда. Заметим еще, что эпоха, избранная им для поэтического повествования, соединяет все возможные выгоды и доказывает его верный вкус и обширные сведения. Действие происходит в России во времена отдаленные, которые поэту столь удобно украшать вымыслами и цветами творческого воображения. Оскольд, товарищ Руриков, поклоняется Одну, сему кровавому божеству скандинавов, которых и жизнь, и суеверия ознаменованы были мрачною поэзией. Спутники Оскольдовы имеют или могут иметь свои предания, как славяне имеют свою веру, и от сего рождается приятное разнообразие, истинная принадлежность эпопеи! В некотором отдалении мы видим Царьград, жилище роскоши и неги, колыбель христианской религии, куда кочующие народы Севера вторгались с мечом и пламенем для похищения земных сокровищ – и нередко возвращались с святым знаменем веры в свои непостоянные становища. Туда устремлены воины Оскольда и любопытство читателя... К сожалению, сия повесть не кончена: она есть начало большого творения, которое, без сомнения, имел в виду наш автор; но государственные занятия отклонили его от словесности. При конце жизни своей он редко беседовал с музами, уделяя несколько свободных минут на чтение древних в подлиннике и особенно греческих историков, ему от детства любезных. Исторические отрывки г. Муравьева заслуживают особенное внимание, и мы смело уверить можем – опираясь на мнение учнейших мужей по этой части, – что на русском языке едва ли находится что-нибудь подобное "Краткому начертанию российской истории", напечатанному в первый раз в 1810 году, и статьям, под названием: "Рассеянные черты из землеописания российского" и "Соединение удельных княжений в единое государство". Они начертаны пером ученого, политика и философа. Вот редкое явление в нашей словесности! Ибо наши писатели не всегда соединяли в себе качества, потребные историку: философию и критику. Мы надеемся, что ученые люди, занимающиеся отечественною историею, сообщат читающей публике свои замечания о сих бесценных отрывках, а наставники включат их в малое число книг, посвященных чтению юношества. История наша – история народа, совершенно отличного от других по гражданскому положению, по нравам и обычаям, история народа, сильного и воинственного от самой его колыбели и ныне удивившего невероятными подвигами всю Европу, – должна быть любимым нашим чтением от самого детства. "Мы ходим, – говорит красноречивый автор "Землеописания русского", – мы ходим по земле, обогренив кровию предков наших и прославленной отважными предприятиями и подвигами князей и полководцев, которые только для того осенены глубокою ношью забвения, что не имели достойных провозвестников славы своей. Да настанет некогда время пристрастия к отечественным происшествиям, к своим государям, ко нравам и добродетелям, которые суть природные произрастания нашего отечества" [] [Любители истории и словесности ожидают с нетерпением полной "Истории русской" того писателя, который показал нам истинные образцы русской прозы, и в трудолюбивом молчании более десяти лет приготовляет своему отечеству новое удовольствие, новую славу. Его творение будет иметь непосредственное влияние на умы и более всего на словесность.]. Мы должны упомянуть о философических и нравственных произведениях нашего автора. Здесь более, нежели где-нибудь, видна его душа и горячие впечатления его сердца. К нему можно применить то, что Шиллер сказал о Маттисоне: "Тесное обращение с природою и с классическими образцами напитало его дух, очистило его вкус и сохранило его нравственную грацию; пламенная и чистейшая любовь к человечеству одушевляет его произведения, и все явления природы отражаются в душе его со всеми оттенками, как в тихом зеркале воды". Здесь находим мы самого автора, вступаем с ним в тесное знакомство. Искусство человеческое может всему подражать, кроме движений доброго сердца. Вот истинная оригинальность нашего

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

автора! Он часто, как будто против воли своей, обнажает прекрасную душу и редкую чувствительность; и более всего в отрывке под названием: "Просвещение и Роскошь", где, описывая странный характер Руссо, он готов с ним предаться сладостной мечтательности; в статье о "Блаженстве", где он, определяя счастье, увлекается своим воображением и отдыхает в тишине сельской, на лоне природы, ему всегда любезной. Вы можете читать его во всякое время, и в шуме деятельной жизни, и в тишине уединения; его слова подобны словам старого друга, который, в откровенности сердечной говоря о себе, напоминает вам собственную вашу жизнь, ваши страсти, печали, надежды и наслаждения. Он сообщает вам тишину и ясность своей души и оставляет в памяти продолжительное воспоминание своей беседы. Одним словом, самое бремя печалей и забот – я занимаю его выражение – отпадает по его утешительному гласу.

В "Забавах воображения", говоря о том государственном человеке, который первый в России ознаменовал дни свои покровительством отечественных муз, которого имя должно быть драгоценно позднему потомству, – ибо перейдет к нему с именами Ломоносова и Державина, – говоря о Шувалове, сочинитель продолжает: "Приятно вспоминать государственного человека, который был чувствителен к прелестям писем, поэзии и художеств, и посреди сияния знатности и попечений правления удостоивал взорами своими просвещение; как любимец Августов или Кольберта, давал покровительство наукам или призывал дарования из чужих земель". – Конечно, иные черты можно применить к нашему автору, которого память столь любезна и художникам, и ученым. Он посещал их кабинеты, их мастерские; они искали в нем покровителя и часто находили попечительного друга. Имя его и до сих пор почтенные члены Московского Университета произносят со слезами живейшей благодарности. Незабвенное имя для сердец благородных! Оно напоминает отечеству все гражданские добродетели.

"Все то, что способствует к доставлению вкусу более тонкости и разборчивости, – прибавляет сочинитель в статье о "Забавах воображения", из которой я выписываю сии строки, – все то, что приводит в совершенство чувствования красоты в искусствах и письменах, отводит нас в то же самое время от грубых излишеств страстей, от неистовых воспалений гнева, жестокости, корыстолюбия и прочих подлых наслаждений. Кто восхищается красотами поэмы или расположением картины, не в состоянии полагать благополучия в несчастьи других, в шумных сборищах беспутства или в искании подлой корысти. Нежное сердце и просвещенный разум услаждаются возвышенными чувствованиями дружбы, великодушия и благотворительности". – Давно сказано было, что слог есть зеркало души, и относительно к нашему автору это совершенно справедливо. Слог его можно уподобить слогу Фенелона. Та же чистота и точность выражений, стройность мыслей; то же сердечное, убедительное красноречие. Образованный в училище древних, его слог сохранил на себе их печать неизгладимую: простоту, важность и приличие. Я не сделаю ни одного замечания на погрешности. Пускай другие ищут ошибок грамматических, галлицизмов и пр.

Мы предоставим себе сладостное удовольствие хвалить то, что достойно похвал и самой разборчивой критики, которая в словесности нашей более приносит пользы, указывая на красоты, нежели порицая недостатки ядовитым пером своим – и часто несправедливым.

Вам известно, милостивый государь, что я многим обязан покойному автору; но благодарность меня не ослепляет. Я опирался на суд людей просвещенных, знатоков в нашей словесности, отдавая должную справедливость тому, что заслуживает похвалы; и назову себя совершенно счастливым, если мог быть хотя слабым, но верным отголоском их мыслей и суждений о том человеке, которого память будет мне драгоценна до поздних дней жизни и украсит их горестным и вместе сладким воспоминанием протекшего!

Долгом поставляю упомянуть здесь о стихотворных его произведениях. Многие из них напечатаны были без имени сочинителя в разных журналах и в последний раз в "Собрании русских стихотворений", изданных г. Жуковским, который взял на себя труд, пересмотрев несколько рукописей автора, приготовить их для печати, особенно то, что не входило в план книги, изданной в Москве в 1810 году.

Конечно, любители словесности ожидают с нетерпением третьей части сочинений г. Муравьева, которая будет состоять из его стихотворений. Желательно, милостивый государь, чтобы вы сделали несколько замечаний на жизнь автора: она любопытна не только для любителя словесности, но и для каждого друга добродетели. Истинному патриоту приятно узнать некоторые обстоятельства жизни гражданина, принесшего пользу отечеству непрерывными трудами и пером своим: мы будем помнить сынов России, прославивших отечество на поле брани; история вписывает уже имена их в свои скрижали; но должны ли мы забывать и тех сограждан, которые, употребив всю жизнь свою для пользы нашей, отличились гражданскими добродетелями и редкими талантами? – Древние, чувствительные ко всему прекрасному, ко всему полезному,

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
имели два венца: один для воина, другой для гражданина. Плутарх, описывая жизнь великих полководцев, царей и законодателей, поместил между ими Гезиода и Пиндара. Мы желаем от всей души, чтобы вы исполнили надежду нашу. Замечания ваши на жизнь г. Муравьева могут служить предисловием к третьей части полного собрания его сочинений.

Стихотворения г. Муравьева, без сомнения, будут стоять наряду с лучшими его произведениями в прозе. В них то же достоинство: философия, которой источник чувствительное и доброе сердце; выбор мыслей, образованных прилежным чтением древних; стройность и чистота слога. Вот несколько примеров из послания к покойному И. П. Тургеневу, достойному приятелю автора, которого он любил и уважал от самой юности. Наклонности и страсти друзей были одинаковы: добродетель и пламенная любовь к музам. Они запечатлели их священный союз, который могла разрушить единая смерть. Посмотрим, как автор, описывая в своем послании деятельного мудреца, доброго отца семейства, истинного патриота, любителя порядка и счастья ближних, описывает себя и друга своего:

Любовью истины, любовью красоты
Исполнен дух его, украшены мечты.
Искусства! вас к себе он в помощь призывает;
От зависти себя он в вашу сень скрывает;
Без гордости велик и важен без чинов,
На пользу общую всегда, везде готов;
Он свято чтит родство священные союзы;
И чтоб свободным быть, приемлет легки узы;
Внимательный супруг и счастливый отец,
Он властью облечен по выбору сердец. –
Счастлив, кто может быть семейства благодетель!
Что нужды, дом тому иль целый мир свидетель!
Таков Эмилий был, равно достоин хвал,
Как жил в семье своей иль как при Каннах пал.

Прекрасное начертание добродетельного и деятельного мудреца! Прекрасный и счастливый пример! Далее продолжает поэт:

Служить отечеству – верховный душ обет.
Наш долг – туда спешить, куда оно зовет.
Но если, в множестве ревнителей ко славе,
Мне должно уступить, – ужели буду в праве
Пренебреженною заслугой досаждать?
Мне только что – служить; отчизне – награждать.
Из трехсот праздных мест спартанского совета
Народ ни на одно не избрал Педарета.
– Хвала богам, – сказал, народа не вина, –
Есть триста человек достойнее меня.

Здесь каждая мысль может служить правилом честному гражданину. И какая утешительная мудрость! Какое сладостное излияние чистой и праведной души! Скажем более с одним из лучших наших писателей: счастлив тот, кто мог жить, как писал, и писать, как жил!

Полезным можно быть, не бывши знаменитым;
Сретают счастье и по тропинкам скрытым.
Сей старец, коего Вергилий воспевал,
Что близ Тарента мак и розы поливал,
И в позднюю ночь под кров склонялся домашний,
Столы отягощал некупленными брашны;
Он счастье в хижине, конечно, находил
И пышных богачей душой превосходил!

Тот истинно свободен, куда бы он ни был брошен фортуною, куда бы он ни был поставлен людьми, управлять ими или повиноваться, сиять в венце или скрывать себя в пустыне, – тот истинно счастлив, говорит наш поэт вслед за Горацием,

Кто счастья в крайностях всегда с собою сходит;
В сиянии не горд, в упадке не уныл,
В самом себе свое величие сокрыл
Владыка чувств своих, их бури усмирят
И скуку жития ученьем услаждает.

В другом послании, в котором автор более предается игре своего воображения, мы находим блестящее изображение Вольтера,

Сего чудесного, столетнего шалбера,
По превосходству мудреца,
Который говорил прекрасными стихами,
К которому стихи в уста входили сами...
В его приветствиях не виден труд певца –
Учтивость тонкого маркиза!
Заметьте, что маркиз не мог воспеть бы Гиза,
Не мог бы начертать шестидесяти лет
В Китае страшного Чингиза;
Потом унизить свой трагический полет
В маркизе де Вильет,
И во власах седых бренчать еще на лире
Младые шалости иль растворять в сатире
Свой лицемерный слог;
Иль философствовать с величеством о мире,
О мироздателе: – Вольтер все это мог!
И славу старость вел он с завистью у ног
Превыше хвал и порицаний.
В Париже сколько восклицаний,
Когда явился он к принятию венца!
Великие умы, красавицы, вельможи,
Придворных легкий рой из королевской ложи,
Плескали долго в честь бессмертного творца!
За ними вся толпа плескала без конца! –
Такой-то нравится нам в обществе творец,
Который изжил бы во свете лета юны
И сделался мудрец
Волненьями фортуны,
Открывшими ему излучины сердец.

К несчастью, говорит поэт, трудно быть светским человеком и писателем. Одно вредит другому:

Условия общества для мыслящего – цепи!
А тот, кто в обществе свой выдержал искус,
Зевает в обхожденье муз.
В науке нравиться учу я основанья;
Но, старый ученик, не знаю ни аза,
И не задремлетса со мной лоза,
Которой общество чинит увещеванья.
Меж тем замедлены успехи дарованья,
Что льстился в юности иметь.
Замедлены?.. Я выражаюсь мало! –
Их уничтожено в душе моей начало;
Прелестна лень поставила мне сеть,
Из коей я не выду.
Не быв Ринальдом, я нашел свою Армиду
И в лени сладостной забыл искусство петь.
Поэтом трудно быть, а легче офицером, –
С Доратом я успел сравниться в том,
Что он, как я, был мушкетером.

Часто в стихах нашего поэта видна сладкая задумчивость, истинный признак чувствительной и нежной души; часто, подобно Тибуллу и Горацию, сожалеет он об утрате юности, об утрате пламенных восторгов любви и беспредельных желаний юного сердца, исполненного жизни и силы. В стихотворении под названием "Муза", обращаясь к тайной подруге души своей, он делает ей нежные упреки:

Ты утро дней моих прилежно посещала:
Почто ж печальная распространилась мгла,
И ясный полдень мой покрыла черной тенью?
Иль лавров по следам твоим не соберу,
И в песнях не преиду к другому поколенью.
Или я весь умру?

Нет, мы надеемся, что сердце человеческое бессмертно. Все пламенные отпечатки его, в счастливых стихах поэта, побеждают и самое время. Музы сохраняют в своей памяти песни своего любимца, и имя его перейдет к другому поколению с именами, с священными именами мужей добродетельных. Музы, взирая на преждевременную его могилу, восклицают с поэтом Мантуи:

Manibus date lilia plenis:
Purpureos spargam Mores!
[Дайте лилии и пурпурных цветов,
// чтоб осыпать щедрой рукой! (лат.)]
С. Петербург, 1814 года

VI

ПРОГУЛКА В АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ

Письмо старого московского жителя к приятелю, в деревню его Н.

Ты требуешь от меня, мой старый друг, продолжения моих прогулок по Петербургу. Повинуюсь тебе.
На этот раз я буду говорить об Академии Художеств, которая после двадцатилетнего нашего отсутствия из Петербурга столько переменялась... "Говори, говори об Академии Художеств! – так воскликнешь ты, начиная чтение моего болтливого письма. – Мы издавна любили живопись и скульптуру, и в твоём маленьком домике на Пресне (которого теперь и следов не осталось!) мы часто заводили жаркие споры о голове Аполлона Бельведерского, о мизинце Гебы славного Кановы, о коне Петра Великого, о кисти Рафаэля, Корреджио, даже самого Саль-ватора Розы, Мурилло, Койпеля и пр. Так – я во многом с тобой соглашался, а ты ни в чём со мною, а ещё менее с добрым живописцем Ализовым, с товарищем славного Лосенкова, который часто смешил и сердил нас своим упрямством и добродушием. Мы спорили; время летело в приятных разговорах. Счастливое, невозвратное время! Пожар Москвы поглотил и домик твой со всеми дурными картинами и эстампами, которые ты покупал за бесценно у торгашей на аукционах, а в Немецкой слободе у отставных стряпчих; он поглотил маленькую Венеру, в которой ты находил нечто божественное, и бюст Вольтеров с отбитым носом, и маленького Амура с факелом, и бронзового фавна, которого Ализов отрыл... будто бы на развалинах какой-то бани близ Неаполя и которым он приводил в восхищение и тебя и меня и всех знатоков нашего квартала. Пожар, немилосердный пожар поглотил даже акациеву беседку, с красивыми скамейками, с дубовым столом, на котором мы, разливая чай, любовались прелестными видами: Москвой-рекою, которая извиляется по лугу вокруг стен и высоких башен Девичьего монастыря, Васильевским, Воробьевыми горами с тенистыми рощами – и закатом вечернего солнца. Пожар поглотил наше убежище. Но в памяти моей осталось воспоминание твоей любви к изящным искусствам и охоты спорить, которая, конечно, укротилась от времени, а более всего от политических обстоятельств. – Итак, говори об Академии Художеств, о произведениях наших артистов: я буду слушать с удовольствием. Всякая новость из столицы приятна пустыннолюбу, который и на старости лет ещё пламенно любит отечество, успехи и славу сограждан". Вот что ты скажешь, развернув мое письмо. – Я начну мой рассказ сначала, как начинает обыкновенно болтливая старость. Слушай.
Вчерашний день поутру, сидя у окна моего с Винкельманом в руке, я предавался сладостному мечтанию, в котором тебе не могу дать совершенно отчета; книга и читанное мною было совершенно забыто. Помню только, что, взглянув на Неву, покрытую судами, взглянув на великолепную набережную, на которую, благодаря привычке, жители петербургские смотрят холодным оком, – любясь бесчисленным народом, который волновался под моими окнами, сим чудесным смешением всех наций, в котором я отличал англичан и азиатцев, французов и калмыков, русских и финнов, я сделал себе следующий вопрос: что было на этом месте до построения Петербурга? Может быть, сосновая роща, сырой, дремучий бор или топкое болото, поросшее мхом и брусникою; ближе к берегу – лачуга рыбака, кругом которой развешены были сети, невода и весь грубый снаряд скудного промысла. Сюда, может быть, с трудом пробирался охотник, какой-нибудь длинноволосый финн...

За ланью быстрой и рогатой,
Прицелясь к ней стрелой пернатой.

Здесь все было безмолвно. Редко человеческий голос пробуждал молчание пустыни

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
дикой, мрачной; а ныне?.. Я взглянул невольно на Троицкий мост, потом на хижину
великого монарха, к которой по справедливости можно применить известный стих:

Souvent un faible gland recele un chene immense!
[Часто малый желудь таит в себе огромный дуб! (фр.)]

И воображение мое представило мне Петра, который в первый раз обозревал берега дикой Невы, ныне столь прекрасные! – Из крепости Нюсканц еще гремели шведские пушки; устье Невы еще было покрыто неприятелем, и частые ружейные выстрелы раздавались по болотным берегам, когда великая мысль родилась в уме великого человека. Здесь будет город, сказал он, чудо света. Сюда призову все искусства, все искусства. Здесь искусства, искусства, гражданские установления и законы победят самую природу. Сказал – и Петербург возник из дикого болота.

С каким удовольствием я воображал себе монарха, обзоревающего начальные работы: здесь вал крепости, там магазины, фабрики, Адмиралтейство. В ожидании обедни в праздничный день или в день торжества победы, государь часто сживал на новом вале с планом города в руках против крепостных ворот, украшенных изваянием апостола Петра из грубого дерева. Именем святого должен был назваться город, и на жестяной доске, прибитой под его изваянием, изображался славный в летописях мира 1703 год римскими цифрами. На ближнем бастионе развевался желтый флаг с большим черным орлом, который заключал в когтях своих четыре моря, подвластные России. Здесь толпились вокруг монарха иностранные корабельщики, матросы, художники, ученые, полководцы, воины; меж ними – простой рождением, великий умом – любимец царский Меншиков, великодушный Долгорукий, храбрый и деятельный Шереметьев и вся фаланга героев, которые создали с Петром величие Русского царства...

Таким образом, погруженный в мое мечтание, я не заметил, что двери комнаты отворились и сын моего старого приятеля Н., молодой, весьма искусный художник, приветствовал меня с добрым утром. "Я пришел нарочно за вами, – сказал он, – сегодня Академия Художеств открыта для любопытных, и я готов быть вашим проводником, вашим чичероне, если угодно! – Вы увидите много хорошего, полюбуетесь некоторыми произведениями русского резца и кисти; о других теперь – ни слова. Посмотрите, – продолжал он, открывая окно: – какое прекрасное время! Весь город гуляет, и мы с толпой гуляющих неприметным образом пройдем в Академию". – "С удовольствием, – отвечал я молодому человеку: – около двадцати лет я не видал Академии, и как здесь все идет исполинскими шагами к совершенству, то надеюсь, что и искусства приведут меня в приятное изумление. Вот мой посох, моя шляпа, – пойдем!"

И в самом деле, время было прекрасное. Ни малейший ветерок не струил поверхности величественной, первой реки в мире, и я приветствовал мысленно богиню Невы словами поэта:

Обтекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно
И тенисты острова.

Великолепные здания, позлащенные утренним солнцем, ярко отражались в чистом зеркале Невы, и мы оба единогласно воскликнули: "какой город! какая река!" "Единственный город! – повторил молодой человек. – Сколько предметов для кисти художника! умею только выбирать. И как жаль, что мои товарищи мало пользуются собственным богатством; живописцы перспективы охотнее пишут виды из Италии и других земель, нежели сии очаровательные предметы. Я часто с горестию смотрел, как в трескучие морозы они трудятся над пламенным небом Неаполя, тиранят свое воображение – и часто взоры наши. Пейзаж должен быть портрет. Если он не совершенно похож на природу, то что в нем? – Надобно расстаться с Петербургом, – продолжал он, – надобно расстаться на некоторое время, надобно видеть древние столицы: ветхий Париж, закопченный Лондон, чтобы почувствовать цену Петербурга. Смотрите – какое единство! как все части отвечают целому! какая красота зданий, какой вкус и в целом какое разнообразие, происходящее от смешения воды со зданиями. Взгляните на решетку Летнего сада, которая отражается зеленью высоких лип, вязов и дубов! Какая легкость и стройность в ее рисунке! Я видел славную решетку Тюльерийского замка, отягченную, раздавленную, так сказать, украшениями – пиками, касками, трофеями. Она безобразна в сравнении с этой".

Энтузиазм, с которым говорил молодой художник, мне весьма понравился. Я пожал у него руку и сказал ему: "из тебя будет художник!" Не знаю, понял ли он мои пророческие слова, но, посмотрев на меня с улыбкою удовольствия, продолжал:

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

"Взгляните теперь на набережную, на сии огромные дворцы – один другого величественнее! на сии дома – один другого красивее! Посмотрите на Васильевский остров, образующий треугольник, украшенный биржею, роstralными колоннами и гранитною набережною, с прекрасными спусками и лестницами к воде. Как величественна и красива эта часть города! Вот произведение, достойное покойного Томона, сего неутомимого иностранца, который посвятил нам свои дарования и столько способствовал к украшению северной Пальмиры! Теперь, от биржи, с каким удовольствием взор мой следует вдоль берегов и теряется в туманном отдалении между двух набережных, единственных в мире!" – "Так, мой друг, – воскликнул я, – сколько чудес мы видим перед собою, и чудес, созданных в столь короткое время, в столетие – в одно столетие! Хвала и честь великому основателю сего города! Хвала и честь его преемникам, которые довершили едва начатое им, среди войн, внутренних и внешних раздоров. Хвала и честь Александру, который более всех, в течение своего царствования, украсил столицу Севера! И в какие времена? Когда бремя и участь целой Европы лежала на его сердце, когда враг поглощал землю русскую, когда меч и пламень безумца пожирал то, что созидали веки!.."

Разговаривая таким образом, мы подходили к Адмиралтейству. "Помню, – скажешь ты, – помню эту безобразную длинную фабрику, окруженную подъемными мостами, рвами глубокими, но нечистыми, заваленными досками и бревнами". Остановись, почтенный мой приятель! кто не был двадцать лет в Петербурге, тот его, конечно, не узнает. Тот увидит новый город, новых людей, новые обычаи, новые нравы. Вот что я повторяю тебе ежедневно в моих записках. И здесь то же превращение.

Адмиралтейство, перестроенное Захаровым, превратилось в прекрасное здание и составляет теперь украшение города. Прихотливые знатоки недовольны старым шпицом, который не соответствует, по словам их, новой колоннаде, – но зато колоннада и новые павильоны или отдельные флигели прелестны. Вокруг сего здания расположен сей прекрасный бульвар, обсаженный липами, которые все принялись и защищают от солнечных лучей. Прелестное, единственное гульбище, с которого можно видеть все, что Петербург имеет величественного и прекрасного: Неву, Зимний дворец, великолепные дома дворцовой площади, образующей полукружие, Невский проспект, Исакиевскую площадь, Конногвардейский манеж, который напоминает Партедон, прелестное строение г. Гваренги, Сенат, монумент Петра I и снова Неву с ее набережными!

Я хотел отдохнуть, и мы сели на одну из лавок бульвара. Площадь была покрыта каретами, бульвар – гуляющими. Между тем как я рассматривал знакомые и незнакомые лица, некто, человек пожилой и хворой, присел на лавку возле меня. – Черты его мне были знакомы, но время изгладило из моей памяти его имя. Знакомый незнакомец глядел на меня пристально, минуту, две, три... и наконец – я узнал в нем Старожилова. "Как ты переменялся!" – воскликнули мы оба, глядя пристально друг на друга. "Как все переменялось с тех пор, как я тебя видел здесь!" – прибавил Старожилов с тяжелым вздохом, от которого морщины на его лбу сделались еще глубже. Я не стану тебе говорить о вопросах, которые мы делали взапуски друг другу: можешь их легко угадать; скажу только, что наш старый знакомый, узнав намерение наше посетить Академию, взглянул на часы и сказал мне: "Теперь еще рано; к трем часам я могу поспеть в клуб, где я должен пробовать новое вино и сказать мое мнение насчет важного постановления в клубе, о котором я размышлял целое утро". Важность, с которою он говорил, заставила нас улыбнуться. К счастью, Старожилов того не заметил и продолжал: "Прогулка мне будет полезна; ибо сегодня солнце греет, как летом. Я побреду с вами в Академию – вовсе не из любопытства; там ничего хорошего нет. Я давно недоволен нашими художниками во всех родах – но мне нужно рассеяние, единственно рассеяние!" – прибавил он, кашляя беспрестанно.

Между тем как мы идем медленными шагами в Академию, соображаясь с походкою подагрика, я скажу тебе мимоходом, что Старожилов, которого мы знали в молодости нашей столь блестящего, столь веселого, столь рассеянного, ныне сделался брюзгой, недовольным, одним словом, совершенным образцом старого холостого человека. Ты помнишь, что в молодости он имел живой ум, некоторые познания и большой навык в свете. Ныне цвет ума его завял, прежняя живость исчезла, познания, не усовершенные беспрестанными трудами, изгладились или превратились в закоренелые предрассудки, и все остроумие его погубило, как блестящий фейерверк. Конечно, рассудок забыл шепнуть ему: старайся быть полезен обществу! Недеятельная жизнь, говорит мудрец херонейский, расслабляет тело и душу. Стоячая вода гниет; способности человека в бездействии увядают, и за молодостию невидимо крадется время:

Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанут грации трепать!

Тогда общество справедливою холодностию отметит тебе за то, что ты был его бесплодным членом. Старожилов, проживший вертопрахом до некоторого времени, проснулся в сорок лет стариком, с подагрой, с полурасстроенным имением, без друга, без привязанностей сердечных, которые составляют и мучение, и сладость жизни; он проснулся с душевною пустотою, которая превратилась в эгоизм и мелочное самолюбие. Ему все наскучило, он всем недоволен: в его время и лучше веселились, и лучше говорили, и лучше писали. Трагедии Княжнина, по его мнению, лучше трагедий Озерова; басни Сумарокова предпочитает он басням Крылова, игру Сахаровой игре Семеновой и так далее. "Как скучна нынешняя жизнь!" - говорит он; и этому поверить можно. Зачем, спрашиваю я, зачем постоянно десять лет является он в клуб? Чтобы слушать, изобретать или распускать городские вести или газетные тайны, чтобы бранить нещадно все новое и прославлять любезную старину, отобедать и заснуть за чашкою кофе при стуке шаров и при единообразном счете маркера, который, насчитав 48, ненавистным числом напоминает ему его лета. Сонный садится он в карету и едва просыпается в театре при первом ударе смычка.

Разговаривая с ним о старине, которую я выхвалял из снисхождения, мы приближались к Академии.

Я долго любовался сим зданием, достойным Екатерины, покровительницы наук и художеств. Здесь на каждом шагу просвещенный патриот должен благословлять память монархини, которая не столько завоеваниями, сколько полезными заведениями заслуживает от признательного потомства имя великой и мудрой. Сколько полезных людей приобрело общество чрез Академию Художеств! Редкое заведение у нас в России принесло столько пользы. Но чему приписать это? Постоянному и мудрому плану, которому следует с давнего времени начальство, и достойному выбору вельмож деятельных и просвещенных на место президентское. Я стар уже; но при мысли о полезном деле или учреждении для общества чувствую, что сердце мое бьется живее, как у юноши, который не утратил еще прелестной способности чувствовать красоту истинно полезного и предается первому движению благородной души своей. Вступая на лестницу, я готов был хвалить с жаром монархиню и некоторых вельмож, покровителей отечественных муз; но докучный Старожилов воскликнул, с трудом переводя дух и отдыхая на первых ступенях: "Боже мой! какая крутая лестница! и как она узка, и как безобразна! - И к чему эта Венера с амазонками? Я никогда не был охотник до гипсов; лучше ничего или все - вот мое правило. Здесь надлежало бы поставить что-нибудь свое, произведение наших художников и пр. и пр.". - Толпа у дверей не позволила ему окончить своего критического замечания, и мы остановились, весьма кстати, у двух превеликих сатиров, называемых теламонами или атлантами (мужеские кариатиды). "Вот украшение довольно странное, - заметил молодой художник, - и которое новейшие художники употребляли часто некстати, а более всего в Париже. Женские кариатиды еще безобразнее мужских. Можно ли видеть без отвращения прекрасную женщину, страдающую под тягостным бременем и с необыкновенным усилием во всех членах и мускулах поддерживающую целое здание или огромную часть оно? Одно жестокое сердце может любить такого рода изображения, и затем-то, может быть, французские артисты, тайно угождая вкусу Наполеона, ставили кариатиды везде, где только можно было. В некоторых его замках каждую дверь поддерживают две страдалницы. В самом Музее их множество. Здесь же сии кариатиды приличны; ибо могут служить образцами любопытным молодым художникам".

Мы вошли в ротонду, установленную гипсовыми слепками с антиков. "Вот консул Бальбус, - сказал мне наш спутник, указывая на большого всадника. - Подлинник статуи найден в Геркулануме". - "Но эта лошадь вовсе не красива..." - заметил Старожилов молодому артисту, качая головою.

"Вы правы, - отвечал он, - конь не весьма статен, короток, высок в ногах, шея толстая, голова с выпуклыми щеками, поворот ушей неприятный. То же самое заметите в другой зале у славного коня Марка Аврелия. Художники новейшие с большим искусством изображают коней. У нас перед глазами фальконетово произведение, сей чудесный конь, живой, пламенный, статный и столь смело поставленный, что один иностранец, пораженный смелостию мысли, сказал мне, указывая на коня фалько-нетова: - Он скачет, как Россия! - Но я не смею мыслить вслух о коне Бальбуса, боясь, чтобы меня не подслушали некоторые упрямые любители древности. Вы себе представить не можете, что теряет в их мнении молодой художник, свободно мыслящий о некоторых условных красотах в изящных художествах... Пойдемте далее".

Мы вошли в другую залу, где находятся слепки с неподражаемых произведений резца у греков и римлян. Прекрасное наследие древности, драгоценные остатки, которые яснее всех историков свидетельствуют о простоте древних; в них-то искусство есть, так сказать, отголосок глубоких познаний природы, страстей и человеческого сердца. Какое истинное богатство, какое разнообразие! Здесь Вы видите Геркулеса

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
фарнезского, образец силы душевной и телесной. Вот умирающий боец или варвар;
вот комический поэт и бесподобный фавн. Здесь прекрасные группы: Лаокоон с
детьми – драматическое творение резца неизвестного! Вот Ария и Петус и семейство
несчастной Ниобы. Здесь вы видите Венеру, образец всего красивейшего, одним
словом: Венеру Медицис. Вот целый ряд колоссальных бюстов Юпитера Олимпийского,

Кто манием бровей колеблет неба свод,

Юноны, Менелая, Аякса, Кесаря и пр. И наконец, я спрашиваю себя, отчего сердце
мое забилось сильнее?

Наполнил грудь восторг священный,
Благоговейный обнял страх,
Приятный ужас потаенный
Течет во всех моих костях;
В веселье сердце утопает,
Как будто Бога ощущает,
Присутствующего со мной!..

Я вижу, вижу Аполлона
В тот миг, как он сразил Пифона
Божественной своей стрелой!
Зубчата молния сверкает,
Звенит в руке спущенный лук,
Ужасная змия зияет
И вмиг свой испускает дух.

Вот сей божественный Аполлон, прекрасный бог стихотворцев! Взвизывая на сие
чудесное произведение искусства, я вспоминаю слова Винкельмана. "Я забываю
вселенную, – говорит он, – взвизывая на Аполлона; я сам принимаю благороднейшую
осанку, чтобы достойнее созерцать его". – Имея столь прекрасного бога
покровителем, мудрено ли, спрашиваю вас, мудрено ли, что один из наших поэтов
воскликнул однажды в припадке пиитической гордости:
Я с возвышенною везде хожу главою!

"Вот наши сокровища, – сказал художник Н., указывая на Аполлона и другие антики,
– вот источник наших дарований, наших познаний, истинное богатство нашей
Академии; богатство, на котором основаны все успехи бывших, нынешних и будущих
воспитанников. Отнимите у нас это драгоценное собрание и скажите, какие бы мы
сделали успехи в живописи и в ваянии? Надобно желать, чтоб оно еще было удвоено,
утроено. Здесь многого недостает; но то, что есть, прекрасно: ибо слепки верны и
могут удовлетворить самого строгого наблюдателя древности".

Пройдя две небольшие залы, мы увидели толпу зрителей перед большою картиною. Вот
новая картина г. Егорова! Одно имя сего почтенного академика возбуждает твое
любопытство... Итак, я перескажу от слова до слова суждение о его новой картине,
то есть то, что я слушал в глубоком молчании.

"Подойдемте поближе, – сказал Старожилов, надевая с комическою важностию очки
свои. – Я немного наслышался об этом художнике".

Художник изобразил истязание Христа в темнице.

Четыре фигуры выше человеческого роста. Главная из них – спаситель перед
каменным столпом с связанными назад руками и три мучителя, из которых один
прикрепляет веревку к столпу, другой снимает ризы, покрывающие искупителя, и в
одной руке держит пук розог; третий воин... кажется, делает упреки божественному
страдальцу; но решительно определить намерение артиста весьма трудно, хотя он и
старался дать сильное выражение лицу воина, – может быть, для противоположности
с фигурою Христа.

"Посмотрите, – сказал нам молодой художник, – как туловище Христа нарисовано
правильно, просто и благородно. Кажется, что глубокий вздох готов вырваться из
подъятой груди его". – "Но лицо не соответствует красоте всего тела, – возразил
Старожилов: – признайтесь сами, что глаза его слишком велики; в них нет ничего
божественного". – "Я с вами не совсем согласен: положение головы прекрасно, и в
лице вы видите сильное выражение страдания, горести и покорности воле отца
небесного". – "К сожалению, эта фигура напоминает изображение Христа у других
живописцев, и я напрасно ищу во всей картине оригинальности, чего-то нового,
необыкновенного, одним словом, своей мысли, а не чужой". – "Вы правы, хотя не
совершенно: этот предмет был написан несколько раз. Но какая в том нужда? Рубенс
и Пуссен каждый писали его по-своему, и если картина Егорова уступает
Пуссеневой, то конечно выше картины Рубенсовой..." – "Как, что нужды? Пуссен и

Рубенс писали истязание Христово: тем я строже буду судить художника, тем я буду прихотливее. Если б какой-нибудь, впрочем, и весьма искусный живописец, вздумал написать картину Преображения, я сказал бы ему: конечно, вы не видали картины Рафаэлевой? Если б поэт вздумал написать нам Ифигению в Авлиде, я сказал бы ему: ее написал Расин прежде тебя; и так далее". - "Но признайтесь, по крайней мере, что мучитель, прикрепляющий веревку, которою связаны руки Христа, написан прекрасно, правильно и может назваться образцом рисунка. Он ясно доказывает, сколько г. Егоров силен в рисунке, сколько ему известна анатомия человеческого тела. Вот оригинальность нашего живописца!" - "Это все справедливо; но к чему усилие сего человека? Чтобы затянуть узел? Я вижу, что живописец хотел написать академическую фигуру и написал ее прекрасно; но я не одних побежденных трудностей ищу в картине. Я ищу в ней более: я ищу в ней пищи для ума, для сердца; желаю, чтоб она сделала на меня сильное впечатление; чтоб она оставила в сердце моем продолжительное воспоминание, подобно прекрасному драматическому представлению, если изображает предмет важный, трогательный. К тому же согласитесь, что другой мучитель поставлен дурно. А воин?., он вовсе лишний, он ни на кого не глядит... хотя глаза его отверсты необыкновенным образом. К чему, спрашиваю вас, на римском воине шлем с змеем и почему в темнице Христовой лежит железная рукавица? Их начали употреблять десять веков - или более - после рождества Христова; не значит ли это..."

"Конечно так! - сказал Старожилову какой-то незнакомец, который долго вслушивался в разговор (мы приняли его за художника), - конечно так! Если художники наши будут более читать и рассматривать прилежнее книги, в которых представлены обряды, одежды и вооружение древних, то подобных анахронизмов делать не будут. Но признайтесь, государь мой, признайтесь, отложив всякое пристрастие, что эта картина обещает дальнейшие успехи. Если обстоятельства, которые часто не благоприятствовали нашим артистам, если обстоятельства позволяют ее живописцу заниматься постоянно сочинением больших картин, то можно ожидать, что он, утвердись в выборе, в употреблении и согласовании красок и познакомясь со многими механическими приемами (тайны, которые должен угадывать художник в живописном деле), при твердой, правильной и красивой его рисовке, при изобретательном и благоразумном даровании, со временем не уступит лучшим живописцам италийской, французской и испанской школы". Будучи от природы снисходительнее и любя наслаждаться всем прекрасным, я с большим удовольствием смотрел на картину г. Егорова и сказал мысленно: "Вот художник, который приносит честь Академии и которым мы, русские, можем справедливо гордиться".

В следующих комнатах продолжались выставки, и по большей части молодых воспитанников Академии. Я смотрел с любопытством на ландшафт, изображающий вид окрестностей Шафгаузена и хижину, в которой государь император с великою княгиней Екатериною Павловною угощены новым филемоном и Бавкидою. Вдали видно падение Рейна, не весьма удачно написанное.

В той же самой комнате проект на соборную церковь и два проекта для монумента из отнятых у неприятеля пушек: оба не соответствуют прекрасной и высокой мысли. Вот празднование Пасхи в Париже Александром и его победоносными войсками. Какой предмет для патриота! С каким чистейшим удовольствием смотрел я на эту картину! Толпы народа и войска представлены ясно; но я заметил, что цвет неба и облаков холоден и тяжел.

Множество зрителей всякого звания толпились перед большою картиною, изображающею Христа с учениками и блудницею. Одни хвалили с жаром, другие осуждали. De gustibus non est disputandum [] [О вкусах не спорят (лат.)]. "Видно, что живописец, - сказал нам молодой наш путеводитель, - живописец, скупый на искусство и вкус, не пощадил полотна, розовой и голубой краски". - "И времени", - прибавил Старожилов. Вы видите здесь и другую картину - Венеру розовую, на голубом поле, с голубками и с Купидоном; неудачное подражание Тициану или китайским картинам без теней; Венеру, которая не имеет ни малейшего сходства с Венерою Омера, Овидия или Лукреция, но живым образом напоминает нам какую-нибудь богиню из шуточной поэмы Майкова или из "Энеиды, вывороченной наизнанку". Вы видите там, на другой стене, триумф государя, наподобие Рубенса. Теперь взгляните на этого большого старика с факелом, подражание Жирану де ла Нотте, и признайтесь, что эти живописцы в своем подражании оригинальны. Они-то могут назваться со временем основателями новой италийской школы, la Scuola Petro-borghese [] [Петербургской школы (ит.)] и затмить своею чудесною кистью славу своих соотечественников - славу Рафаэля, Корреджио, Тициана, Альбана и проч.

Пускай глаза наши, ослепленные яркими красками сих живописей, на которых Ньютон мог бы открыть все преломления луча солнечного, пускай глаза наши отдохнут на произведении г. Есакова. Вот его резные камни: один изображает Геркулеса,

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
бросающего Иоласа в море, другой – киевлянина, переплывшего Днепр. Большая твердость в рисунке! – Пожелаем искусному художнику [] [Пожалеем об этом искусном художнике: ранняя смерть похитила с ним хорошие надежды. – Изд.] более навыка, без которого нет легкости и свободы в отделке мелких частей. Смелости у него довольно, а знаний?.. "Век живи, век учись, – сказал Старожилов. – Согласитесь однако же, – шепнул он молодому художнику, – согласитесь, что кроме картины Егорова мы ничего еще не видели совершенного или близкого к совершенству".

"Может быть! – отвечал он, – но прошу вас взглянуть на рисунок Уткина. Этот превосходный рисунок, как вы видите, изображает святую фамилию с Гвидо Рени. Другой рисунок – портрет князя Александра Борисовича Куракина, и с него гравированный портрет сего вельможи". – "Вот истинное искусство!" – сказал Старожилов, изменяя своему прекрасному правилу: *nil admirari* [] [Ничему не удивляться (лат.)]. Г. Уткин, известный и уважаемый в Париже, может стать наряду с лучшими граверами в Европе. Конечно, и в отечестве своем найдет он людей просвещенных, достойных ценителей его редкого таланта!"

Но с каким удовольствием смотрели мы на портреты г. Кипренского, любимого живописца нашей публики. Правильная и необыкновенная приятность в его рисунке, свежесть, согласие и живость красок – все доказывает его дарование, ум и вкус нежный, образованный [] [В собрании портретов г. Кипренского, по важности предмета и по отделке, занимают первое место два портрета великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича; голова старика с седою бородою или образец для апостольской головы; им же гравированный портрет, и весьма схожий, славного актера Дмитревского и рисованный черным карандашом – Фигнера, славного соглядатая нашей армии, о котором можно сказать, что Тасс говорил о Вафрине:

...per dritto sentier tra regie porte
Trapassa; e or dimanda, e or risponde.
A dimande e risposte astute, e pronte
Accoppia baldanzosa audace fronte.
Di qua, di la sollecito s'aggira
Per le vie, per le piazze, e per le tende.
I guerrier, i destrier l'arme rimira;
L'arti e gli ordini osserva, e i nomi apprende.
Ne di cio pago, a maggior cose aspira;
Spia occulti disegni, e parte intende.
Tanto s'avvolge, e cosi destro, a piano...

То есть: "Прямым путем проходит чрез врата царские. Делает вопросы, дает ответы; хитрым вопросам и быстрым ответам соответствует его смелое и гордое чело. Туда и сюда проходит торопливыми шагами, чрез пути и площади между шатров неприятельских. Осматривая ряды воинов, коней и оружия, замечает порядок, искусство воинов; познает их имена. Сего не довольно: он стремится к высшей цели; проникает в тайные замыслы и хитрые намерения врагов..."

Наш Фигнер старцем в стан врагов
Идет во мраке ночи:
Как тень прокрался вокруг шатров,
Все зрели быстры очи.
И стан еще в глубоком сне,
День светлый не проглянул,
А он – уж витязь на коне,
Уже с дружиной грянул...
жуковский].

Старожилов, к удивлению нашему, пленился мастерскою его кистью и, отрыв в своей памяти два итальянские стиха, сказал их с необыкновенною живостию...

Manca il parlar di vivo altro non chiedi.
Ne manca questo ancor s a gli occhi credi.
[Недостает лишь, чтоб он заговорил, тогда бы он совсем ожил.
лишь этого недостает, если ты веришь своим глазам (ит.)]

"Видите ли, – продолжал он, – видите ли, как образуются наши живописцы? Скажите, что б был г. Кипренский, если б он не ездил в Париж, если бы..." – "Он не был еще в Париже, ни в Риме", – отвечал ему художник. – "Это удивительно! удивительно!" – повторил Старожилов. – "Почему? Разве нет образцов и здесь для портретного живописца? Разве Эрмитаж закрыт для любопытного, а особенно для художника? Разве

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

не позволяется художнику списывать там портреты с Вандика, пейзажисту учиться над богатым собранием картин, единственных в своем роде? Или вы думаете, что нужен непременно воздух римский для артиста, для любителя древности; что ему нужно долговременное пребывание в Париже? В Париже? – согласен; но сколько дарований погибло в этой столице? Рассеяние, все прелести света не только препятствовали развитию дарования, но губили его навеки". "Вот московские виды", – сказал молодой художник, указывая на картины, изображающие Каменный мост, Кремль и пр. с большою истиною и искусством. Какие воспоминания для московского жителя! Рассматривая живопись, я погрузился в сладостное мечтание и готов был воскликнуть почти то же, что Эней у Гелена, в долинах Хаонейских, где все чудесным образом напоминало изгнаннику его священную Трою, рощи, луга и источники родины незабвенной [] ["Procedo, et parvam Trojam, simulatoque magnis // Pergama et arentem Xanthi cognomine rivum, // Agnosco, Scaeaeeque amplector limina portae et pr." Aeneid, liber III. «Подвигаюсь вперед и узнаю малую Трою, изображение великого Пергама, иссохший ручей, называемый Ксанф, и обнимаю порог Скейских ворот. Энеида, книга III (лат.).»]; я готов был сказать моим товарищам: что матушки Москвы и краше и милее?

Но Старожилов рассеял воспоминание о древней белокаменной столице громким и непрерывным смехом, рассматривая чудесные мозаики, в той же комнате выставленные. – Я взглянул на него с негодованием, пожал плечами и пошел в другую комнату, где ожидал нас портрет покойного гр«афа» А. С. Строганова, писанный г. Варником. Вокруг него мы нашли толпу зрителей: одни хвалили смелость кисти, отделку платья, белого глазета и весь рисунок картины; другие, напротив того, утверждали, что краски вообще тусклы, отделка груба, нетщательна и пр. и пр. и пр.; а я восхищался удивительным сходством лица.

"Так это он! точно он! – сказал какой-то пожилой человек нашему путеводителю. – Эта прекрасная картина г. Варника возбуждает в моей памяти тысячу горестных и сладких воспоминаний! Она живо представляет лицо покойного графа, сего просвещенного покровителя и друга наук и художеств, вельможу, которого мы будем всегда оплакивать, как дети – нежного и попечительного отца. Полезные советы, лестное одобрение знатока, редкое добродушие, истинный признак великой и прекрасной души, желание быть полезным каждому из нас, пламенная, но просвещенная любовь к отечеству, любовь ко всему, что может возвысить его славу и сияние: вот чем отличался почтенный президент нашей Академии, вот что мы будем вспоминать со слезами вечной признательности и что искусная кисть г. Варника столь живо напоминает всем академикам, которые имели счастье пользоваться покровительством любезнейшего и добрейшего из людей. Черты, незабвенные черты нашего мецената будут нам всегда драгоценны!"

Художник говорил с большим жаром, и слезы навернулись на его глазах. Я был вне себя от радости; ибо я разделял вполне его чувства. Сам Старожилов был тронут и долго стоял в молчании пред почтенным ликом почтенного старца, престарелого Нестора искусств, истинного образца людей государственных; вельможи, который доказал красноречивым примером целой жизни, что вышний сан заимствует прочное сияние не от богатства и почестей наружных, но от истинного, неотъемлемого достоинства души, ума и сердца.

Долго сладкое впечатление оставалось в моей душе, и я, занятый разговором почтенного художника, прошел без внимания мимо некоторых картин ученической работы иностранцев, которые на сей раз, как будто нарочно, согласились уступить бесспорно преимущество нашим художникам, выстави безобразные и уродливые произведения своей кисти. Мы остановились у подножия Актеона (изобретения г. Мартоса), большой статуи, отлитой для гр«афа» Н. П. Румянцева г. Екимовым: прекрасное произведение русских художников! "Заметьте, – сказал нам услужливый путеводитель наш, – заметьте, что литейное искусство сделало большой шаг в России, под руководством г. Екимова" [] [Отлитая г. Екимовым фигура Актеона, по разобрании формы, не была ни опилена, ни отчеканена; но отлитие оной так совершенно, что по отбитии путцев, чрез которые течет в форму растопленный металл, осталось только всю фигуру пройти песком, для того, чтоб ей дать общий цвет. Хвала г. Екимову, особливо за удачное во всех частях отлитие колоссальных статуй для Казанского собора, также конченных без чеканки!].

Картина г. Куртеля: "Спартанец при фермопилах" привлекла наше внимание. Прекрасный юноша, сразившийся за свободу Греции, умирает один, без помощи, без друга, в местах пустынных. Кровавый долг Спарте отдан, оружие избито, кровь пролита ручьями из ран глубоких и смертельных, и последние минуты убегающей жизни принадлежат ему: последние взоры, исполненные страдания и любви, устремлены на медальон, изображающий черты ему любезные. "Вот прекрасная мысль, – сказал я моим товарищам, – и выраженная мастерскою кистию". Но они заметили, и справедливо, что в фигуре нет ни соразмерности, ни согласия. "Это туловище

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
небольшого фавна, приставленное к ногам Боргезского борца, – сказал молодой художник. – Конечно, много истины в выражении лица и мертвенности других членов; но, признаюсь вам, я неохотно смотрю на подобные сему изображения! И можно ли смотреть спокойно на картины Давида и школы, им образованной, которая напоминает нам одни ужасы революции: терзание умирающих насильственной смертью, оцепенение глаз, трепещущие, побледневшие уста, глубокие раны, судороги – одним словом, ужасную победу смерти над жизнью. Согласен с вами, что это представлено с большою живостью; но эта самая истина отвратительна, как некоторые истины, из природы почерпнутые, которые не могут быть приняты в картине, в статуе, в поэме и на театре".

Разговаривая таким образом, мы оставили Академию. Если мое письмо не наскучило пустынною, то я сообщу тебе продолжение нашей прогулки и разговора о художествах. Прости до первой почты.

N. N.

P. S. На третий день моей прогулки в Академию я кончил мое письмо к тебе и готов был его запечатать, как вдруг мне пришла на ум следующая мысль: если кто-нибудь прочитает то, что я сообщал приятелю в откровенной беседе?.. "Что нужды! – отвечал молодой художник Н., которому я прочитал мое письмо. – Что нужды? Разве вы обидели кого-нибудь из художников, достойных уважения? Выставя картину для глаз целого города, разве художник не подвергает себя похвале и критике добровольно? Один маляр гневается за суждение знатока или любителя; истинный талант не страшится критики: напротив того, он любит ее, он уважает ее, как истинную, единственную путеводительницу к совершенству. Знаете ли, что убивает дарование, особливо если оно досталось в удел человеку без твердого характера? Хладнокровие общества: оно ужаснее всего! Какие сокровища могут заменить лестное одобрение людей чувствительных к прелестям искусств! Один богатый невежда заказал картину моему приятелю; картина была написана, и художник получил кучу золота... Поверите ли, он был в отчаянии". – "Ты недоволен платою?" – спросил я. – "О нет! я награжден слишком щедро!" – "Что же огорчает тебя?" – "Ах, любезный друг, моя картина досталась невежде и сгниет в его кабинете: что мне в золоте без славы! – В Париже художники знают свою выгоду. Они живут в тесной связи с писателями, которые за них сражаются с журналистами, с знатоками и любителями, и проливают за них источники чернил. Две, три недели, часто месяц занимают они публику после первого выставления картин". – "Это все справедливо; но я мог ошибаться". – "Что нужды, если без намерения!" – "Но я употребил в моем письме новые выражения, например: механический прием (в живописном деле), желая изъяснить то, что французы называют *le faire* [] [создавать (фр.).] и боюсь..." – "Пускай другие переведут лучше, исправнее; у нас еще не было своего Менгса, который открыл бы нам тайны своего искусства и к искусству живописи присоединил другое, столь же трудное: искусство изъяснять свои мысли. У нас не было Винкельмана... Но запечатайте, запечатайте письмо: его никто не прочитает!" – повторял художник с хитрою улыбкою. И его слова успокоили меня, хотя не совершенно. Признаюсь тебе, любезный друг, я боюсь огорчить наших художников, которые нередко до того простирают ревность к своей славе, что малейшую критику, самую умеренную, самую осторожную, почитают личным оскорблением.

VII

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЕМ РУССКОГО ОФИЦЕРА О ФИНЛЯНДИИ

Я видел страну, близкую к полюсу, соседнюю Гиперборейскому морю, где природа бедна и угрюма, где солнце греет постоянно – только в течение двух месяцев; но где, так же, как в странах благословенных природою, люди могут находить счастье. Я видел Финляндию от берегов Кюмена до шумной Улей, в бурное, военное время, и спешу сообщить тебе глубокие впечатления, оставшиеся в душе моей при виде новой земли, дикой, но прелестной и в дикости своей. Здесь повсюду земля кажет вид опустошения и бесплодия, повсюду мрачна и угрюма [] [Особенно в старой Финляндии.]. Здесь лето продолжается не более шести недель, бури и непогоды царствуют в течение девяти месяцев, осень ужасная, и самая весна нередко принимает вид мрачной осени; куда ни обратишь взоры – везде, везде встречаешь или воды или камни. Здесь глубокие длинные озера омывают волнами утесы гранитные, на которых ветер с шумом качает сосновые рощи; там – целые развалины древних гранитных гор, обрушенных подземным огнем или разлитием океана. В конце апреля начинается весна; снег тает поспешно, и источники, образованные им на горах, с шумом и с пеною низвергаются в озера, которые, посредством явного или подземного соединения с Ботническим заливом, несут ему обильную дань снега. Если озеро тихо, то высокие, пирамидальные утесы, по берегам стоящие, начертываются

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

длинными полосами в зеркале вод. На них-то хищные птицы вьют свои гнезда, и, по древнему преданию скандинавов, в часы пасмурного вечера вызывают криком своим бурю, - из тайной глубины пещер. Ветер повеял с севера, и поверхность сонного озера пробудилась, как от сна!.. Видишь ли, как она пенится? Слышишь ли, с каким глухим и протяжным шумом разбивается о гранитные, неподвижные скалы, которые несколько веков презирают порыв бурь и ярость волн? Соседние леса повторяют голос бури, и вся природа является в ужасном расстройстве. Сии страшные явления напоминают мне мрачную мифологию скандинавов, которым божество являлось почти всегда в гневе, карающим слабое человечество.

Леса финляндские непроходимы; они растут на камнях. Вечное безмолвие, вечный мрак в них обитает. Деревья, сокрушенные временем или дуновением бури, заграждают путь предприимчивому охотнику. В сей ужасной и бесплодной пустыне, в сих пространных вертепах путник слышит только резкий крик плотоядной птицы; завывания волка, ищущего добычи; падение скалы, низвергнутой рукой всесокрушающего времени, или рев источника, образованного снегом, который стрелой протекает по каменному дну между скал гранитных, быстро превозмогает все препятствия и увлекает в течении своем деревья и огромные камни. Вокруг его пустыня и безмолвие! Посмотри далее: огонь небесный или неутомимая рука пахаря зажгли сей бор; опаленные сосны, исторгнутые из утробы земной с глубокими корнями; обожженные скалы; дым, восходящий густым, черным облаком от сего огнища, - все это образует картину столь дикую, столь мрачную, что путешественник невольно содрогается и спешит отдохнуть взорами или на ближнем озере, которое величественно дремлет в отлогих берегах своих, или на зеленой поляне, где вол жует сочную и густую траву, орошенную водами источника.

Какие народы населяли в древности землю сию? Где признаки их бытия? Где следы их? Время все изгладило; или сии сыны диких лесов не ознаменовали себя никаким подвигом, и история, начертавшая малейшие события стран полуденных и восточных, молчит о народах севера. Но существовали народы сии - угрюмые, непобедимые сыны первобытной природы или изгнанники из стран счастливейших [] [Руны, которые я видел в Финляндии и потом в Швеции, принадлежат к позднему веку. До сих пор историки не могут утвердительно сказать, кто были первые обитатели Финляндии.]; они населяли сии пещеры, питались млеко зверей и полагали пределом блаженства удачу на охоте или победу над врагом, из черепа которого (страшное воспоминание!) пили кровь и славили свое могущество. Когда зима покрывала реки льдами, сыпала иней и снега, тогда дикие чада лесов выходили из логовищ своих и пролагали путь по морям гиперборейским к новым пустыням, к новым лесам. Вооруженные секирою и палицей, они идут войной на стада пустынных чудовищ; их мчат быстрые олени; их несут лыжи по равнинам снежным, они сражаются, побеждают и учреждают кровавую трапезу! Томимые голодом, нуждою, исполненные мужества, решимости, презирая равно и смерть и жизнь, - не знают опасности; в зверском исступлении наполняют криком леса, и эхо повторяет глас их в пространной пустыне. Но сии пустыни, сии вертепы, сии непроходимые леса в средних веках повторяли голос скальда. И здесь поэзия рассыпала цветы свои: она смягчила нравы, укротила зверство и утешила страждущее человечество своими волшебными песнями о богах, о героях, о лучшем мире и о прекрасной будущей жизни. Разные племена народов собрались воедино, составили селения на берегах сего залива. Мало-помалу и самая природа приняла другой вид, не столь суровый и дикий. Может быть, на сей скале, осененной соснами, у подошвы которой дыхание зефира колеблет глубокие воды залива, может быть, на сей скале воздвигнут был храм Одена. Здесь поэт любит мечтать о временах протекших и погружаться мыслями в оные веки варварства, великодушия и славы; здесь с удовольствием взирает он на волны морские, некогда струимые кораблями Одена, Артура и Гаральда; на сей мрачный горизонт, по которому носились тени почивших витязей; на сии камни, остатки седой древности, на коих видны таинственные знаки, рукою неизвестною начертанные. Здесь, погруженный в сладкую задумчивость, -

В полночный час
Он слышит скальда глас,
Прерывистый и томный.
Зрит: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоят кругом костров,
Зажженных в поле брани;
И древний царь певцов
Простер на арфу длани,
Могилу указав, где вождь героев спит:
"Чья тень, чья тень, - гласит
В священном исступленьи, -
Там с девами плывет в туманных облаках?"

Се ты, младый Иснель, иноплеменных страх,
Со славою падший на сраженья!
Мир, мир тебе, герой!
Твоей секирою стальной
Пришельцы гордые побиты..
Но ты днесь пал на горах тел
От тучи вражьи стрел,
Пал витязь знаменитый! се... уж над тобой посланницы небесны,
Валкирии прелестны,
На белых, как снега Биармии, конях,
С златыми копьями в руках,
В безмолвии спустились!
Коснулись до зениц копьем своим - и вновь
Глаза твои открылись:
Течет по жилам кровь
Чистейшего эфира;
И ты, бесплотный дух,
В страны безвестны мира
Летишь стрелой... и вдруг
Открылись пред тобой те радужны чертоги,
Где угодовали для сонма храбрых боги
Любовь и вечный пир.
При шуме горных вод и тихоструйных лир,
Среди полян и свежих сеней
Ты будешь поражать там скачущих еленей
И златорогих серн. -
Склоняясь на зланный дерн
С дружиною младою,
Там снова с арфою златою
В восторге скальд поет
О славе древних лет.
Поет, и храбрых очи,
Как звезды тихой ночи,
Утехой блестят.
Но вечер притекает -
Час неги и прохлада -
Глас скальда замолкает;
Замолк - и храбрых сонм
Идет в Оденов дом,
Где дочери Веристы,
Власы свои душисты
Раскинув по плечам,
Прелестницы молодые,
Всегда полунагие,
На пиршества гостям
Обильны яствы носят
И пить умильно просят
Из чаши сладкий мед...

Таким образом, и в снегах, и под суровым небом пламенное воображение создавало себе новый мир и украшало его прелестными вымыслами. Северные народы с избытком одарены воображением: сама природа, дикая и бесплодная, непостоянство стихий и образ жизни, деятельной и уединенной, дают ему пищу. Здесь царство зимы. В начале октября все покрыто снегом. Едва соседняя скала выказывает бесплодную вершину; иней падает в виде густого облака; деревья при первом утреннем морозе блистают радугою, отражая солнечные лучи тысячею приятных цветов. Но солнце, кажется, с ужасом взирает на опустошения зимы; едва явится и уже погружено в багровый туман, предвестник сильной стужи. Месяц в течение всей ночи изливает сребренные лучи свои и образует круги на чистой лазури небесной, по которой изредка пролетают блестящие метеоры. Ни малейшее дуновение ветра не колеблет дерев, обеленных инеем: они кажутся очарованными в новом своем виде. Печальное, но приятное зрелище сия необыкновенная тишина и в воздухе и на земле! - Повсюду безмолвие! Робкая лань торопко пробирается в чащу, отрясая с рогов своих оледенелый иней; стадо тетеревей дремлет в глубокой тишине леса, и всякий шаг странника слышен в снежной пустыне. Но и здесь природа улыбается (веселую, но краткую улыбку). Когда снега растаяли от теплого летнего ветра и ярких лучей солнца; когда воды с шумом утекли в моря, образовав в течении своем тысячи ручьев, тысячи водопадов, - тогда природа

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

приметно выходит из тягостного и продолжительного усыпления. Вдруг озимые поля одеваются зеленым бархатом, луга душистыми цветами. Ход растительной силы приметен. Сегодня все мертво, завтра все цветет, все благоухает. Народные басни всегда имеют основанием истину. Древние скандинавы полагали, что Оден, сей великий чародей, чутким ухом своим слышит, как весною прозябают травы. Конечно, быстрое, почти невероятное их возрастание подало повод к сему вымыслу. – Летние дни и ночи здесь особенно приятны. Дню предшествует обильная роса. Солнце, едва почившее за горизонтом, является во всем велелепии на конце озера, позлащенного внезапно румяными лучами. Пустынные птицы радостно сотрясают с крыльев своих сон и негу; резвые белки выбегают из мрачных сосновых лесов под тень березок, растущих на отлогом берегу. Все тихо, все торжественно в сей первобытной природе! Большие рыбы плещут среди озера золотыми чешуями, между тем как мелкие жители влажной стихии играют стадами у подошвы скал или близ песчаного берега. Вечер тих и прохладен. Солнечные лучи медленно умирают на гранитных скалах, которых цвет изменается беспрестанно. Тысячи насекомых (минутные жители сих прелестных пустынь) то плавают на поверхности озера, то кружатся над камышем и наклоненными ивами. Стада диких уток и крикливых журавлей летят в соседнее болото, и важные лебеди торжественным плаванием приветствуют вечернее солнце. – Оно погружается в бездне Ботнического залива, и сумрак вместе с безмолвием воцарился в пустыне... Но какой предмет для кисти живописца: ратный стан, расположенный на сих скалах, когда лучи месяца проливаются на утружденных ратников и скользят по блестящему металлу ружей, сложенных в пирамиды! Какой предмет для живописи и сии великие огни, здесь и там раскладенные, вокруг которых воины толпятся в часы холодной ночи! Этот лес, хранивший безмолвие, может быть, от создания мира, вдруг оживляется при внезапном пришествии полков. Войско расположилось; все приходит в движение: пуки зажженной соломы, переносимые с одного места на другое, пылающие костры хвороста, древние пни и часто целые деревья, внезапно зажженные, от которых густой дым клубится и восходит до небес: одним словом, движение ратных снарядов, ржание и топот коней, блеск оружия, и смешанные голоса воинов, и звуки барабана и конной трубы – все это представляет зрелище новое и разительное! Вскоре гласы умолкают; огонь пылающих костров потухает, ратники почили, и прежнее безмолвие водворилось: изредка прерываемо оно шумом горного водопада или протяжными откликами часовых, расположенных на ближних вышинах против лагеря неприятельского: месяц, склоняясь к своему западу, освещает уже безмолвный стан. Теперь всякий шаг в Финляндии ознаменован происшествиями, которых воспоминание и сладостно, и прискорбно. Здесь мы победили; но целые ряды храбрых легли, и вот их могилы! Там упорный неприятель выбит из укреплений, прогнан; но эти уединенные кресты, вдоль песчаного берега или вдоль дороги водруженные, этот ряд могил русских в странах чуждых, отдаленных от родины, кажется, говорят мимоидущему воину: и тебя ожидает победа – и смерть! Здесь на каждом шагу встречаем мы или оставленную батарею, или древний замок с готическими острыми башнями, которые возбуждают воспоминание о древних рыцарях; или передовый неприятельский лагерь, или мост, недавно выжженный, или опустелую деревню. Повсюду следы побед наших или следы веков, давно протекших, – пагубные следы войны и разрушения! Иногда лагерь располагается на отлогих берегах озера, где до сих пор спокойный рыбак бросал свои мрежи; иногда видим рвы, батареи, укрепления и весь снаряд воинский близ мирной кущи селянина. Разительная противоположность!..

Финляндия, 1809.

VIII

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАМОК СИРЕЙ

Письмо из Франции к г. Д«ашкову»

Из деревни Болонь, лежащей близ города Шомона, я поскакал верхом в Сонкур, где ожидали меня б«арон» Де Д«амас» и г. П«исарев»–, с которыми накануне уговорился я посетить замок Сирей и поклониться теням Вольтера и его приятельницы. В окрестностях Сирей назначены были квартиры нашему отряду; полки тянулись по дороге, и мы их опередили в ближнем селении. Сначала погода нам вовсе не благоприятствовала: холодный и резкий ветер наносил снег и дождь; наконец небо прояснилось, и солнце осветило прекрасные долины, рощи и горы. Мы проехали чрез местечко Виньори, где заметили развалины весьма древнего замка на высоком утесе, который господствует над селением и близлежащими долинами.

Em bethurmtes Schloss, voll Majestat,
Auf des Berges Felsenshrn erhoht!
[Многобашенный замок, полный величия,
// Подымается на скалистом склоне горы (нем.)]

"Кому принадлежит этот замок?" - спросил я у старика, сидящего на пороге сельского домика, тесно примыкающего к развалинам. "Какой-то старой дворянке", - отвечал он, приподняв красный колпак, старый, изношенный, и который, конечно, играл большую роль в бурные годы революции. Это замечание я сделал мимоходом и продолжал вопросы: "Когда построен замок?" - "Во время Шампанских графов, сказывал мне покойный дед [] [Французы и теперь мало заботятся о древних памятниках. - Развалины, временем сделанные, - ничего в сравнении с опустошениями революции: бурные времена прошли, но невежество или корыстолюбие самое варварское пережили и революцию. Один путешественник, который недавно объехал всю полуденную Францию, уверял меня, что целые замки продаются на своз, и таким образом вдруг уничтожаются драгоценные исторические памятники. Напрасно правительство хотело остановить сии святотатства; ничто не помогало, ибо для нынешних французов ничего нет ни священного, ни святого, - кроме денег, разумеется. Какая разница с немцами! В Германии вы узнаете от крестьянина множество исторических подробностей о малейшем остатке древнего замка или готической церкви. Все рейнские развалины описаны с возможною историческою точностию учеными путешественниками и художниками, и сии описания вы нередко увидите в хижине рыбака или земледельца. Притом же немцы издавна любят все сохранять, а французы разрушать: верный знак, с одной стороны - доброго сердца, уважения к законам, к нравам и обычаям предков; а с другой стороны - легкомыслия, суетности и жестокого презрения ко всему, что не может насытить корыстолюбия, отца пороков.]. Храбрые рыцари искали здесь убежища от народных возмущений и укрепили замок башнями, рвами, палисадами. Время и революция все разрушили. Здесь не одна была революция, господин офицер! не одна революция! я на веку моем пережил одну; тяжелые времена... не лучше нынешних. Посадили дерево вольности... я сам имел честь садить его, вот там, на зеленом лугу... Разорили храмы божий... у меня рука не поднималась на злое!.. Но чем же это все кончилось? Дерево срубили, а надписи на паперти церковной: вольность, братство или смерть - мелом забелили. Чего я не насмотрелся в жизни? и неприятелей на родине моей увидел, и с офицером казачьим теперь разговариваю! чудеса! по совести чудеса!" - "ты разорился от войны, добрый старичок?" - "много пострадал, а бедные соседи еще более. Мы все желаем мира". - "о! мы знаем это: но император ваш не желает". - "Прямой корсиканец! Знаете ли, что он объявил нам?" - Здесь старик покачал головою, посмотрел на меня пристально, и - конечно от робости - заикнулся. - "Говори, говори!" - "охотно, если прикажете. император... (это было сказано важным и торжественным голосом) император объявил нам, что он не хочет трактовать о мире с пленными; ибо он почитает вас в плену. Он нарочно завел вас сюда, чтобы истребить до последнего человека: это была военная хитрость, понимаете ли? военная хитрость, не что иное... Но вы смеетесь... и нам это смешно показалось, так смешно, что мы префекта, приехавшего сюда с этим объявлением, камнями и грязью закидали. II s'en souviendra!.. [] [Он об этом вспомнит! (фр.)]. Но вам пора догонять товарищей. - Добрый путь, господин офицер!"

Размышляя о странном характере французов, которые смеются и плачут, режут ближних, как разбойники, и дают себя резать, как агнцы, я догнал моих товарищей. Час от часу дорога становилась приятнее: холмы, одетые виноградником и плодоносными деревьями, между коими мелькали приятные сельские домики, напоминали нам Саксонию, благословенные долины Дрездена, места очаровательные! Разговаривая с товарищами и любясь красотой видов, мы неприметно проехали несколько миль; каждый замок, каждое местечко мы принимали за Сирей и смеялись своей ошибке. Наконец, поворотя вправо с большой дороги, вдоль по речке Блез, мы увидели жилище славной нимфы Сирейской, которой одно имя рождает столько приятных воспоминаний...

Во ста шагах от селения возвышается замок на высоком уступе; кругом - рощи и кустарники. Все просто, но природа все украсила.

К замку примыкает английский сад и несколько тенистых аллей, к которым никогда не прикасались ножницы, даже в те времена, когда безжалостный Ленотр остригал боскеты Версальские, когда последний провинциальный дворянин рассаживал по шнуру смиренные акации и овощи в своем огороде. Вольтер, говоря о замке Сирейском, описывая красоты его окрестностей - кажется, в письме к королю Прусскому, - прибавляет:

Trop d'art me revoke et m'ennuie:

I aime mieux ces fastes forets!

[Избыток искусства меня возмущает и надоедает мне:
я предпочитаю эти обширные леса (фр.).]

Эти леса и поныне украшают Сирей своею дикостию. Замок сохранил древнюю наружность; можно отличить новые пристройки и балконы. Они принадлежат к Вольтерову времени. На крутой кровле (à la Mansarde) я заметил некоторые украшения и высокие продолговатые трубы, обложенные лепными изображениями, похожие на трубы замка Pont-sur-Seine, принадлежащего Летиции, матери Наполеона. Мы вошли в Сирей и удивились обширным залам, убраным в новейшем вкусе. Наружность того не обещала

Замок принадлежит г-же де Семиан, женщине весьма умной, некогда прекрасной. Он был разграблен в революцию и после того времени все строение возобновлено [] [по отступлении русских Сирей был снова разграблен французами за то именно, что русские варвары его пощадили]. К сожалению, мы нашли мало следов прежней обладательницы и ее славного друга, который, как говорит Лебрюн, утомил стогласную Славу.

В столовой несколько картин, изображающих зверей и охоту Эта живопись, довольно приятная, существовала уже при маркизе, и мы смотрели на нее с большим удовольствием. Пройдя несколько покоев, в правом флигеле замка нам отворили дверь в залу Вольтеру.

Здесь мы нашли большой мраморный камин, тот самый, который согрел Вольтера; несколько новых мебели: клавесин, маленький ортан и два комода. Окны до полу. Две круглые стеклянные двери в сад: одна из них украшена надписями, на камне высеченными. На фронте мы прочитали Вергилиев стих- Deus nobis haec otia fecit [] [Бог нам предоставил этот досуг (лат.)] из первой эклоги; на косяке несколько стихов из Попе, которого Вольтер всегда любил, и наконец:

Azile des beaux arts, solitude ou mon coeur
Est toujours occupe dans une paix profonde,
C'est vous que donnez le bonheur,
Que proraettait en vain le monde
[Убежище искусств, одиночество, где мое сердце
// Всегда занято в глубоком покое,
// Это вы даете счастье,
// Которое напрасно обещает свет (фр.)] -

стихи, написанные Вольтером в счастливую минуту наслаждения душевного, в глазах божественной Эмилии, единственной женщины, которую он любил наравне со славою, которой он был обязан всем и которая достойно гордилась дружбою творца Заиры [] [Напрасно мы искали в саду мраморного Амура, который некогда стоял под балконом, с надписью из Антологии "Qui que tu sois voici ton maitre" «кто бы ты ни был, вот твой властелин (фр)» и пр, которую перевел г Дмитриев: "кто б ни был ты, пади пред ним // Был, есть иль будет он владыкою твоим"]. Из окон сей залы видны ближние деревни и два ряда холмов, заключающих прелестную долину, по которой извиается речка Блез.

В глубоком молчании и я, и товарищи долго любовались приятным видом отдаленных гор, на которых потухали лучи вечернего солнца. Может быть, совершенная тишина, царствующая вокруг замка, печальное спокойствие зимнего вечера, зелень, кое-где одетая снегом, высокие сосны и древние кедры, осеняющие балкон густыми наклоненными ветвями и едва колеблемые дыханием вечернего ветра, наконец, сладкие воспоминания о жителях Сирея, которых имена принадлежат истории, которых имена от детства нам были драгоценны, - погрузили нас в тихую задумчивость.

"Здесь фернейский мудрец, - так воскликнул г. Р-н, житель Сирея, прервав наше молчание, - здесь славнейший муж своего века, чудесный, единственный, который, как говорят, вырезывал на меди для потомства [] [Qui gravait pour la posterite - выражение Паллисота, если не ошибаюсь], который все знал, все сказал [] [Qui a tout dit - Шатобриан, говоря о Вольтере], который имел доброе, редкое сердце, ум гибкий, обширный, блестящий, способный на все, и, наконец, характер вовсе не сообразный ни с умом его, ни с сердцем, - здесь он жил, сей Протей ума человеческого; здесь во цвете лет своих наслаждался он уединением и свободою, которым знал цену, и долго не покидал их для коронованной Сирены, для рукоплесканий и для прихожей г-жи Помпадур. Станный человек! Он многое предвидел, многое предсказал в политике; но мог ли он предвидеть, что несколько десятков лет спустя вы придете в замок Эмилии с оружием в руках, с толпою жителей берегов Волги и людей, пиющих воды Сибирские; и что там, где маркиза прекрасною рукою поливала мак, розы и лилеи, кормила голубей ячменем, - вот у этой самой голубятни, - что там, где она любила отдыхать под тенью древних

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

кедров, у входа в Заирину аллею [] [И до сих пор одна аллея называется Заириной. Там сочинял Вольтер свою трагедию], где Вольтер у ног ее в восторге читал первые стихи бессмертной трагедии и искал похвал и одобрения в голубых глазах своей Урании, в божественной ее улыбке, там, милостивые государи, там вы расставите часовых с ужасными усами, гренадер и Козаков, которые приводят в трепет всю Францию?..” – Мы засмеялись словам г. Р-на, и он продолжал, понизив немного свой голос: “Здесь долгое время был счастлив Вольтер в объятиях муз и попечительной дружбы. Там, где я обитаю, земной рай, писал он к приятелю своему Терю. – Немудрено! Представьте себе лучшее общество, ученейших людей во Франции, придворных, остроумных поэтов – таких, например, как С. Ламбер, который умел соединять любезность с глубокими сведениями, философию с людскостью; и в кругу таких людей – маркизу, которая умела все одушевить своим присутствием, всему давала неизъяснимую прелесть: и вы будете иметь понятие о земном рае Вольтера. – “Она чудо во Франции!” – говорил Вольтер [] [Madame du Chatelet sera comptee au rang des choses qu'il faut voir en France, parmi celles, qu'on y regrettera toujours”, – писал Вольтер Кайзерлингу. «Мадам дю Шатле будет причислена к разряду вещей, которые надо видеть во Франции, среди тех, о которых будут всегда сожалеть (фр.)»]. – Ум необыкновенный, лице прекрасное, душа ангела, откровенность ребенка и ученость глубокая – все было очаровательно в этой волшебнице! Она, вопреки г-же Жанлис, вопреки журналисту Жоффруа и всем врагам философии, была достойна и пламенной любви С. Ламбера, и дружбы Вольтера, и славы века своего. Здесь маркиза кончила жизнь свою, на лоне дружества. Все жители плакали о ней, как о нежной, попечительной матери. У бедных память в сердце: они еще благословляли прах ее, когда литераторы наши начали возмущать его спокойствие клеветами и постыдным ругательством. Но Вольтер был неутешен. Вы помните его письмо, в котором он из Бар-Сюр-Оба уведомляет о болезни и потом о смерти маркизы. Беспорядок этого письма доказывал его глубокую горечь. И мог ли он не сожалеть об утрате единственной женщины, о которой и вы, иностранцы – неприятели – говорите с любовью, с уважением!” Наш учтивый путеводитель продолжал бы более речь свою, если бы не позвали к обеду.

Столовая была украшена русскими знаменами.. Но мы утешили пугливые тени сирейской нимфы и ее друга, прочитав несколько стихов из “Альзиры”. Таким образом примирились мы с Пенатами замка и с некоторою гордостью, простительною воинам, в тех покоях, где Вольтер написал лучшие свои стихи, мы читали с восхищением оды певца Фелицы и бессмертного Ломоносова, в которых вдохновенные лирики славят чудесное величие России, любовь к отечеству сынов ее и славу меча русского.

C est du Nord a present que nous vient la lumiere, [] [С Севера теперь к нам приходит свет (фр.)].
От Севера теперь сияет свет наук.

Обед продолжался долго. Вечер застал нас, как героев древнего Омера, с чашей в руках и в сладких разговорах, основанных на откровенности сердечной, известных более добродушным воинам, нежели вам, жителям столицы и блестящего большого света.

Но мы еще воспользовались сумерками: обошли нижнее жильё замка, где живет г-жа де Семан; осмотрели ее библиотеку, – прекрасный и строгий выбор лучших писателей, составляющих любимое чтение сей умной женщины, достойной племянницы г-жи дю Шатле: любезность, ум и красота наследственны в этом семействе. Есть другая библиотека в нижнем этаже; она, кажется, предоставлена гостям. Древнее собрание книг, важное по многим отношениям, совершенно расхищено в революцию. Вольтеровых книг и не было в замке со времени его отъезда; по смерти маркизы он увез с собою книги, ему принадлежавшие, и некоторые рукописи. “Надобно ехать в ферней, – говорил г. Р-н, – там, может быть, находятся сии драгоценности”. – “Надобно ехать в Петербург, – заметил справедливо г. П«исарев»; – в Эрмитаже и рукописи, и библиотека фернейские”.

Стужа увеличилась с наступлением ночи. – В Вольте-ровой галерее мы развели большой огонь, который не мог нас согреть совершенно. Перед нами на столе лежали все Вольтеровы сочинения, и мы читали с большим удовольствием некоторые места его переписки, в которых он говорит о г-же дю Шатле. В шуме военном приятно отдохнуть мыслями на предмете, столь любви достойном. – Глубокая ночь застала нас в разговорах о протекшем веке, о великой Екатерине, лучшем его украшении, о ссоре короля Прусского с своим камергером и пр., у того самого камина, на том самом месте, где Вольтер сочинял свои послания к славным современникам и те бессмертные стихи, для которых единственно простит его памяти справедливо раздраженное потомство. – Г. П«исарев» был в восхищении. – Наконец, надобно было

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

расстаться и думать о постеле. Мне отвели комнату в верхнем жилье, весьма покойную, но где с трудом можно было развести огонь. Старый ключник объявил мне, что в этом покое обыкновенно живет г. Монтескью, родственник хозяйки, весьма умный и благосклонный человек; и что он, ключник, радуется тому, что мне досталась его спальня. – "vous avez l'air d'un bon enfant, mon officier" [] ["у вас вид доброго малого, мой офицер" (фр.)], – продолжал он, дружелюбно ударив меня по плечу. Прекрасно; но от его учтивостей комната мне не показалась теплее. Во всю ночь я раскладывал огонь, проклинал французские камины и только на рассвете заснул железным сном, позабыв и Вольтера, и маркизу, и войну, и всю Францию.

Проснувшись довольно поздно, подхожу к окну и с горестью смотрю на окрестность, покрытую снегом.

Я не могу изъяснить того чувства, с которым, стоя у окна, высчитывал я все перемены, случившиеся в замке. Сердце мое сжалось. Все, что было приятно моим взорам накануне, – и луга, и рощи, и речка, близ текущая по долине между веселых холмов, украшенных садами, виноградником и сельскими хижинами, – все нахмурилось, все уныло. Ветер шумит в кедровой роще, в темной аллее Заириной и клубит сухие листья вокруг цветников, истоптанных лошадьми и обезображенных снегом и грязью. В замке, напротив того, тишина глубокая. В камине пылают два дубовых корня и приглашают меня к огню. На столе лежат письма Вольтеровы, из сего замка писанные. В них все напоминает о временах прошедших, о людях, которые все исчезли с лица земного с своими страстями, с предрассудками, с надеждами и с печалью, неразлучными спутницами бедного человечества. К чему столько шума, столько беспокойства? к чему эта жажда славы и почестей? – спрашиваю себя и страшусь найти ответ в собственном моем сердце.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ

Ввечеру я простился с товарищами, как будто предчувствуя, что их долго, долго не увижу. Печален

Come navigante

Ch a detto a dolci amici addio [] [как мореплаватель, // который сказал милым друзьям "прости" (ит.)]. –

На дворе ожидал меня козак с верховою лошадыю. "Поздно мы пустились в путь!" – сказал он, как мертвец в балладе. – Что нужды? – отвечал я, – дорога известна. Притом же...

Вот и месяц величавой

Встал над тихою дубравой.

Топот конских ног раздался по мостовой обширного двора. Мы удалились от замка... Между тем ночь становилась темнее и темнее. С трудом находили мы дорогу, пробирались по высоким горам дремучим лесом в виду древнего замка Виньори, где австрийцы расположились биваками среди лошадей и высоких фур в различных положениях, достойных кисти Орловского. Одни спокойно спали на соломе, которая начинала загораться; другие распевали тирольские и богемские песни вокруг пылающего пня, который осыпал их искрами при малейшем дуновении ветра; другие обрачивали вертел с большою частью барана, в ожидании товарищей, которые толпились вокруг маркитанта, разливающего им вино и водку. Одевание и лица их еще страшнее казались, освещенные пламенем бивака, и напоминали мне Валленштейнов лагерь, описанный Шиллером, или "Сбиров" Сальватора Розы. – Из Виньори мы повернули вправо по дороге, проложенной по лесу. Поднялась страшная буря: конь мой от страху останавливался, ибо вдали раздавался вой волков, на который собаки в ближних селениях отвечали протяжным лаем...

Вот, скажете вы, прекрасное предисловие к рыцарскому походу! Бога ради, сбейся с пути своего, избавь какую-нибудь красавицу от разбойников или заезжай в древний замок. Хозяин его, старый дворянин, роялист, если тебе угодно, примет тебя как странника, угостит в зале Трубадууров, украшенной фамильными гербами, ржавыми панцирями, мечами и шлемами; хозяйка осыплет тебя ласками, станет расспрашивать о родине твоей, будет выхвалять дочь свою, прелестную томную Агнесу, которая, потупя глаза, покраснеет, как роза, – а за десертом, в угождение родителям, запоеет древний романс о древнем рыцаре, который в бурную ночь нашел пристанище у неверных... – и проч. и проч. и проч. – Напрасно, милый друг! Со мной ничего подобного не случилось. Не стану следовать похвальной привычке путешественников, не стану украшать истину вымыслами, а скажу просто, что, не желая ночевать на дороге с волками, я прищепил моего коня и

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
благополучно возвратился в деревню Болонь, откуда пишу эти строки в сладостной надежде, что они напомнят вам о странствующем приятеле. – Сказан поход – вдали слышны выстрелы. – Простите!

26 февраля, 1814.
IX

ДВЕ АЛЛЕГОРИИ I

I

Если б достаток позволял мне исполнять по воле все мои прихоти, то я побежал бы к Художнику N. с полным кошельком и предложил ему две мысли для двух картин. Вообще аллегии холодны, особливо те, которыми живописцы хотят изобразить исторические происшествия; но мои будут говорить рассудку, потому что они ясны и точны: они будут говорить воображению и сердцу, если художник выразит то, что я теперь мыслю и чувствую.

– Напишите, – сказал бы я живописцу, который до сих пор не написал ничего оригинального, а только рабски подражал Рафаэлю, но который может изобретать, ибо имеет ум, сердце и воображение, – напишите мне Гения и Фортуну, обрезающую у него крылья.

X. А! я вас понимаю! (немного подумав.) Вы хотите изобразить жестокую победу несчастья над талантом. – Гения живописи...

Я. Я не назначаю, именно какого Гения; от вас зависит выбор: Гения поэзии, Гения войны, Гения философии, науки или художества, какого вам угодно; только Гения пламенного, пылкого, наполненного гордости и себяпознания, которого крылья неутомимы, которого взор орлиный пронизывает, объемлет природу, ему подчиненную; которого сердце утопает в сладострастии чистейшем и неизъяснимом для простого смертного при одном помышлении о добродетели, при одном именовании славы и бессмертия.

X. (с радостью взяв мел, подбегает к грунтованному холсту). Я вас понимаю, очень понимаю...

Я. Я уверен, что художник N. меня поймет, когда дело идет о славе.

X. (взяв меня за руку и краснея при каждом слове).

Вы не поверите, как я люблю славу: стыдно признаться; но вы хотите... (чертит мелом абрис фигуры) вы хотите... Я. Гения. Чтоб изобразить живо, как я его чувствую, прочитайте жизнь Ломоносова, этого рыбака, который, по словам другого поэта, из простой хижины шагнул в Академию; прочитайте жизнь Петра Великого, который сам себя создал и потом Россию; прочитайте жизнь чудесного Суворова, которого душу, сердце и ум природа отлила в особенной форме и потом изломала ее вдребезги; взгляните, если угодно, на творения вашего Рафаэля, в памяти которого помещалась вся природа! Напивавши воображение идеалом величия во всех родах, пишите смело; ваш Гений будет Гений, а не фигура академическая. Теперь вообразите себе, что он борется с враждебным роком; запутайте его ноги в сетях несчастья, брошенных коварною рукою Фортуну; пусть слепая и жестокая богиня обрезают у него крылья с таким же хладнокровием, как Лахезиса прерывает нить жизни героя или лучшего из смертных, – Сократа или Моро, Лас Казаса или Еропкина, благодетеля Москвы.

X. Я разумею. Фортуну изображу, как обыкновенно: с повязкою на глазах, с колесом под ногами.

Я. Это ваше дело! Теперь заметьте, что побежденный Гений потушает свой пламенник. Нет крыльев, нет и пламенника!

X. Справедливо.

Я. Но зато нет слез в очах, ни малейших упреков в устах божественного. Чувство негодования и – если можно слить другое чувство, совершенно тому противное, – сожаление об утраченной славе, которая с ужасом направляет полет свой, куда перст Фортуну ей указывает.

X. Гений мой будет проходить на Аполлона Дельфийского...

Я. Если бы Аполлон промахнулся, метя в чудовище, то выражение лица его могло бы иметь некоторое сходство с лицом несчастного Гения, у которого Фортунa обрезала крылья.

X. (задумавшись, и потом с глубоким вздохом). Я вас понял совершенно: художник не всегда был баловнем Фортуну. Мы все, дети Аполлоны, менее или более боролись с несчастьем. Многие победили его, многие утратили свои крылья в жестокой борьбе, и пламенник таланта потух сам собою. Вы будете довольны картиною. Теперь же стану ее компоновать. Простите.

Я. Картина ваша прелестна! Для вас Гений не потушил своего пламенника, когда вы изображали его божественное лице.

Х. Я доволен: но спросите у меня, как я страдал! Сколько печальных мыслей бродило в голове моей, когда я изображал Гения, потушившего пламенник свой, и лице этой неумолимой, безрассудной фортуны, которая, исполняя долг свой, так спокойна! ибо не ведает, что творит! – она с повязкою на глазах. Верите ли, что сердце мое обливалось кровью при одной мысли об участи художников, которые в отечестве своем не находят пропитания...

Я. (рассматривая картину). Прекрасно!.. Но знаете ли, что можно воскресить вашего Гения?

Х. (с радостью). Воскресить?

Я. Выслушайте меня: я шел однажды в диком лесу и потерял дорогу. Выхожу на свет, вижу пещеру, осененную густыми ветвями, и в этой пещере... вашего Гения.

Х. Моего Гения?

Я. Он сидел в глубокой задумчивости, опершись на одну руку. Потухший светильник лежал у ног, а кругом – обрезанные крылья, которые развевал пустынный ветер, с шумом пролетающий в пещере: я ужаснулся.

Х. Далее.

Я. Глубокий вздох вырвался из груди страдальца; он взглянул на потухший пламенник, и мне показалось, что слезы его падали на холодный помост пещеры.

Х. Слезы, одному дарованию известные! Так плакал умирающий Рафаэль! Далее...

Я. Вдруг вся пещера осветилась необыкновенным сиянием. Вступают два божества: Любовь и Слава. За ними влечется окованная фортуна.

Х. Опять эта слепая колдунья!

Я. Вы ошибаетесь. Любовь оковала ее, сдернула повязку с очей и привела в пещеру, где страдал бедный Гений.

Х. Я воображаю удивление фортуны, которая в первый раз в жизни разглядела глупость, сделанную в слепоте.

Я. Слава отдает свои крылья Гению; Любовь зажигает его пламенник; Гений прощает изумленной фортуны и в лучах торжественного сияния воспаряет медленно к небу.

Х. Вот картина!

Я. Вы угадали. – Берите животворную кисть вашу.

Х. Я напишу эту картину. Эта работа облегчит мое сердце... Так! надобно, непременно надобно воскресить бедного Гения!

Х

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СНУ

Письмо к редактору "Вестника Европы"

Пускай утверждают, что хотят, прихотливые люди и строгие умы, а я утверждаю, милостивый государь, что науки и словесность у нас в самом блистательном состоянии. Укажу вам на книгопродавцев. Посмотрите, как они разживаются: то домик выстроит, то купят деревеньку. Чем же? Торговлею. Какою? Книжною. Следственно, у нас пишут, у нас читают, и из одного следствия к другому я могу вывести, что словесность русская в самом цветущем состоянии. Вот что хотел я доказать и что вы знаете без моих доказательств; ибо вы, милостивый государь, наблюдаете постоянно ход наших успехов, как астроном наблюдает течение любимой планеты. Вы заметили, конечно, что мы заняли все пути к славе и многие материи исчерпали до дна, так что нашим потомкам надобно будет умирать от жажды. – Простите мне это выражение и сосчитайте со мною эпические поэмы, в честь Петра Великого написанные. – Считайте от Ломоносова до Сл«адковс»кого и далее, от кедра до иссопов, и заметьте, что все поэмы исполнены красот, что в них все было сказано, кроме того только, что Ломоносов намеревался сказать и не успел: но это сущая безделка! Теперь прошу взглянуть на обширную область Талии и, наконец, Мельпомены, которая беспрестанно обогащается новыми приобретениями и скоро истощит всю священную древность от сотворения мира. – У французов одна "Аталиа"; у нас, благодаря усердию писателей, не одна трагедия переносит нас в землю иудейскую. Я ни слова не скажу о "Российском феатре", на котором основана слава наших праотцев, о журналах, романах и пр., изданных назад тому двадцать лет и более. Их мало читают; но время доказало, что они бессмертны: они уцелели в пожаре столицы. "Добро не горит, не тонет", – говорит пословица. Сердце мое дрожит от радости, когда я начинаю исчислять на досуге все наши сокровища. Тогда

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

я похожу на антиквара, который, не делая никакого употребления из своего золота, любит им и говорит: "Вот червонец! вот рубль! вот старинная монета! такого-то года! при таком-то царе! Кто ее отливал? из какого рудника это золото? кто употреблял эту монету?" А я говорю: "Вот трагедия 1793 года! Кто ее писал? кто читал ее?" – Творца не мудрено отыскать по творению, но читателей найти не легко: мы еще не любим отечественного. Что нужды мне до других! Я день и ночь роюсь в моих книгах; расставляю их по порядку хронологическому и горжусь моим богатством. Чего у нас нет? Боже мой! Найдите хотя один предмет, одну отрасль ума человеческого, которую бы мы не обработали по-своему? Поэзии – море! и поле Красноречия необозримое! – Загляните только в журналы, но без предубеждения, и вы найдете – сокровища! Здесь похвальное слово такому-то; там надгробное слово такому-то; здесь приветствие, там благодарный глас общества: и все то благо, все добро! Все герои, все полководцы, все писатели увенчаны пальмами красноречия и шагают торжественно в храм бессмертия. – Мы не ограничили себя великими людьми; мы хвалили даже блох [] [Смотри "Вестник Европы" 1810 года.] и будем хвалить все, что пресмыкается и ползает в царстве животных. – Итак, мудрено ли, что какому-то чудачу вздумалось написать "Похвальное слово Сну"? Случай мне доставил исправный список и вовсе не похожий на тот, который напечатан в вашем "Вестнике". Если вы найдете, что читатели ваши не заснут над этим панегириком, то покорнейше прошу напечатать его в журнале и сохранить для потомства, которое, конечно, благодарнее современников, завистливых, строгих и вовсе не способных ценить дарования. Это не мои слова, м. г., а моего приятеля Н. Н., который пишет стихи и прозу, но только не печатает их в вашем журнале и потому вам неизвестен. Имею честь быть и проч.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 18.. году, лет несколько до нашествия просвещенных и ученых вандалов на Москву, жил на Пресненских прудах некто NN., оригинал, весьма отличный от других оригиналов московских. – Всю жизнь провел он лежа, в совершенном бездействии телесном и, сколько возможно было, душевном. Ум его, хотя и образованный воспитанием и прилежным чтением, не хотел или не в состоянии был победить упрямую натуру. – Имея большой недостаток при счастливых обстоятельствах (которые единственно могут сохранить в полноте характер человека), он не имел нужды покоряться условиям общества и требованиям должностей. Он делал, что хотел, а хотел одного спокойствия. – Великий Конде говаривал: "Если бы я был царем моей постели, то никогда бы с нее не вставал". Наш оригинал был совершенный царь своей постели. – Целый день он лежал то на одном боку, то на другом, и всю ночь лежал! Редко, очень редко мы видели его сидящего у окна с длинной турецкою трубкою, в татарском или китайском шлафроке, и то когда он занимался домашними делами. Два чтеца попеременно читали ему книги, ибо лень не позволяла заниматься самому чтением, но лень не мешала делать добро. Он сыпал золото нищим и, под непроницаемую корою бесстрастного спокойствия, таил горячее сердце. В уединенном квартале города он воспитывал на свой счет двенадцать бедных девушек, кормил и одевал несколько заслуженных воинов и – странное дело! – не ленился посещать их по воскресным дням. "От этого лучше спится!" – говаривал он тем, которые выхваляли его благотворительность. – Равнодушный ко всему, он слушал спокойно самые важнейшие новости, но при рассказе о несчастном семействе, о страдании человечества вдруг оживлялся, как разбитый параличом от прикосновения электрического прутка. Впрочем, он был самый бесстрастный автомат: никого не обижал, ни с кем не заводил тяжбы, ни над кем не смеялся, никому не противоречил, не имел никаких страстей: страсть его была – лень. Скучал ли он? Утвердительно отрицать не могу, но заключаю, что скука ему была известна, и вот по какому обстоятельству. – Однажды он послал за мною. "Садись или ложись на диван, – сказал он, указывая на турецкую постелью, – я намерен ехать в деревню и воспользоваться первым весенним воздухом. Снег растаял, и стук по мостовой карет и дрожек начинает меня беспокоить. Но в деревне нельзя быть без общества; соседи мои люди деятельные; с ними надобно говорить, ездить на охоту, заводить тяжбы, мирить, ссорить и пр. и пр.. О! это меня расстроит совершенно! Двери на крюк соседям. С кем же я буду убивать время? С такими друзьями, как ты, например!" Я привстал и хотел благодарить за учтивость, но ленивец мой замахал обеими руками и продолжал: "Я знаю в Москве человек до шести, людей приятных в обществе и совершенно праздных. Двое из них могут назваться по справедливости добрыми людьми. Лениость не позволяет другим пускаться на злые дела, и это хорошо! Мы пригласим их к себе. Но теперь надобны женщины: вот истинное затруднение. Без женщин общество мужчин скоро наскучит... А где найти женщин ленивых?" – "Боже мой! как не найти!" – вскричал я. – "То есть, ленивых по моему образу мыслей, – возразил NN, покачав головою и насупя брови, – их язык вечно

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

деятелен, в вечном движении; это ртуть, это белка на привязи у колеса, это маятник, который..." (леность или доброта сердца не дозволяли сравнений). "Но так и быть, – продолжал лентяй с глубоким вздохом, – я согласен пригласить вдову приятеля моего, генерала А., с двумя дочерьми, добрыми и любезными девушками. Дружба меня сделает снисходительным. Толстая жена откупщика нашего Ж. с племянницею, ленивая Софья, ее дородная сестра, не будут лишние. Впрочем, мы не наскучим друг другу: свобода все украсит. Общество мое пусть называют как хотят московские насмешники; но оно будет приятно мне и гостям. Возьми же лист бумаги, милый друг, и пиши учреждение общества ленивых". – Я взял перо и бумагу и написал под диктатурую нашего лентяя условия, под коими все члены согласились подписать свои имена, и мы накануне 1 мая отправились в подмосковную... В шестидесяти верстах от города, на конце густого соснового леса, которого спокойствие ничто не может нарушить, стоит большой господский дом, архитектуры изрядной. К нему примыкает озеро, усеянное островами. Вдали синее колокольня уездного городка и несколько деревень. Кажется, что все было пожертвовано тишине в сей мирной обители: все службы, начиная с кухни до конюшни, расположены в некотором расстоянии одна от другой и закрыты рощицами. Перед окнами большие плакущие ивы, березы и цветники, засеянные китайским маком. – Здесь все посвящено лени, все питает ее, все приглашает ко сну: под каждым старинным деревом дерновая скамья, в каждой беседке канapé или постель с большими занавесами и со всеми предосторожностями от комаров и мошек, а на дверях надпись из нашего Пин-дара-Анакреона:

Сядь, милый гость! здесь на пуховом
Диване мягком, отдохни,
В сем тонком пологу, перловом,
И в зеркалах вокруг, усни;
Вздремли после стола немножко:
Приятно часик похрапеть!
Златой кузнечик, сера мошка
Сюда не могут залететь!

Ни крик петухов, ни стук топора, ни топот, ни конское ржание – ничто не нарушает глубокого молчания. – Кроме ручья, журчащего под навесом берега, кроме озера, которое ласкает тихим плесканием пологие берега свои, вы ничего не слышите. Сия тишина бывает прервана или очарована роговою музыкою, которая при закате солнца провожает умирающий день, и нежными, сладостными и протяжными звуками приготовляет сладкое усыпление и веселые мечты хозяину поместья. – Но это редко случается, ибо он боится беспокоить своих музыкантов. – У него нет ни одного деятельного или суетливого человека: все подчинено каким-то правилам особенного порядка; один повар имеет право разнообразить наслаждение эпикурейца. Я не стану описывать его дома. Каждый угадает, что он покоен, тепел и не слишком светел, ибо архитектором располагал по своей воле прихотливый хозяин. Но одна зала достойна вашего замечания. – Ее большие полуovalные окна осенены со всех сторон густыми ветвями вязов и лип, которые в июне наполняют бальзамическим испарением своих цветов окрестный воздух. Все стены обширной залы украшены картинами. Две – изображают идиллии из золотого века; другие – рождение Морфея, его пещеру и владычество его над небом и землею. Здесь видите Смерть в виде усыпленного Гения, там – Эрминию, отдыхающую у пастухов, спящего Эндимиона, который, кажется, весь осребрен сиянием влюбленной Дианы и во сне вкушает сладости, неизъяснимые языком смертного. Здесь вы видите мальчика, уснувшего на краю колодца; Фортуна поддерживает его рукою, но так осторожно, что, кажется, боится разбудить беспечного: прелестное изображение счастливых и баловней слепой богини, которые забываются на краю своей гибели! Наконец, на колоннаде, украшающей предверие залы, вы читаете имена знаменитых ленивцев: Лукулла, Сардана-пала, Анакреона, Лафонтена, Шолио, Лафара; тут же имена русских стихотворцев и имя того, который пишет прелестные басни и комедии и необоримую леность свою умеет украшать прочнейшими цветами Поэзии и философии. В этой зале открыто первое заседание Общества ленивых; несколько слов было сказано хозяином; подан им знак – и один из членов, Оратор ленивых, произнес похвальное слово Сну.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СНУ

Пока еще сладостный сон не сомкнул ресниц ваших, и полуоткрытые глаза могут взирать на Оратора, лежащего на мягком пуховике посреди храмины, посвященной лени, почтенные слушатели и прекрасные слушательницы! преклоните ухо ваше к словам моим. Не грозные битвы, не шум воинский, не гибельные подвиги героев,

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

обрызганных кровию, подвиги, клонящиеся к отнятию сна у бедных человек, нет! я хочу выхвалить способность спать, – и ежели душа есть источник прекрасных мыслей, то поверьте, что речь моя, истекающая из оной, должна вам нравиться, ибо душа моя исполнена любовью к благодарному богу лесов Киммерийских.

(Громкие рукоплескания раздались в зале. Оратор покраснел от радости. Женщины шептали между собою и поглядывали на него с усмешкою. Хозяин закричал: "внимание! внимание!", как член парламента, требующий внимания посреди шумного народа, когда Фокс и Питт рассуждали о войне или мире. Все умолкло, и Оратор продолжал.)

Вы улыбаетесь, слушатели, вы отделяете медленно головы свои от мягких подушек, чтобы не пропустить ни одного слова красноречивого Витии, – и я, ободренный сим геройским подвигом, смело вступаю в обширное море красноречия, бурное море, в котором погибала слава многих новейших и древних говорунов.

Кто не спит, слушатели, кто не вкушает сладости сна? Злодей, преступник! ибо и невинный, приговоренный к смерти, и несчастный страдалец под бременем бедности и зла, – и они смыкают вежды свои, омоченные слезами, и они усыпляют свои горести. – Сладостное усыпление, истинный дар небес, оставшийся на дне сосуда неосторожной Пандоры! ты вместе с надеждою, твоею сестрою, украшаешь жизнь волшебными мечтами!.. Ах! сон есть свидетель и порука совести нашей! Сон, надежда и добрая совесть, как три Хариты, неразлучны: они суть братья и сестры одного семейства. Бросьте взор свой на сего спящего младенца (здесь Оратор указал на картину). Это ангел, который покоится на лоне невинности; розы горят на ланитах малютки, уста его улыбаются.. Они ищут, кажется, поцалуев матери; дыхание их легко и сладостно, как дыхание утреннего ветерка, посетившего благоуханную розу.

Спи же, малютка! пока страсти и люди, ненавистники сна, не лишили тебя способности спать и пока Фортуна поддерживает тебя благодетельною рукою на краю зияющей бездны!

Взгляните на сон благотворительного смертного: он тих и спокоен, как ночь весенняя (Оратор взглянул на хозяина, который с трудом мог сокрыть сладкие слезы на глазах). Душа его, которой ничто не препятствует излиться наружу, дышит на его устах, на ясном челе его, даже на опущенных ресницах. Сердце его утопает в веселии, пульс его ударяет тихо и ровно, – он счастлив, он совершенно благополучен: ибо он учинил доброе дело, ибо сон напоминает ему несчастного, которого он извлек из пропасти, с которым плакал наедине. Кажется, ангел-хранитель присутствует у ложа праведника и отгоняет благовонными крилами мечты и призраки; кажется, сама надежда сыплет на него цветы свои обильною рукою, и он – сказать ли горькую истину? – он просыпается едва ли столько счастлив: ибо первый взор его часто, очень часто встречает неблагодарного! Что нужды? он уже наслаждался во сне!

(Мы заметим, что хозяин, вздохнув очень горестно, прошептал между прочим: "друзья мои! я жалею от искреннего сердца о том, кто не заснул после доброго дела".)

Взгляните теперь на оратая, который засыпает на жестком ложе, взгляните на поденщика, который, окончив труд свой, бросается на голый камень и с ношею плеч своих слагает все бремя душевное; взгляните на ратника, утружденного походом, дождем, холодом: он несколько дней сражался со стихиями и со смертию; кровь и пот лились ручьями, голод изнурял его, – но он заснул – и все забыто, и он счастливее сатрапа, засыпающего тонким сном на персях восточной одалиски. Скажите мне теперь, что награждает страдалцев сих за труды, пот и раны? Конечно, не скупые награды царей и вельмож, но сон, благодетель человек! Кто из нас не любил и кто не спал вопреки любви своей?

(После этого вопроса краткое молчание. Одна из молодых девушек потупила черные глаза, другая покраснела. Старая вдова А. открыла табакерку и поднесла ее с ласковою улыбкою хозяину, устремив на него страстные взоры, которые, казалось, делали следующий вопрос: и ты любил меня в молодости, друг мой, но любовь не лишала тебя сна; не правда ли? – Оратор продолжал.)

Сладостен сон любовника: он видит бархатные луга, орошенные ручьями, сады Армидины, царство Луны и Сильфов; все предметы и все места украшены присутствием его возлюбленной. Везде она с ним, ходит рука с рукою, везде неразлучна – ив хижине, и в палатах, и в обществе, и в пустыне. Сон и самые печали услаждает. Любовница тебе изменила или новая Галатя невнимательна к твоим песням; целомудренна, как Цинтия или как Зиновия, едва-едва склоняет к тебе суровые взоры?.. Утешься, печальный страдалец! Я не стану тебе советовать вооружаться терпением стойка или потоплять любовь свою в чаше вина [] ["Ou bien buvez, c'est un parti fort sage". Volt (aire) ("или напейтесь: это – мудрое средство". Вольтер).], или забыть вероломную. Но никто не отнимал у тебя сна. Никто не лишал тебя способности усыплять сердце твое посредством сладостных мечтаний? Спи

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

же, любовник, спи от вечера до утра, от утра до вечера, и – к наказанию твоей каменной Лауры – ты, верно, когда-нибудь проснешься с прежним спокойствием, с прежним равнодушием; ибо сон, успокаивая страсти, истребляет даже их вредное начало. Что есть сердце наше? Море. Удержи дыхание ветров, – и оно спокойно. (Море – сердце – дыхание ветров – спокойно!.. – повторяли слушатели, и громкие рукоплескания раздались в зале.)

Природа, благая мать смертных! Ты начинаешь наказывать преступника, оскорбителя прав твоих, прежде законов человеческих. – Взгляните на юношу, который в первый раз нарушил священные законы нравственности: взор его пасмурен, нетерпелив; он ищет чего-то, ибо убегает самого себя, сего внутреннего полубога, которого мы носим в груди своей; он ищет рассеяния в шумном свете, в опасных удовольствиях, и горе ему, если новые преступления изгладят следы первых! Но если, ведомый рукою совести, он скроется на минуту от взоров человеческих и там, в безмолвном уединении предастся размышлению, то слезы – вестники доброго сердца – слезы раскаяния омочат его ланиты, душа его успокоится, прояснеет, подобно мутной воде, ясной от времени в чистом сосуде; душа его придет в лучшее состояние, и сон, – награда великого, доброго дела, – сон заключит его в мягкие объятия; ибо сон, вопреки всем наблюдателям страстей человеческих, идет непосредственно за первым раскаянием, – явная премудрость попечительного Промысла, который врачует язвы сердца нашего посредством благотворного усыпления.

Но теперь, какие ужасные картины представляются взорам нашим? Преступник, преступник закоренелый в злодеяниях! Глас оскорбленной природы, подобно грому, раздался в его сердце, и глас сей был ужасен: злодей! ты не будешь спать! Вот приговор тиранам, сластолюбцам, рушителям спокойствия общественного! Повторим сильные слова латинского стихотворца: "Ужели страшен рев быка фаларидова, ужели меч, прицепленный к золотому крову и висящий над главою венчанного тирана, страшнее, ужаснее грызений совести того несчастного, который, бледнея, говорит – и столь тихо, что жена, лежащая с ним на одном ложе, слышать не может: я бегу, бегу к погибели"? Знали ли сон Дионисий Сиракузский и те изверги природы, те ряды венчаных злодеев Рима, которых, как говорит Расин, одно имя есть ужасная обида ужасному тирану? Вкушал ли сон и тот счастливый злодей Британии (Кромвель), которого жизнь была загадка, который, подобно древнему тирану, укрывался каждый день в новом убежище? Между тем как герой Севера, сей великий муж, которого жизнь достойна пера Плутархова, ибо малейшее его деяние есть подвиг ума, – между тем, говорю я, как Суворов спал на плаще под открытым небом, в виду огней неприятельских и накануне решительного сражения!

Итак, почтенные слушатели! способность спать во всякое время есть признак великой души. (Надобно заметить, что это весьма понравилось собранию ленивых.) Древность, неисчерпаемый источник истины и басен, древность, хранилище опытности, развертывает перед нами свои хартии. Примеры обильны и убедительны. Александр накануне ужасной битвы с Дарием засыпает ввечеру; Парменион принужден его будить, ибо знамена перские блистали уже вблизи стана греческого. Катон имел привычку засыпать при наступлении опасности, ибо ничто не могло поколебать великого духа героя стоиков: *mediis tempestatibus placidus* [ ] [В бурях – ясный духом (лат.)]. Август спит мертвым сном во время упорного морского сражения, происходившего у берегов цветущей Сицилии. Марий – и что всего чудеснее – Марий засыпает под деревом во время последней битвы с Силлою, и тогда только сон покидает неустрашимого вождя, когда сонмы неприятелей обратили в бегство его воинство. Гибельный сон, но не менее того славный! Мудрый Эпименид, если верить историкам (когда не верить им, то верить ли кому?) проспал 57 лет сряду; и я вам клянусь Геродотом, отцом летописцев, что есть народы на Севере, которые спят в течение шести зимних месяцев, подобно суркам, не просыпаясь. Ученые отыскивали, что сии народы обитали в России, и это не подлежит теперь никакому сомнению, по крайней мере, в обществе нашем.

Из всего мною сказанного ясно извлекается следующее заключение: сон есть признак великого духа и доброй души. Добрай души – ибо сонливый человек не способен делать зла, которое требует великих усилий, беспокойства и беспрестанной деятельности. Посмотрите, как говорит о беспечном сне Лафонтен, жертвовавший ему половиною жизни своей, и которого добродушие вошло в пословицу:

Je ne dor mi r ai point sous de riches lambris:
Mais voit-on que le somme en perde de son pnx?
En est-il moms profond, et moins plein de delices?
Je lui voue au desert de nouveaux sacrifices
["я никогда не буду спать в богатом алькове.
// Но разве сон теряет от этого что-нибудь в своей цене?
// Менее ли он глубок, менее ли исполнен сладостей?
// В своем тихом уголке я приношу ему все новые жертвы" (фр.)].

Но почему сон есть стихия лучших поэтов? Отчего они предаются ему до излишества, забывают все – и славу, и потомство, и золотое правило древности, которое говорит именно, что праздность без науки – смерть: *otium sine litteris mors est?* [] [Досуг без занятий – смерть (лат.).] Вопрос важный, достойный внимания мудрецов, и которого я решить не смею, боясь вооружить против себя неусыпных, но усыпительных писателей, которые – о святотатство! – и самое божество Ночи [] [У древних Ночь была старейшим всех божеством.] оскорбляют кропанием стихов. Знаю только, что поэты всегда прославляли сладость сна; подобно нежным детям, ласкающим доброго родителя, они давали ему множество приятных названий: сон – утешитель смертных! отрадный! тихий! сладостный! и пр. Начиная от Омера, все они, все до одного описывали менее или более, хуже или лучше сие успокоение души и тела. Тибулл, которого вся жизнь была одно сладостное мечтание без пробуждений (простите мне это выражение), Тибулл не в одном месте выхваляет сон. Я всегда с живым удовольствием привожу на память стихи его:

...Под тению древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою дарит.
Сквозь солнце иногда дождь мелкой чуть шумит:
Я, слушая его, помалу погружаюсь
В забвение и сном приятным наслаждаюсь.
Дмитриев

Какая истинная любовь к наслаждениям тихим! какая любовь ко сну! Далее:

Иль в мрачну, бурну ночь в объятиях драгой
Не слышу и грозы, шумящей надо мной!
Вот сердца моего желанья и утехи!
Дмитриев

Первые два стиха показывают мастера наслаждаться; последний принадлежит к малому числу стихов, написанных от души.

Ах! почтенное сословие сонных! если б я не боялся траты времени, которое можно посвятить с такою пользою на сон...

(И в самом деле Оратор начал замечать некоторую наклонность ко сну в своих благосклонных слушателях. Лучшие, красноречивые слова имеют странное действие на ленивых духом, действие, подобное журчанию ручейка: сперва нравятся, а потом клонят ко сну.)

...Если б томные глаза ваши не показывали, что он вам становится нужнее красноречивейшего панегирика... (Этот второй член длинного периода был прерван сперва зеванием слушателей, а потом и самого Оратора, который, однако ж, сделал геройское усилие и продолжал), – то верно б я предложил вам убедительное сравнение двух народов: одного воинственного, другого мирного; одного провождающего дни и ночи на страже с копьем в руках, другого изгнанного из пределов своих все, что клонится к нарушению сна: и петухов, вестников утра, и шумные художества, и снаряды воинственные, – я сделал бы сравнение спартанцев со счастливыми сибаритами и сравнение мое клонилось бы в пользу последних, – я доказал бы, что нет счастья в деятельности народной, и чрез то открыл бы неисповедимые истины и новое поле Политикам, поле вовсе не известное.

(При слове Политика хозяин начал зевать так сильно, что Оратор с трудом кончил.)

Но я вижу, что Морфей сыплет на вас зернистый мак свой! Я ощущаю и сам тайное присутствие бога Киммерийского. Крыле его сотрясают благовонную росу на любимцев... Перст его смыкает уста мои... язык коснеет... и я... засыпаю.

Любитель сна Дормидон Тихин

XI

АРИОСТ И ТАСС

Учение италийского языка имеет особенную прелесть. Язык гибкий, звучный, сладостный, язык, воспитанный под счастливым небом Рима, Неаполя и Сицилии, среди бурь политических и потом при блестящем дворе Медицисов, язык, образованный великими писателями, лучшими поэтами, мужами учеными, политиками глубокомысленными, – этот язык сделался способным принимать все виды и все формы. Он имеет характер, отличный от других новейших наречий и коренных языков, в которых менее или более приметна суровость, глухие или дикие звуки, медленность в выговоре и нечто принадлежащее Северу. – Великие писатели образуют язык; они дают ему некоторое направление, они оставляют на нем неизгладимую

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

печать своего гения – но, обратно, язык имеет влияние на писателей. Трудность выражать свободно некоторые действия природы, все оттенки ее, все изменения останавливает нередко перо искусное и опытное. Ариост, например, выражается свободно, описывает верно все, что ни видит (а взор сего чудесного Протея обнимает все мироздание); он описывает сельскую природу с удивительною точностию – благовонные луга и роши, прохладные ключи и пещеры полуденной Франции, леса, где Медор, утомленный негою, почивает на сладостном лоне Анжелики; роскошные чертоги Альцины, где волшебница сияет между нимфами (*Si come e bello il sol piu d'ogni stella!* [ ] [Подобно тому, как солнце прекраснее всякой звезды! (ит.)]); все живет, все дышит под его пером. Переходя из тона в тон, от картины к картине, он изображает звук оружия, треск щитов, свист пращей, преломление копий, нетерпеливость коней, жаждущих боя, единоборство рыцарей и невероятные подвиги мужества и храбрости; или брань стихий и природу, всегда прелестную, даже в самых ужасах (*bello e goitoge* [ ] [прекрасен ужас (ит.)])! Он рассказывает, и рассказ его имеет живость необыкновенную. Все выражения его верны и с строгою точностию прозы передают читателю блестящие мысли поэта. Он шутит, и шутки его, легкие, веселые, игривые и часто незлобные, растворены аттическим остроумием. Часто он предается движению души своей и удивляет вас, как оратор, порывами и силою мужественного красноречия. Он трогает, убеждает, он невольно исторгает у вас слезы; сам плачет с вами и смеется над вами и над собою; или увлекает вас в мир неизвестный, созданный его музою; заставляет странствовать из края в край, подниматься на воздух; он вступает с вами в царство Луны, где находит все, утраченное под Луною, и все, что мы видим на земноводном шаре: но все в новом, премежном виде; снова спускается на землю и снова описывает знакомые страны, и человека, и страсти его. – Вы без малейшего усилия следуете за чародеем, вы удивляетесь поэту и в сладостном восторге восклицаете: какой ум! какое дарование! а я прибавлю: какой язык! Так, один язык итальянский (из новейших, разумеется), столь обильный, столь живой и гибкий, столь свободный в словосочинении, в выговоре, в ходе своем, один он в состоянии был выражать все игривые мечты и вымыслы Ариоста, и как еще? в теснейших узах стихотворства (Ариост писал октавами). Но перенесите этого чародея в другой век, менее свободный в мыслях [ ] [Ариост писал, что хотел, против пап. Он смеялся над подложной хартией, которою император Константин уступает викарию святого Петра Рим в потомственное правление, и книга его напечатана в Риме – *con licenzia de superiori* [с соизволения властей (лат.)]], более поработанный правилами сочинения, основанным на опытности и размышлении, дайте ему язык северного народа, какой заблагорассудите, – английский или немецкий, например, – и я твердо уверен, что певец "Орланда" не в силах будет изображать природу так, как он постигал ее и как описал в своей поэме: ибо (еще повторю) поэма его заключает в себе все видимое творение и все страсти человеческие; это "Илиада" и "Одиссея"; одним словом, – природа, поработанная жезлу волшебника Ариоста [ ] [напрасно будут мне указывать на английских и немецких писателей, подражавших Ариосту. Я отдаю полную справедливость Виланду, остроумному поэту и зиждителю нового языка в своем отечестве; но скажу, и должно со мною согласиться, что в "Обероне" менее вещей, нежели в "Орланде"; язык не столь полон и заставляет всегда чего-нибудь желать; поэт не договаривает, и – весьма часто. Позвольте сделать следующий вопрос: если бы Виланд писал в Италии, во время Ариоста, то какой вид получила бы его поэма? Язык у стихотворца то же, что крылья у птицы, что материал у ваятеля, что краски у живописца.]. Но счастливому языку Италии, богатейшему наследнику древнего латинского, упрекают в излишней изнеженности! Этот упрек совершенно несправедлив и доказывает одно невежество; знатоки могут указать на множество мест в Тассе, в Ариосте, в самом нежном поэте Валлакиузском и в других писателях, менее или более славных, множество стихов, в которых сильные и величественные мысли выражены в звуках сильных и совершенно сообразных с оными; где язык есть прямое выражение души мужественной, исполненной любви к отечеству и свободе. Не одно "*Chiama gli abitator*" [ ] ["Призывает обитателей" (ит.)] найдете в Тассе; множество других мест доказывают силу поэта и языка. Сколько описаний битв в поэме Торквато! И мы смело сказать можем, что сии картины не уступают или редко ниже картин Вергилия. Они часто напоминают нам самого Омера. Посмотрите на это ужасное последствие войны, на груды бледных тел, по которым бегут испуганные воины, преследуя матерей, прижавших трепетных младенцев к персям своим:

Ogni cosa di strage era gia pieno;
Vedeansi in mucchi e in monti i corpi avvolti.
La i feriti su i morti, e qui giacieno
Sotto morti in sepolti, egri sepolti.

Fuggian premendo i pargoletti al seno,
Le meste madri, co capegli sciolti:
E'l predator di spoglie e di rapine
Carco, stringea le vergine nel crine.

"Все места преисполнились убийством. Груды и горы убиенных! Там раненые на мертвых, здесь мертвыми завалены раненые; прижав к персям младенцев, убегают отчаянные матери с раскиданными волосами; и хищник, отягченный ограбленными сокровищами, хватает за волосы дев устранных".
Желаете ли видеть поле сражения, покрытое нетерпеливыми воинами, - картину единственную, величественную! Солнце проливает лучи свои на долину; все сияет: и оружие разноцветное, и стальные доспехи, и шлемы, и щиты, и знамена. Слова поэта имеют нечто блестящее, торжественное, и мы невольно восклицаем с ним: bello in si bella vista anco e l'orrore! [] [в столь прекрасном зрелище прекрасен даже ужас! (ит.)]

Grande e mirabil cosa era il vedere
Quando quel campo, e questo a fronte venne:
Come spiegate in ordine le shiere;
Di mover gia, gia d'assalire accenne:
Sparse al vento ondeggiando ir le bandiere,
E, ventolar su i gran cimier le penne;
Abiti, fregi, imprese, arme e colori
D'oro e di ferro al sol lampi e folgori.

Sembra d'alberi densi alta foresta
(L'un campo e l'altro, di tant'aste abonda!)
Son tesi gli archi, e son le lance in resta:
Vibransi i dardi, e rotasi ogni fionda. -
Ogni cavallo in guerra anco s'appresta:
Gli odi e'l furor del suo signor seconda:
Raspa, batte, nitrisce e si raggira;
Gonfia le nari, e fumo e foco spira.
Bello in si bella vista anco e l'orrore!

"Открылось великолепное и удивительное зрелище, когда оба войска выстроились одно против другого, когда развернулись в порядке полчища, двигаться и нападать готовые! Распущенные по ветру знамена волнуются; на высоких гребнях шлемов перья колеблются; испещренные одежды, вензели и цветы оружий, золото и сталь ярким блеском и сиянием лучи солнечные отражают.
В густой и высокой лес сомкнулись копья: столь многочисленно и то и другое воинство! Натянуты луки, обращены копья, сверкают дротики, пращи крутятся, самый конь жаждет кровавой битвы: он разделяет ненависть и гнев ожесточенного всадника; он роет землю, бьет копытами, ржет, крутится, раздувает ноздри и дымом и пламенем пышет".
Но битва закипела, час от часу становится сильнее и сильнее. В сражении есть минуты решительные; я на опыте знаю, что они не столь ужасны. Победитель преследует, побежденный убегает; и тот и другой увлекаются примером товарищей своих, и тот и другой заняты собою. Но минута ужасная есть та, когда оба войска, после продолжительного и упорного сопротивления, истощив все усилия храбрости и искусства воинского, ожидают решительного конца, - победы или поражения; когда все гласы, все громы сольются воедино и составят нечто мрачное, неопределенное и беспрестанно возрастающее, - эту минуту поэт описывает с необыкновенною верною:

Così si combatteva: e in dubbia lance
Col timor le speranze eran sospese.
Pien tutto il campo e di spezzate lance,
Di rotti scudi, e di troncato arnese:
Di spade a i petti, a le squarciate pance
Altre confitte, altre per terra stese:
Di corpi altri supini, altri co'volti
Quasi mordendo il suolo, al suol rivolti. -

Giace il cavallo al suo signore appresso
Giace il compagno appo il compagno estinto,
Giace il nemico appo il nemico, e spresso
Sul morto il vivo, il vincitor sul vinto.

Non v'è silenzio, e non v'è grido espresso,
Ma odi un non so che roco, e indistinto.
Fremiti di furor, mormori d'ira,
Gemiti di chi langue, e di chi spira.

L'arme, che già ci liete in vista foro,
Faceano or mostra spaventosa e mesta.
Perduti ha i lampi il ferro, e i raggi l'oro,
Nulla vaghezza a i bei color più resta.
Quanto apparìa d'adorno, e di decoro
Ne cimieri, e ne' fregi, or si calpesta
La polve ingombra ciò ch'al sangue avanza,
Tanto i carapi mutata avean sembianza!

[В сих трех октавах бессмертный
Тасс превзошел себя.

Здесь полная картина.

Ничего лишнего, ничего натянутого, сверхъестественного.

Non v'è silenzio, non v'è grido espresso и три следующие стиха живописны. В последней октаве стихотворец повторяет все подробности и кончит как мастер: Tanto i carapi avean mutata sembianza.]

"Так ратовало воинство с равным страхом и надеждою. Все поле завалено преломленными копьями, разбитыми щитами и доспехами. Мечи вонзились в грудь, в прободенные панцири; иные по земле разметаны. Здесь трупы, ниц поверженные в прах; там трупы, лицом обращенные к солнцу.

Лежит конь близ всадника, лежит товарищ близ бездыханного товарища; лежит враг близ врага своего и часто мертвый на живом, победитель на побежденном. Нет молчания, нет криков явственных; но слышится нечто мрачное, глухое: клики отчаяния, гласы гнева, воздыхания страждущих, вопли умирающих.

Оружие, дотоле приятное взорам, являет зрелище ужасное и плачевное. Утратила блеск и лучи свои гладкая сталь. Утратили красоту свою разноцветные доспехи.

Богатые шлемы, прекрасные латы в прахе ногами попраны. Все покрыто пылью и кровью: столь ужасно пре-менилось воинство!" [] [Сия картина поля сражения напоминает нам прекрасные стихи Ломоносова: "Различным образом повержены тела: // Иный с размаху меч занес на сопостата, // Но прежде прободен, удара не скончал. // Иный, забыв врага, прельщался блеском злата; // Но мертвый на корысть желанную упал. // Иный, от сильного удара убегая, // Стремглав на низ слетел и стонет под конем; // Иный, пронзен, угас, противника сражая; // Иный врага поверг и умер сам на нем." Заметим мимоходом для стихотворцев, какую силу получают самые обыкновенные слова, когда они поставлены на своем месте.]

Мы не можем останавливаться на всех красотах "Освобожденного Иерусалима"; их множество! Прелестный эпизод Эрминии, смерть Клоринды, Армидины сады и единоборство Танкреда с Аргантом: кто читал вас без восхищения? Вы останетесь незабвенными для сердец чувствительных и для любителей всего прекрасного! Но в поэме Тассовой есть красоты другого рода; и на них должно обратить внимание поэту и критику. Описание нравов народных и обрядов веры есть лучшая

принадлежность эпопеи. Тасс отличился в оном. С каким искусством изображал он нравы рыцарей, их великодушие, смирение в победе, невероятную храбрость и набожность! С каким искусством приводит он крестовых воинов к стенам Иерусалима! Они горят нетерпением увидеть священные верхи града господня. Издали воинство приветствует его непрерывными восклицаниями, подобно мореплавателям, открывшим желанный берег. Но вскоре священный страх и уныние сменяют радость: никто без ужаса и сокрушения не дерзает взглянуть на священное место, где сын божий искупил человечество страданием и вольною смертью.

Главы и ноги начальников обнажены; все воинство последует их примеру, и гордое чело рыцарей смиряется пред тем, кто располагает по воле и победою, и лаврами, и славою земною, и царством неба. Такого рода красоты, суровые и важные, почерпнуты в нашей религии: древние ничего не оставили нам подобного. Все обряды веры, все страшные таинства обогатили Тассову поэму. - Ринальдо вырывается из объятий Армиды; войско встречает его с радостными восклицаниями. Юный витязь беседует снова с товарищами о войне, о чудесах очарованного леса, которые он один может разрушить: но простой отшельник Петр советует рыцарю исповедью очиститься от заблуждений юности, прежде нежели он приступит к совершению великого подвига. "Сколько ты обязан Всевышнему! - говорит он. - Его рука спасла тебя; она спасла заблудшую овцу и причислила ее к своему стаду. Но ты покрыт еще тиною мира, и самые воды Нила, Гангеса и Океана не могут очистить тебя: одна благодать совершит сие..." Он умолк, и сын прелестной Софии, сей гордый и нетерпеливый юноша, повергается к стопам смиренного отшельника, исповедует ему

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
прегрешения юности своей и, очищенный от оных, идет бестрепетно в леса, исполненные очарований волшебника Йемена. – Годофред, желая осадить город, приготовляет махины, стенобитные орудия; но строгий Петр является в шатер к военачальнику. "Ты приготовляешь земные орудия, – говорит он набожному повелителю, – а не начинаешь, отколе надлежит. Начало всего на небе. Умоляй ангелов и полки святых; подай пример набожности войску". И наутро отшельник развеивает страшное знамя, в самом раю почитаемое; за ним следует лик медленным шагом; священнослужители и воины (соединившие в руке своей кадильницу с мечом), Гвильем и Адимар, заключают шествие лика; за ними Годофред, начальники и войско обезоруженное. Не слышно звуков трубы и гласов бранных; но гласы молитвы и смирения:

Te genitor, te figlio eguale al padre,
E te, che d'ambo uniti amando spiri,
E te d'uomo, e di dio vergine madre,
Invasano propizia a i lor desiri
[Тебя, родитель, тебя, сын, равный отцу,
// и тебя, который из двух единых, любя, исходишь,
// и тебя, человека и бога дева-мать,
// Призывают в покровительство своим желаньям (ит.)], – и проч. и проч.

Так шествует поющее воинство, и гласы его повторяют глубокие долины, высокие холмы и эхо пустынь отдаленных. Кажется, другой лик проходит в лесах, доселе безмолвных, и явственно великие имена Марии и Христа воспевают. Между тем со стен города взирают в безмолвии удивленные поклонники Магаммеда на обряды чуждые, на велелепие чудесное и пение божественное. Вскоре гласы проклятий и хулений неверных наполняют воздух: горы, долины и потоки пустынные их с ужасом повторяют.

Таким образом великий стихотворец умел противопоставить обряды, нравы и религии двух враждебных народов, и из садов Армидиных, от сельского убежища Эрминии перенестись в стан христианский, где все дышит благочестием, набожностью и смирением. Самый язык его изменяется. В чертогах Армиды он сладостен, нежен, изобилен; здесь он мужествен, величествен и даже суров.

Те, которые упрекают итальянцев в излишней изнеженности, конечно, забывают трех поэтов: Альфиери – душою римлянина, Данта – зиждителя языка итальянско-го и Петрарка, который нежность, сладость и постоянное согласие умел сочетать с силою и краткостью.

XII

ПЕТРАРКА

S'amor non e, che dunque e quel ch'io sento?

[Что же я чувствую, если и это не любовь? (ит.)]

Вот что говорит Петрарка, которого одно имя напоминает Лауру, любовь и славу. Он заслужил славу трудами постоянными и пользою, которую принес всему человечеству, как ученый прилежный, неутомимый; он первый восстановил учение латинского языка; он первый занимался критическим разбором древних рукописей как истинный знаток и любитель всего изящного. – Не по одним заслугам в учености имя Петрарки сияет в истории итальянской; он участвовал в расправах народных, был употреблен в важнейших переговорах и посольствах, осыпан милостями императора Римского и наконец от Роберта, короля Неаполитанского, – назван и другом, и величайшим гением. Заметьте, что Роберт был ученейший муж своего времени и предпочитал (это собственные его слова) науки и дарования самой диадеме. Наконец Петрарка сделался бессмертен стихами, которых он сам не уважал [] [В этом неуважении к стихам своим Богданович много сходствовал с Петраркой Он часто говаривал М«уравьев»у "Стихи мои, которые вам так нравятся, умрут со мною, но моя "Русская история" переживет меня Стихи мне не много стоили труда, над "Историей" я много пролил поту на ней–то основана моя слава " Петрарка и Богданович обманулись!], – стихами, писанными на языке итальянском или народном наречии. – Итак, славы никто не оспаривает у Петрарки, но многие сомневались в любви его к Лауре. Многие французские писатели утверждали, что Лаура никогда не существовала, что Петрарка воспевал один призрак, красоту, созданную его воображением, как создана была Дульцинея Сервантовым героем.Итальянские критики, ревнители славы божественного Петрарки, утвердили существование Лауры; они входили в малейшие подробности ее жизни и на каждый стих Петрарки написали целые страницы толкований. – Сия дань учености дарованию покажется иным излишнею, другим смешною, но мы должны признаться, что только в тех землях, где умеют таким

образом уважать отличные дарования, рождаются великие авторы. Любители поэзии и чувствительные люди, которые по движениям собственного сердца, пламенного и возвышенного, угадывают сердце поэта и истину его выражений, не будут сомневаться в любви Петрарки к Лауре: каждый стих, каждое слово носит неизгладимую печать любви. Любовь способна принимать все виды. Она имеет свой особенный характер в Анакреоне, Феокрите, Катулле, Проперции, Овидии, Тибулле и в других древних поэтах. Один сладострастен, другой нежен и так далее. Петрарка, подобно им, испытал все мучения любви и самую ревность; но наслаждения его были духовные. Для него Лаура была нечто невещественное, чистейший дух, излившийся из недр божества и облекшийся в прелести земные. – Древние стихотворцы были идолопоклонниками; они не имели и не могли иметь сих возвышенных и отвлеченных понятий о чистоте душевной, о непорочности, о надежде увидеться в лучшем мире, где нет ничего земного, преходящего, низкого. Они наслаждались и воспевали свои наслаждения; они страдали и описывали ревность, тоску в разлуке или надежду близкого свидания. – Слезы горести или восторга, некоторые обряды идолопоклонства, очарования какой-нибудь волшебницы (любовь всегда суеверна), воспоминание о золотом веке и вечные сожаления о юности, улетающей как призрак, как сон, – вот из чего были составлены любовные поэмы древних, вот почему в их творениях мы видим более движения и лучшее развитие страстей, одним словом, более драматической жизни, нежели в одах Петрарки, – но не более истины. Тибулл, задумчивый и нежный Тибулл, любил напоминать о смерти своей Делии и Немезиде. "Ты будешь плакать над умирающим Тибуллом; я сожму руку твою хладающею рукою, о Делия!.."

Te spectem, supreme mihi cum venerit hors, Te teneam moriens, deficiente manu. [На тебя взирал я, когда последний час ко мне пришел, // И, умирающий, держал тебя слабеющей рукою (лат.).]

И сии слова драгоценны для сердец чувствительных! Но после смерти всему конец для поэта; самый Элизий не есть верное жилище. Каждый поэт переделывал его по-своему и переносил туда грубые, земные наслаждения. Петрарка напротив того: он надеется увидеть Лауру в лоне божества, посреди ангелов и святых; ибо Лаура его есть ангел непорочности; самая смерть ее – торжество жизни над смертью. "Она погасла, как лампада, – говорит стихотворец, – смерть не обезобразила ее прелестей; нет! не смертная бледность покрыла ее лице: белизна его подобилась снегу, медленно падающему на прекрасный холм в безветренную погоду. Она покоилась, как человек по совершении великих трудов: и это называют смертью слепые человеки!" Петрарка девять лет оплакивал кончину Лауры. Смерть красавицы не истребила его страсти; напротив того, она дала новую пищу его слезам, новые цветы его дарованию: гимны поэта сделались божественными. Никакая земная мысль не помрачала его печали. Горесть его была вечная, горесть христианина и любовника. Он жил в небесах: там был его ум, его сердце, все воспоминания; там была его Лаура! – Стихи Петрарки, сии гимны на смерть его возлюбленной, не должно переводить ни на какой язык; ибо ни один язык не может выразить постоянной сладости тосканского и особенной сладости музыки Петрарковой. Но я желаю оправдать поэта, которого часто критика (отдавая, впрочем, похвалу гармонии стихов его) ставит наравне с обыкновенными писателями по части изобретения и мыслей. В прозе остаются одни мысли: "Исчезла твоя слава, мир неблагодарный! и ты сего не видишь, не чувствуешь. Ты не достойна была знать ее, земля неблагодарная! ты не достойна быть попираема ее священными стопами! Прекрасная душа ее преселилась на небо. Но я, несчастный! я не могу любить без нее ни смертной жизни, ни самого себя! Лаура! тебя призываю со слезами! слезы – последнее мое утешение; они меня подкрепляют в горести. Увы! в землю превратились ее прелести; они были здесь залогом красоты небесной и наслаждений райских. Там ее невидимый образ: здесь покрывало, затемнявшее его сияние. Она облечется снова и навеки в красоту небесную, которая без сравнения превосходит земную. Ее образ является мне одному (ибо кто мог обожать ее, как я?), он является и прелестнее, и светлее. Божественный образ ее, милое имя, которое отзывается столь сладостно в моем сердце, – вы единственные опоры слабой жизни моей... Но когда минутное заблуждение исчезает, когда я вспомню, что лишился надежды моей в самом цвете и сиянии: любовь! ты знаешь, что со мною тогда бывает, знает и она, та, которая приблизилась к божественной истине... Я страдаю; а она из жилища вечной жизни с гордою улыбкою презрения взирает на земное одеяние свое, здесь оставленное. Она о тебе одном вздыхает и умоляет тебя не затмить сияния славы ее, тобою на земле распространенного; да будет глас твоих песней еще звучнее, еще сладостнее, если сладостны и драгоценны были очи ее твоему сердцу!" Древность ничего не может представить нам подобного. Горесть Петрарки услаждается мыслию о бессмертии души, строгою мыслию, которая одна в силах искоренить страсти земные; но поэзия не теряет своих красок. Стихотворец умел сочетать землю и небо; он заставил Лауру заботиться о славе земной,

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

единственном сокровище, которое осталось в руках ее друга, осиротелого на земле. Иначе плачет лад урною любовницы древний поэт; иначе Овидий сетует о кончине Тибулла: ибо все понятия древних о душе, о бессмертии были неопределенны. – Петрарка, пораженный ужасною вестью о кончине Лауры, написал несколько строк на заглавном листе Вергилия, который весь наполнен был его замечаниями: ибо Петрарка читал Вергилия и учил наизусть беспрестанно. Сия рукопись, драгоценный остаток двух великих людей, хранилась в Амброзианской библиотеке, а ныне, если не ошибаюсь, находится в Париже. Простота немногих строк, начертанных в глубокой горести, прелестна и стоит лучшего гимна. Из них-то можно видеть, что Петрарка не сочинял свою страсть и что стихи его были только слабым воспоминанием того, что он чувствовал. Вот сии строки: "Лаура, славная по качествам души своей и столь долго мною прославляемая, предстала в первый раз моим глазам в начале моего юношеского возраста, в 1327 году 6 апреля, в церкви св. Клары, в Авиньоне, в первом часу пополудни. И в том же самом городе, в том же месяце, 6 числа, в первом часу, 1348 года, сия небесная лампада потухла, когда я находился в Вероне, не ведая ничего о моем несчастье. – В Парме узнал я эту плачевную новость чрез письмо друга моего Лудовика, того же года, в мае, поутру. Ее чистейшее, ее прелестное тело было положено в самый день ее смерти, в церкви кармелитов. Я уверен, что ее душа возвратилась на небо, откуда она пришла, так как Сципионова, по словам Сенеки". Петрарка любил; но он чувствовал всю суетность своей страсти и с нею боролся не однажды. Любовь к Лауре и любовь к славе под конец жизни его слились в одно. Любовь к славе, по словам одного русского писателя, есть последняя страсть, занимающая великую душу. – Поэмы: Триумф любви – Непорочности – Смерти – Божества, в которых и самый снисходительный критик найдет множество несообразностей и оскорблений вкуса, заключают однако же в себе неувядаемые красоты слога, выражения и особенно мыслей. В них-то стихотворец описывает все мучения любви, которой мир, как тирану, приносит беспрестанные жертвы". "Я знаю, – говорит он, – как непостоянна и прменлива жизнь любовников. Они то робки, то предприимчивы. Немного радостей награждают их за непрерывные мучения. Знаю их нравы, их воздыхания, их песни, прерывные разговоры, внезапное молчание, краткий смех и вечные слезы. Любовь подобна сладкому меду, распущенному в соку полынно" [] [Гордый и пламенный Альфиери называет Петрарку учителем любви и поэзии: *Maestro in amare ed in poesia* (ит.).]. Сию последнюю мысль Тасс повторил в своей поэме. Певец Иерусалима испытал все мучения любви. Во времена Петрарковы, столь смежные с временами рыцарства, любовь не утратила еще своего владычества над людьми всех состояний. Во Франции, от короля до простого воина, каждый имел свою даму: "Madame et St. Denis!" [] [Госпожа и святой Денис! (фр.)] воскликали французские рыцари в пылу сражений и совершали неимоверные подвиги. Рыцарь Сир де Флеранж, водружая знамя на стене крепости, взятой приступом, кричал свои товарищам: "Ах! если бы видела красавица своего рыцаря!" Трубадуры воспевали красоту; за ними и все поэты (не исключая важного и мрачного Данте, остроумного и веселого Боккаччио), все прославляли своих красавиц, и имена их остались в памяти муз. История Парнаса италийского есть история любви. В одном из своих "Триумфов" Петрарка исчисляет великих мужей, древних и новейших, которые все учинились жертвами страсти. Конечно, здравый вкус негодует на сочетание имен Давида и Соломона с именами Тибулла и Проперция; но некоторые места сей поэмы имеют особенную прелесть, а более всего те, в которых стихотворец исчисляет своих друзей в плену у сурового бога. "Я увидел Вергилия, – говорит он, – и с ним Овидия, Катулла и Проперция, которые все столь пламенно воспевали любовь, – и, наконец, нежного Тибулла. Юная гречанка (Сафо) шествовала рядом с возвышенными певцами, воспевая сладкие гимны. Бросив взоры на окрестные места, я увидел на цветущей зеленой долине толпу, рассуждающую о любви. Вот Данте с Беатриксой! вот Сельважиа с Чино! и проч. и проч... Но теперь я не могу сокрыть моей горести: я увидел друзей моих, и посреди их Томасса, украшение Болонии, Томасса, которого прах истлевает на земле мессинской. О минутные радости! горестная жизнь! кто отнял у меня так рано мое сокровище, моего друга, без которого я не мог дышать? Где он теперь находится? – Прежде он был со мною неразлучен... Жизнь смертных, горестная жизнь! ты не что иное, как сон больного страдальца, пустая басня романа! – уклонясь в сторону от прямого пути, я встретил моего Сократа и Лелия. С ними желал бы я долее шествовать. Какая чета друзей! Ни проза, ни стихи мои не могут их достойно прославить; их нагая добродетель и без песней муз заслуживает почтение мира. С ними я похитил слишком рано лавр, который доселе украшает мою главу, в воспоминание той, которую обожаю!" – Лавр (*lauro*) напоминает имя Лауры, и потому был вдвое драгоценен сердцу поэта. По смерти славного колонны и Лауры стихотворец воскликнул: *Rotta e l'alta colonna, e l'verde lauro!* [Разбита высокая колонна и зеленый лавр! (ит.)]

Мы заметили уже, что неумеренная любовь к славе равнялась или спорила с любовью

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

к Лауре в пламенной душе Петрарки. Одна чистейшая набожность и возвышенные мысли о бессмертии души могли уменьшать их силу, и то временно; но искоренить совершенно не имели власти. С каким чистосердечным сокрушением описывает он борьбу религии с любовью к славе! В каждом слове виден христианин, который знает, что ничто земное ему принадлежать не может; что все труды и усилия человека напрасны, что слава земная исчезает, как след облака на небе: знает твердо, убежден в сей истине, и все не престаёт жертвовать своей страсти! "Мой ум занят сладкою и горестною мыслию, (говорит он) мыслию, которая меня утруждает и исполняет надеждою мятежное сердце. Когда вообразу себе сияние славы, то не чувствую ни хлада зимы, ни лучей солнечных, забываю страшную бледность моего чела и самые недуги. Напрасно желаю умертвить сию мысль; она снова и сильнее рождается в моем сердце. Она встретила меня в пеленах младенчества, день ото дня со мною возрастала, и страшусь, чтобы со мною не заключилась в могиле. Но к чему послужат мне сии льстивые желания, когда моя душа отделится от брэнного тела? После кончины моей если и вся вселенная будет обо мне говорить... суета! суета! Один миг разрушает все труды наши. Так! я желал бы обнять истину и забыть навеки суетную тень славы!" И самый слог Петрарки сообразно с предметами изменяется: важность мыслей в "Триумфе" Смерти и Божества дают слогу особенную силу, возвышенность и краткость. Часто два или три слова заключают в себе мысль или глубоко чувство. Ода, в которой поэт обращается к Риензи (так полагает Вольтер, а другие критики утверждают, что сия ода писана не к Риензи, а к Колонне), сия ода, в которой он умоляет народного трибуна священными именами Сципионов и Брутов расторгнуть оковы Рима и поставить его на древнюю степень сияния и славы, напоминает нам прекрасные оды Горация. Она исполнена древнего вкуса и того величия, которое италиянцы, чувствительные ко всему изящному, называют Grandiose в поэзии, в ваянии, в живописи, во всех искусствах. Рим был страстию Петрарки. Он не мог простить папе перенесение трона в Авиньон, и вот в каких словах изливает свое негодование перед защитником прав народных; вот каким образом взывает к воскресителю столицы мира: "Сии древние стены, пред коими мир благоговеет и смертные страшатся, когда обращают вспять взоры на давно минувшие веки, сии камни надгробные, под коими истлевает прах великих людей, славных даже до разрушения мира: все сии развалины древнего величия надеются воскреснуть тобою. – О великие Сципионы! о верный Брут! с какою радостью познаете вы благодеяние нового героя! с каким веселием и ты, Фабриций, узнаешь весть сию! Ты скажешь: мой Рим еще будет прекрасен!" Надежды Петрарки не сбылись. Но любители изящной поэзии знают наизусть прекрасные стихи любовника Лауры, обожателя древнего Рима и древней свободы. Ни любовь, ни мелкие выгоды самолюбия, ни опасность говорить истину в смутные времена междуусобия – ничто не могло ослабить в нем любви к Риму, к древнему отечеству добродетелей и муз, ему драгоценных: ибо ничто не могло потушить любви к изящному и к истине в его сердце. Узнав неистовые поступки Риензи, с чистосердечною гордостью, достойною лучших времен Рима, Петрарка писал к нему: "Я хотел прославить тебя; страшись теперь, чтобы я не превратил моей похвалы в жестокую сатиру!" Но все угрозы и советы Петрарки были напрасны. Свобода, дарованная Риму исступленным трибуном, походила на свободу Робеспьерову: началась убийствами, кончилась тиранством. Все знают, что Петрарка воспользовался песнями сицилийских поэтов и трубадуров счастливого Прованса, которые много заняли у мавров, народа образованного, гостеприимного, учтивого, ученого и одаренного самым блестящим воображением. От них он заимствовал игру слов, изысканные выражения, отвлеченные мысли и, наконец, излишнее употребление аллегории; но сии самые недостатки дают какую-то особенную оригинальность его сонетам и прелесть чудесную его неподражаемым одам, которые ни на какой язык перевести невозможно. Слога нельзя присвоить, говорит Бюффон, сей исполин в искусстве писать: и особенно слога Петрарки. – Любовь к цветам господствовала на Востоке. До сих пор арабские и персидские стихотворцы беспрестанно сравнивают красоту с цветами и цветы с красотою. Цветы играют большую роль у любовников на Востоке. Рождающаяся любовь, ревность, надежда, одним словом, вся суетная и прелестная история любви изъясняется посредством цветов. Трубадуры также любили воспевать цветы, а за ними и Петрарка. Желаете ли видеть, каким образом он воспользовался цветами? Еще раз повторяю: я удерживаю одну тень слога живого, исполненного неги, гармонии и этого сердечного излияния, которое только можно чувствовать, а не описывать. Кстати о цветах: слог Петрарки можно сравнить с сим чувствительным цветком, который вянет от прикосновения. "Если глаза мои остановятся на розах белых и пурпуровых, собранных в золотом сосуде рукою прелестной девицы, тогда мне кажется, что вижу лицо той, которая все чудеса природы собою затмевает. Я вижу белокурые локоны ее, по лилейной шее развешенные, белизною и самое молоко затмеваящей; я вижу сии ланиты, сладостным и тихим румянцем горящие! Но когда легкое дыхание зефира начинает колебать на долине цветочки желтые и белые, тогда вспоминаю неволью и место, и

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
первый день, в который увидел Лауру с развеянными волосами по воздуху, и вспоминая с горестию начало моей пламенной страсти". Таким образом, цветки в поле, закат солнца, водопад, шумящий в уединенной роще, малейшее обстоятельство в природе напоминали Петрарке красоту, вечно любезную его сердцу. Путешествие стихотворца чрез леса Арденнские или чрез Альпы, прогулка Лауры в лодке по озеру или обряды набожности, ею совершенные при наступлении какого-нибудь праздника, – все служило поводом к сонету или новой оде; ни одно чувство, ни одно духовное наслаждение, ни одно огорчение не было утрачено для муз. Сие смешение глубокой чувствительности и набожности чистосердечной с тонким познанием света и людей, с обширными сведениями в истории народов, – сии следы и воспоминания классических красот древних авторов, рассеянные посреди блестящих и романических вымыслов сицилийских поэтов, наконец, сей очаровательный язык тосканский, исполненный величия, сладости и гармонии неизъяснимой, сие счастливое сочетание любви, религии, учености, философии, глубокомыслия и суетности любовника – все это вместе в стихах Петрарки представляет чтение усладительное и совершенно новое для любителя словесности. Надобно предаться своему сердцу, любить изящное, любить тишину души, возвышенные мысли и чувства, одним словом, любить сладостный язык муз, чтобы чувствовать вполне красоту сих волшебных песней, которые предали потомству имена Петрарки и Лауры. Мы знали людей, которые смотрели холодными глазами на Аполлона Бельведерского; мы знали людей, которые никогда не трепетали от восхищения при чтении стихов Державина; и мы не удивляемся, что есть писатели, для которых слагатель мадригалов Дорат и Петрарка – одно и то же. Часто умные люди отказывали ему в уважении! Ум нередко бывает тупой судия произведений сердца. Но для тех, которые любили хотя один раз в жизни, стоит только назвать Петрарку: они знают ему цену и чувствуют вполне прелесть поэзии, которая не раз отзывалась в их сердце. II cantar che nell'anima si sente! [] [Пение, которое в душе чувствуется! (ит.)]

ПРИМЕЧАНИЕ

Я сделал открытие в итальянской словесности, к которому меня не руководствовали иностранные писатели, по крайней мере те, кои мне более известны. Я нашел многие места и целые стихи Петрарки в "Освобожденном Иерусалиме". Такого рода похищения доказывают уважение и любовь Тасса к Петрарке. Мудрено ли? Петрарка был его предшественником; он и Данте открыли новое поле словесности своим соотечественникам; беспрестанное чтение сих образцов, особенно певца Лауры, столь близкого сердцу чувствительного певца Танкреда и Эрминии, – это чтение врезало в память его многие стихи и выражения, которые он невольным образом повторял в своей поэме. Кто не знает прелестной оды: "Chiare, fresche e dolci acque" [] [Светлые, свежие и сладкие воды (ит.)], которой Вольтер подражал столь удачно, и неподражаемого эпизода Эрминии в VII песни "Освобожденного Иерусалима"? Нет сомнения, что Тасс имел в памяти стихи Петрарки, которые можно назвать сокровищем итальянской поэзии. Любовник Лауры обращается к Триаде, источнику окрестностей Авиньона [] [А не в Воклюзе, как полагали некоторые писатели.], которого воды прохладжали красавицу. На благовонных берегах его, освященных некогда присутствием единственной для него женщины ("che sola a me par donna"), он желает, чтобы покоились его остатки. "Может быть, – говорит он, – может быть, там, где увидела меня в благословенный день первого свидания, там любопытный взор ее будет меня искать снова и – увы! – прах один найдет, прах, между камней рассеянный" и пр. – От сих унылых мыслей поэт переходит снова к роскошному описанию Лауры, оставляющей студеным источником; облако цветов рассыпалось на красавицу – "ed ella si sedea umile in tanta gloria" [] [И она сидела кроткая в тихой славе (ит.)]. Древность не производила ничего подобного. Самое рождение Венеры из пены морской и пришествие ее на землю, которая затрепетала от сладострастия, почувствовав прикосновение богини, не столько пленяет воображение. – Но перейдем к Тассу. – у него Эрминия, нашед убежище у пастырей, оплакивает вечную разлуку с Танкредом. Дочь царей, покрытая рубищем, но и в рубище прелестная и величественная, начертывает имя Танкреда на коре древних дубов и вязов и с ним всю печальную повесть любви своей. Сто раз перечитывает ее и, проливая слезы, обращается к рошам, немым свидетелям ее тоски: "Сокройте, сокройте в себе мою тайну, дружественные рощи! Может быть, верный любовник, когда-нибудь привлеченный прохладой теней ваших, с сожалением прочтает мои печальные приключения и, тронутый до глубины сердца, скажет: "Счастье и любовь неблагодарно-стию воздали за толикие страдания и за примерную верность! Может быть – если небо внимает благосклонно усерднейшим молениям смертных, – может быть, в сии пустыни зайдет случайно и тот, который ко мне столько равнодушен, и, обращая взоры на то место, где будут покоиться мои бренные остатки, поздние слезы прольет в награду за мои страдания и верность". Теперь увидим похищения. В оде, которая начинается: "Nella sta-gion

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
che l ciel rapido inchina" etc. [] [То время года, когда небо быстро наклоняет (ит.)], Петрарка описывает пастушку, которая при закате солнца спешит в сельское убежище и там забывает усталость:

La noja e'l mal della passata vita [] [Тоску и боль прошедшей жизни (ит.)]. Тасс в III песни "Иерусалима", воспевая торжественное пришествие крестовых воинов к священному граду, сравнивает их с мореплавателями, которые, открыв желанный берег, после бурь и трудов забывают опасности минувшие: La noja e'l mal della passata vita.

В сонете "Zefiro torna e'l bel tempo rimena" etc. [] [Зефир возвращается и приводит прекрасное время года (ит.)]. Петрарка говорит, что весна все оживляет, поля улыбаются, небо светлеет; Зевес с радостью взирает на Киприду, милую дочь свою; воздух, вода и земля дышат любовью:

Ogni animal d'amar si riconsiglia.

И у Тасса мы находим этот стих в садах Армиды:

Raddopian le colombe i baci loro, Ogni animal d'amar si riconsiglia [Удваивают голубки свои поцелуи, // Каждое животное любить вновь располагает (ит.)].

Есть и другие похищения; но я не могу их теперь привести на память.

XIII

ГРИЗЕЛЬДА

Повесть из Боккаччо

В давние времена старшим в роде маркизов Салуцких оставался, по смерти родственников своих, молодой Гвальтиери. Целые дни он проводил на соковой и соколиной охоте, был не женат, бездетен и вовсе не помышлял о супружестве. Впрочем, он был довольно благоразумен и особенно слыл таковым у женщин. Но это благоразумие не нравилось его подданным: они часто упрашивали его вступить в союз брачный. "Вам нужен наследник, а нам господин", - говорили добрые люди. Многие из них вызывались сыскать невесту от честного отца и матери, невесту, которая подавала бы о себе лестную надежду и со временем сделала его счастливейшим супругом. "Друзья мои, - отвечал им Гвальтиери, - вы принуждаете меня приступить к тому, что мне никогда не нравилось, на что я никогда не хотел решиться. Я знаю, как трудно сыскать женщину нам по сердцу и нравам и душою; знаю, что худой выбор делает несчастье целой жизни. Вы говорите, что можно положиться на доброту родителей и по нраву их судить о нраве дочери; вы заблуждаетесь, друзья мои! Как узнать совершенно отца? Как узнать тайные поступки матери? И, если бы отец и мать были люди совершенно честные, то кто, скажите мне, поручится, что дети их будут на них похожи? Если же хотите, чтобы я непременно носил узы брачные и был доволен моим состоянием (по крайней мере, на себя одного жаловался в случае неудачи), то предоставьте мне самому сделать выбор. Если супруга моя не будет достойна вашей любви и уважения, я почту себя совершенно счастливым, что уступил просьбам вашим". Подданные отвечали, что на все согласны; только бы он не замедлил вступить в желанное ими супружество. С давнего времени маркизу нравилась девушка, очень бедная. Она жила в соседстве его замка, в совершенном уединении; была довольно миловидна, и странному маркизу показалось, что он найдет с нею счастье. Отложив все поиски и расспросы, он решился без дальних размышлений предложить ей свою руку. Призвал отца ее - беднейшего из бедняков - и с ним ударил по рукам. Все дело приведено к концу, и Гвальтиери, созвав приятелей своих и подданных, сказал им: "Друзья! Вы желали, чтобы я женился; исполняю желание ваше, более в угождение вам, нежели себе. Вы обещали почитать супругу мою, каков бы ни был мой выбор: я сдержал мое слово - сдержите ваше. Объявляю вам, что здесь, в соседстве, нашел я себе невесту, обручусь с нею немедленно и введу ее в мой замок. Вы, с своей стороны, приготовьте богатый пир свадебный; придумайте, как лучше и достойнее принять супругу вашего владельца: одним словом, устройте все так, чтобы я был доволен вами, как вы моим выбором". - Все в один голос отвечали, что выбор его будет им по сердцу, что они будут любить и уважать его супругу, каково бы она ни была происхождения. - И весь дом засуетился: начали готовить великолепный пир свадебный. Гвальтиери пригласил множество приятелей, соседей и родственников: у богатых за друзьями дела не станет. Наконец призывает к себе горничную девушку, росту одинакого с будущей невестою, и велит кроить по ней платье пышное и уборы великолепные. Кроме того, приготовлено всякой всячины; множество поясов богатых, колец изумрудных, серег яхонтовых и венеч брачный: одним словом, все, что нужно для молодой. Настал условный день, и маркиз, приведя все дела в порядок, сел на коня и сказал приближенным: "Государь мои, пора нам отправиться за невестою". И все поскакали веселою вереницею в то селение, где жил отец нареченной. Она стояла у колодца и спешила вытаскивать ведро, надеясь с подругами идти навстречу маркизовой свадьбе, которая приближалась ближе и ближе к селу. Гвальтиери называет ее по имени, Гризельдою, потом спрашивает: "Где отец твой?" - "Дома", - отвечала она и покраснелась, как алый мак. Гвальтиери слезает с коня,

приказывает толпе ожидать себя на улице, а сам идет прямо в низкую хижину бедного Жианукола. "Я приехала за Гризельдою, но, прежде всего, хочу поговорить с нею в твоём присутствии. Нравлюсь ли я? Если так, то будет ли она во всю жизнь угождать мужу своему, никогда не огорчаться поступками его и повиноваться малейшей воле его?" Гризельда, потупя глаза, отвечала: "Буду, без сомнения!" Гвальтиери, довольный ответом, берет ее за руку и при всей толпе провожатых и челяди своей раздевает и наряжает в великолепные брачные одежды, а на волосы, которые одна природа до сих пор убирала, торжественно надевает венец брачный. Все удивились. "Друзья, - отвечал он, - вот та девица, которую желаю иметь супругою, та, которая согласна жить и умереть со мною". Потом, оборотясь к Гризельде (а она от стыда и радости света божия не видела): "Правду ли я говорю, Гризельда? желаешь ли ты быть моею женою?" - "Желаю, государь". Дело сделано, и обряд к концу. По выходе из церкви посадили ее на богатого коня и с великою честью проводили в замок. Пир был истинно великолепный, как будто маркиз сошелся с дочерью короля французского; а новобрачная, к удивлению всех, с нарядом переменяла нрав, поступь и душу. Мы сказали уже, что она была статного роста, пригожа и миловидна; а наряды еще более придали блеску красоте ее. Она так умела пленить каждого обхождением, учтивостию, сердечною добротою, что все забыли в ней дочь убогого Жианукола, пастушку овечек, и считали за дочь какого-нибудь знатного принца. Все, ее знавшие в первобытном состоянии, не могли надвинуться. Кротость ангельская, послушание чудесное делали мужа ее счастливейшим из всех мужей. Одним словом, с подчиненными и подданными она обходилась так ласково, тихо, милостиво и приветливо, что каждый полюбил ее, как душу. Все говорили заодно, даже и те, которые сей выбор сперва осуждали, что Гвальтиери поступил очень благоразумно, что он самый проникательный человек; ибо мог открыть под сельским бедным рубищем столько доброты, столько прелестных качеств! И не только в маркизстве Салуцком, но повсюду Гризельда умом и поведением оправдала странный поступок мужа своего. В течение первого года она обрадовала его рождением прелестной дочери. В замке по этому случаю был праздник великолепный, и по маркизу вздумалось испытать ангельский нрав и терпение супруги труднейшими, жесточайшими опытами. Сперва начал он оскорблять ее речами, потом, приняв на себя вид печальный и смущенный, сказал ей однажды, будто подданные его начинают роптать за то, что он избрал в супруги бедную девушку низкого состояния - а более еще потому, что она родила дочь, а не сына. Не изменяясь нимало ни в лице, ни в голосе: "Делай что хочешь, государь, - отвечала оскорбленная, - делай то, чего требует честь, польза и слава имени твоего. Я всем буду довольна; ибо не забываю, что была последнею из слуг твоих; не забываю и того, что ты для меня сделал - для меня, бедной девушки!" Такой ответ очень понравился маркизу. Но, несколько дней спустя, он объявил ей снова, что подданные его не могут более терпеть его дочери... и удалился. Вскоре является один из вернейших слуг его и со слезами на глазах начинает говорить: "Простите, государыня... но я под смертным страхом должен исполнить то, что мне приказал супруг ваш... Он велел мне взять младенца вашего, и..." И не мог сказать более. - Несчастливая мать, услыша сии несвязные речи, соображая их с тем, что говорил маркиз, вмиг на мрачном лице служителя прочитала участь невинного младенца; бросилась к колыбели, поца-ловала дочь свою, благословила с сердцем, исполненным жесточайшей горести, и, не изменяясь нимало в лице, вручила ее служителю. "Исполняй то, что предписал тебе господин наш; но, умоляю тебя, не отдавай ее на жертву диким зверям... если тебе это не предписано!" Служитель взял младенца на руки и скрылся. Гвальтиери, сведав от него, каким образом Гризельда исполнила строгое приказание, удивился ее твердости, но намерения своего не отложил. С верным служителем он немедленно отправил дочь свою в Болонию, к ближайшей родственнице своей, которую умолял дать ей воспитание отличное, но никому ни под каким видом не объявлять о ее рождении. В скором времени Гризельда снова сделалась матерью и даровала жизнь прекрасному мальчику. Отец, принимая на руки новорожденного, был вне себя от радости: но, не довольствуясь первым опытом, снова жесточайшим терзанием решил испытать сердце несчастной супруги своей. "Подданные мои, - сказал он однажды, - еще более оскорблены с тех пор, как ты утешила меня сыном; они с ужасом помышляют о том, что внук бедного пастуха - отца твоего - будет их господином. Если я не удалю тебя и не возьму другой жены, то они выгонят меня из областей моих". С терпением и покорностью Гризельда выслушала слова супруга своего. "Устройте все ко благу вашему; обо мне же не заботьтесь нимало, государь! В вашем счастье заключается мое благополучие". Через несколько дней Гвальтиери послал за новорожденным и велел сказать матери, что ему готовится одинакая участь с прежним младенцем; а сам тайно отправил его в Болонию к прежней родственнице. Великодушная Гризельда перенесла эту потерю с прежнею твердостью, без слез и роптания, и в глубине сердца своего утаила несказанную горесть матери. Гвальтиери удивился. "Нет! - повторял он сам себе, -

ни одна женщина не может сравниться с нею!" Подданные думали, что маркиз велел умертвить детей своих: все осуждали его поступок, называли его жестоким отцом и без жалости не могли смотреть на бедную мать. Женщины, ее окружавшие, часто плакали и сокрушались при ней об участи невинных малюток, и она всегда говорила им: "Не плачьте, милые подруги; вспомните, что так угодно было отцу их". Прошло несколько годов со времени рождения дочери. Маркиз задумал сделать последний опыт и объявил своим приближенным, что не хочет иметь супругою Гризельду, что он по молодости лет обручился с нею; наконец, признался, что поступил очень безрассудно, а чтобы загладить проступок свой, решается просить папу о разводе и позволении обручиться с другою. Все осуждали намерение маркиза, но он был непоколебим. Гризельда вскоре об этом услышала. Возвратиться в бедный дом отца своего, снова сделаться пастушкой овец, видеть супруга своего, до сих пор страстно обожаемого, в объятиях другой жены... все это терзало, раздирало ее душу. Но она решила перенести последние удары судьбы с прежнею твердостью, с прежним великодушием. Вскоре прибыло из Рима разрешение папы (оно было подложное), и маркиз его обнародовал. Призывают Гризельду, и в присутствии многочисленной толпы жестокосердый Гвальтиери говорит ей: "Вот разрешение папы на другой брак. Я должен отвергнуть тебя. Ты знаешь, что многие из подданных моих дворян - знатные и сильные владельцы; они сами имеют своих подданных; а твои родители всегда были землепашцами... Тебе нельзя быть супругою маркиза Салуцкого! Возвращаю тебе приданое твое и тебя - отцу твоему: я избрал себе другую в супруги". Гризельда превозмогла всю горечь оскорбленной женщины и, слиясь удержать слезы и рыдания, сказала голосом довольно твердым: "Я помню мое низкое происхождение, неприличное вашему знатному роду; помню, что по милости бога и вашей, государь, я была возведена на столь высокую степень и что все мое счастье было временное! Мое дело повиноваться слепо воле господина моего. Вот обручальное кольцо: возьмите его; но позвольте мне возвратиться к отцу моему в той одежде, в которой прибыла я в замок. Вам нечего возвращать мне: ни золота, ни серебра, никаких сокровищ я не принесла в приданое; вы взяли меня нагую, и, если мать детей ваших должна нагая возвратиться к престарелому отцу своему, - то она исполнит волю вашу. Но именем любви и непорочности заклинаю вас, государь, дайте, ах! дайте мне хотя одно покрывало... последнюю защиту стыдливости". Гвальтиери, почти тронутый до слез, старался сохранить суровый и строгий вид. "Согласен на покрывало, - сказал он, - но... более ничего!" Все приближенные умоляли его дать ей по крайней мере одно платье. "Как? - говорили они, - супруга Маркиза Салуцкого, наша старая госпожа, явится полуобнаженною посреди улицы, как нищая, как преступница, как самая последняя из женщин!.." Напрасные просьбы! - Полуобнаженная, без обуви, без покрывала на голове, с распущенными волосами, заливаясь горькими слезами, она вышла из замка и, сопровождаемая рыданиями слуг и женщин, с зардевшимися от слез глазами явилась к несчастному отцу. Жиануколо никогда не хотел верить, что дочь его останется маркизою; он с трепетом ожидал судьбы, ее постигшей, и свято сохранил рубища, оставленные ею в бедном быту его. С слезами возвращает их дочери. Она, великодушная до конца, презирая судьбу, несправедливую и жестокую, спокойно принимается за прежние труды сельские в доме отеческом. Между тем маркиз немедленно объявляет, что сватает за себя дочь славного графа Панагского, приготовляет великое торжество и посылает за Гризельдою. "Скоро будет в замок моя невеста, - говорит ей Гвальтиери, - я желаю принять ее с великими почестями. Ты знаешь, что в замке ни одна женщина, кроме тебя, не умеет убирать покоев и учреждать порядка, для великого торжества приличного. На тебя возлагаю эту обязанность. Учреждай, повелевай всем: пригласи заблаговременно женщин, каких тебе угодно; угощай, принимай их как хозяйка и потом - можешь возвратиться в свою хижину". Каждое слово, как острая игла, кололо чувствительное сердце Гризельды; ибо она не преставала обожать неблагодарного супруга. "Я на все готова", - отвечала страдалница; и в сельском рубище прежняя повелительница замка начала убирать покои, расставлять по залам креслы, расстилать ковры узорчатые, готовить стол и все, что было потребно, - как будто бы она была простая служанка или ключница. Одним словом, она рук не опускала, пока все не было кончено и распорядлено от важной вещи до последней безделки. Гости приглашены, все готово в ожидании веселого пира. И вот настает день свадебный. Гризельда в рубище, но с лицом веселым и приветливым угощает наехавших жен и девиц боярских, как добрая, домовитая хозяйка. Гвальтиери тайно посылает в Болонию к супругу родственницы своей графини Панагской, у которого в доме воспитывались его дети; приглашает его в замок свой с тем, чтобы он и графиня привезли с собою детей его и множество гостей почетных, но никому не объявляли о его намерении. Дочери маркизовой минуло двенадцать лет: она была красотой чудесной, а шестилетний брат ее походил на нее совершенно. Граф Панагский, окруженный бесчисленною толпою гостей почетных, с сими прелестными детьми пустился в путь и чрез несколько дней

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

прибыл благополучно в Салуццо, где собрались все жители деревень, сел и городов соседних: все ожидали с нетерпением нареченной невесты. Приемная зала открылась, и невесту встретили с чрезвычайными почестями и церемониями. Гризельда вышла навстречу и, поклонясь ей низко, примолвила: "Добро пожаловать, государыня!" Все барыни и девицы, идя к столу, упрашивали маркиза удалить прежнюю жену, или, по крайней мере, дать ей приличное платье. Маркиз не согласился. В столовой взоры всех обратились на невесту: все превозносили ее до небес, а иные шептали друг другу: "Маркиз наш сделал выгодный обмен!" Сама Гризельда стояла как очарованная и невольно дивилась красоте девушки и малолетнего брата. Наконец желания маркизовы были удовлетворены в полной мере. Он испытал всю силу терпения Гризельды; он уверился, что ничто, никакое испытание не может поколебать сей твердой души; что вперед может положить на нее всю надежду свою. Он решился облегчить свинцовое бремя печали, которую она силится таить во глубине сердца своего. Но проницательный супруг легко угадывал ее грусть на лице, в самом гоlose. При всем собрании гостей велит он ей приблизиться и с колкою улыбкою повторяет: "Понравилась ли тебе моя невеста?" "Ах, как не понравиться, - отвечала Гризельда, - и если она столько же благоразумна, сколько пригожа, то вы будете счастливейшим супругом. Но.. умоляю вас, государь, не терзайте ее, как прежнюю жену: она не перенесет таких мучений. Прежняя супруга ваша от самой юности была знакома с горем и трудами, а эта, вы сами видите, как еще млада и как нежно воспитана". Гвальтиери с радостью заметил, что Гризельда находилась в обмане и нимало не изменялась в доброте сердечной, подвинул стул и посадил ее возле себя. Она затрепетала. "Гризельда, - сказал маркиз по некотором молчании, - пора тебе собрать плоды терпения твоего; пора открыть глаза тем, которые полагали, что я жесток и неправосуден. Я достиг моей цели: я научил тебя нести тяжелый крест супружества и быть во всем примерною женою; подданных научил уважать твои редкие качества и вперед не нарушать нашего покоя. Вот вся цель моих испытаний. В награду за любовь твою, которую ты мне доказала и словом и делом, бесценная Гризельда! в награду за счастье мое, которого ты была и будешь единственною винощицею, я отдаю все, что похитил у тебя, и все раны сердца одним словом исцеляю навеки. Вручаю ту, которую ты называла моею невестою, вручаю брата ее.. они твои - они дети наши, а я снова твой супруг, счастливейший из смертных!" Маркиз, обняв ее с восхищением, целовал с необыкновенною нежностью и, растроганную, утопающую в слезах, повел к удивленной дочери: все были в удивлении неопisanном. Женщины в радости подхватили Гризельду под руки и повели в особенную комнату, сняли рубище, надели великолепное платье и торжественно проводили в залу. Начался пир веселый. Все были в радости. Каждый выхвлял маркиза, называл его мудрым, проницательным, а Гризельду до небес превозносили. Наконец и гости разъехались. Послали за бедным Жиануколом. Он был принят в замке с почестями и уважением, как тесть богатого владельца, и в объятиях дочери своей кончил счастливую старость. Маркиз не переставал обожать свою Гризельду и был, конечно, счастливейшим супруг и отец во всей Италии. Теперь вы согласитесь со мною, друзья мои, что в хижине мы чаще встречаем небесные дарования, то есть добродетель, честность и терпение, нежели в палатах и теремах великолепных. Часто в лачуге таится тот, кто бы достоин был сиять в короне и повелевать людьми; а в палатах.. но оставим это! Спрашиваю только, кто сравняется в терпении с Гризельдою? Кто, подобно ей, перенесет с лицом спокойным, даже веселым, жесточайшие, неслыханные испытания, каким подвергнул ее Гвальтиери?..

XIV

О ЛУЧШИХ СВОЙСТВАХ СЕРДЦА

Масье, воспитанник Сикаров, на вопрос: "что есть благодарность?" - отвечал: "Память сердца". Прекрасный ответ, который еще более делает чести сердцу, нежели уму глухонемого философа. Эта память сердца есть лучшая добродетель человека, и не столь редка, как полагают некоторые строгие наблюдатели. "Человек добр по природе", - кричал женеvский мизантроп - и клеветал общество, следовательно, клеветал человека; ибо он создан жить в обществе, как муравей, как пчела: все его добродетели относительно к ближнему и отвлеченно от оногo существовать не могут, как рука, отделенная от тела. "Человек есть создание злое", - говорят другие моралисты и приводят множество свидетельств о разврате и злобе сердца нашего; но я не верю им и не могу верить, чтобы общество походило на скопище свирепых зверей. Живут ли тигры вместе? Строят ли города? Нет. Ясное доказательство, что злоба не связывает, но разлучает. Кто живет в обществе? Незлобные создания: голубь, муравей, бобр, умный слон, и каждое из сих созданий имеет какое-нибудь качество, которое украшает человека и есть одно из незыблемых оснований общежительности. Первый наш долг: благодарность к Творцу. Но для исполнения его надобно начать с людей. Провидению угодно было связать чрез общество все наши отношения к небу. Быть виновником бытия не есть достоинство перед богом и людьми; но принять младенца из рук матери в минуту его рождения,

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

от колыбели до зрелых лет служить ему защитой и опорой, передать ему в наследие имя, звание, сокровища, землю, праотцами возделанную: вот обязанность отца. Благодарность есть обязанность детей. На подобных взаимных обязанностях основано все благосостояние общества. Все основания его суть добро, и чем более добра, тем тверже его основание, ибо одно добро имеет здесь прочность и постоянность. Зло есть насильственное состояние. Под шумом ли бури или при сладостном сиянии солнца зреют нивы? Как сила плодородия имеет свое основание в теплоте, так сила гражданственности основана на добре. Многие умы наблюдали человека в одном тесном КРУГУ, в котором действовали сами. Ларошфуко, остроумнейший из писателей остроумного века, основал мораль свою на подобных наблюдениях. Но я спрашиваю: если бы натуроиспытатель глядел на муравья во время его странствования за былинкою или за зерном, наблюдал его ссоры с товарищами, а забыл заглянуть в огромное гнездо, где все имеет вид порядка, стройности, где все части относятся совершенно одна к другой и составляют прекрасное целое, то какое произнес бы он суждение о трудолюбивом насекомом? Вот, что сделал Ларошфуко, говоря о человеке и наблюдая за ним в прихожей Тюльерийского замка. Но прихожая не есть вселенная, и человек придворный не есть лучший из людей. Впрочем, меня никто не уверит, чтобы чувство благодарности было следствием нашего эгоизма, и я не могу постигнуть добродетели, основанной на исключительной любви к самому себе. Напротив того, добродетель есть пожертвование добровольное какой-нибудь выгоды; она есть отречение от самого себя. Есть добродетели, уму принадлежащие, другие - сердцу; благодарность, лучшая из наших добродетелей, или, вернее, отголосок многих душевных качеств, принадлежит сердцу. "Ты мне сделал добро: следовательно, я тебя люблю" - так говорит благородное сердце. Эгоист иначе: "Ты мне сделал добро; но будешь ли мне делать добро и впредь? добро, тобою сделанное, не требует ли жертвований с моей стороны?" Вот слова эгоиста; они совершенно противны благодарности, которая тем прелестнее, тем святее, чем менее рассуждает, чем менее торгуется с пользою личною и более предается одному сердечному движению. Сердца, одаренные глубокою или раздражительною чувствительностию, часто не знают середины; для них все есть зло и добро: видят совершенный порядок в обществе - или отсутствие оного - скорее последнее. - Чувствительный человек, страдавший в течение всей жизни, делается наконец мизантропом и убегает в дремучие леса от взоров людей неблагодарных. Там возносит он клеветы на все человечество, оскорбившее его сердце, и в гневе своем забывает, что он сам есть человек, то есть создание слабое, доброе, злое и нерассудительное; луч божества, заключенный в прахе; существо, порабощенное всем стихиям, всем изменениям нравственным и физическим. Но пусть мизантроп приведет себе на память всю жизнь свою от колыбельных дней до той страшной эпохи, когда сердце его воскликнуло в гневе: "человек зол, и люди подобны тиграм!" - пусть приведет он на память и младенчество, и юношество, и зрелый возраст, в котором воля и рассудок начинали заглушать голос страстей; пусть он спросит себя: "Или я не нашел добрых и честных людей в течение целой жизни? Или я лучше и добрее всех людей, имею все добродетели и все качества, и чужд страстей, и чужд всего низкого и порочного?" - "Нет, - скажет ему рассудок и опыт, - и ты человек, и ты заплатил человечеству дань пороков, слабости и страстей; ты не ангел, ты и не чудовище". Опыт и рассудок показывают нам редкие добродетели, и часто в сердце порочном наблюдатель чудес нравственных с неизъяснимою радостью открывает яркие лучи душевной доблести: великодушие, сострадание, презрение к корысти и тысячу прелестных качеств, которые примиряют его с порочным и с небом, создавшим человека не для одних преступлений. Кто из нас, отложив все предрассудки и все предубеждения, не сосчитает несколько примерных людей, утешивших собою человечество? Не станем искать героев добродетели в истории; поищем их вокруг себя - и найдем, конечно! Курций бросился в пропасть, но Рим на него смотрел. Леонид обрекает себя смерти, но все отечество (и какое отечество? Спарта!) об нем в страхе и надежде. Долгорукий раздирает роковую бумагу в присутствии разгневанного монарха; но он совершает подвиг свой в сенате, окруженный великими людьми, достойными его и первого владыки в мире. Прекрасные подвиги, достойные подражания и слез удивления - недокупных, сладостных, божественных слез! - Теперь спрашиваю: если мы удивляемся великим делам на великом поприще, если веруем добродетели, твердости душевной, бескорыстию в великих обстоятельствах, то почему не веровать им в малых? Добродетель под спудом не есть ли добродетель? Бедный, который делится последними крохами с нищим; сестра милосердия, в душной больнице стоящая с сосудом врачевания при ложе врага ее отечества; смелый и человеколюбивый врач, испытующий свое искусство и терпение в дальней хижине дровосека, без свидетелей своего доброго дела, кроме одного в небесах и другого в груди своей, - все эти люди, обреченные забвению, не суть ли добродетельные люди? И тот, кто беспристрастно рукою начертывает имена их в книге судеб, не напишет ли их наряду с именами Говарда, Лас Казаса, - Еропкина и других людей,

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

которых добродетель и человечество называют своими. Монтань заметил справедливо, что лучшие подвиги храбрости теряются в неизвестности: один похищает знамя, - имя его гремит в рядах; но сотни неустрашимых погибли перед ним и кругом его... Перенесите сей порядок в мир нравственный. Лас Казас спасает любезных своих американцев от рабства, - он бессмертен. Бедный миссионер в снегах канадских бродит из шалаша в шалаш, из степи в степь; окруженный смертью, проповедует бога и утешает страждущих: каких? Семейю дикого или изгнанника, живущего на неизвестном берегу безыменной реки или озера. Сей смиренный воин Христа не есть ли великий человек в полном нравственном смысле? Но к чему нам переноситься в дальние страны? Здесь, кругом нас, кто не испытал, что есть добрые люди, что в обществе есть добродетели редкие, посреди страстей, посреди разврата и роскоши: одно злое сердце может в них сомневаться; одно жестокое сердце не находило сердец нежных. И в странах отдаленных, и в дебрях, незнакомых взорам человека, роятся цветы: на диких берегах Амура, среди мхов и болот выходит прелестный цветок, до сих пор неизвестный любопытному испытателю природы; медленно распускается он под кротким веянием летнего ветерка; наконец, украшение пустыни, цветок увядает: в пустынном воздухе теряя запах свой!

Но семена его, падая на землю, расцветают с первою весною в новой красоте, в новом убранстве. Вот истинная эмблема сей добродетели, не известной человекам, но не потерянной для человечества; ибо ничто доброе здесь не теряется, подобно как ни одна былинка в природе: все имеет свою цель, свое назначение; все принадлежит к вечному и пространному чертежу и входит в состав целого в нравственном мире. В роскошном Париже, в многолюдном Лондоне и Пекине та же самая сумма или то же количество добра и зла, по мере пространства, какое и в юртах кочующих народов Сибири или в землянках лапландцев. Добродетельный старец (Мальзерб) защищает монарха, покинутого друзьями, родственниками, дворянством, целым народом; он защищает его под лезвием мечей, при проклятии озлобленных тиранов (но в виду вселенной и, так сказать, в присутствии потомства). В ту же самую минуту - сделаем сие предположение - лапландец пробегает на лыжах необъятное пространство в трескучий мороз, посреди ужасной вьюги: зачем? Чтобы принести несколько пищи бедному семейству друга своего, утешить большую вдовицу и спасти от явной смерти грудного младенца. Мальзерб и лапландец равны перед тем, кто их создал, равны перед лицом добродетели и правосудия небесного: оба жертвуют жизнью для доброго дела. XV

НЕЧТО О МОРАЛИ,

основанной на философии и религии

Есть необыкновенная эпоха в жизни; иные ранее, другие позже испытали мучение и сладость, ей особенно свойственные. Я хочу говорить о том времени, в которое человек, посредством опыта и страстей, получает новое нравственное существование; когда, разодрав завесу сомнений, он открывает новое поприще, становится на новый рубеж, озирает с него протекшее и будущее, сравнивает одно с другим и решается протекать остальное поприще жизни с светильником веры или мудрости, оставляя за собою предрассудки легкомыслия, суетные надежды и толпу блестящих призраков юности. Скоро и невозвратно исчезает юность, это время, в которое человек, по счастливому выражению Кантемира, еще новый житель мира сего, с любопытством обращает взоры на природу, на общество и требует одних сильных ощущений; он с жаждою пьет тогда в источнике жизни, и ничто не может утолить сей жажды: нет границы наслаждениям, нет меры требованиям души, новой, исполненной силы и не ослабленной ни опытностью, ни трудами жизни. Тогда все делается страстию, и самое чтение. Счастлив тот, кто найдет наставника опытного в оное опасное время, наставника, коего попечительная рука отклонит от порочного и суетного; счастлив тот еще более, кто сердце спасет от заблуждений рассудка: ибо в юности сердце есть лучшая порука за рассудок. Одна опытность дает рассудку и силу, и деятельность. Во время юности и огненных страстей каждая книга увлекает, каждая система принимается за истину, и читатель, не руководимый разумом, подобно гражданину в бурные времена безначалия, переходит то на одну, то на другую сторону. - Сомнение не существует и не может существовать; ибо оно уже есть следствие сравнения, для которого нужны понятия, целый запас воспоминаний. Те моралисты, которые говорят сердцу, одному сердцу; те политики, которые нападают софизмами на все предрассудки без изъятия и поражают зло стрелами сатиры или палицею железного человека [] [Смотри мечтания Мерсье под названием: "L'an 2440".], невзирая ни на лица, ни на условия и законы общества, суть самые опаснейшие. Блеск остроумия исчезает; одно убедительное красноречие страстей, им возбуждающее их, оставляет в сердце сии глубокие следы, часто неизгладимые [] [Вот почему чтение Вольтера менее развратило умов, нежели пламенные мечтания и блестящие софизмы Руссо: один говорит беспреестанно уму, другой сердцу; один угождает суетности и скоро утомляет остроумием; другой никогда не может наскучить, ибо всегда пленяет, всегда убеждает или трогает: он во сто раз

опаснее.] Но время чтения исчезает; ибо пресыщенное любопытство утомляется. За сим следует непосредственно эпоха сомнений. Сомнение мучительно; оно есть необыкновенное состояние души и продолжительно не бывает. Надобно решиться мыслящему человеку принять светильник мудрости (той или другой школы); надобно запастись мудростию человеческою или небесными утешениями, ибо он видит, он чувствует, что для самой ограниченной деятельности в обществе надлежит иметь несколько постоянных нравственных истин в опору своей слабости. К несчастью, - или к счастью, может быть, ибо кто изведал все пути промысла? - мы живем в печальном веке, в котором человеческая мудрость недостаточна для обыкновенного круга деятельности самого простого гражданина; ибо какая мудрость может утешить несчастного в сии плачевные времена и какое благородное сердце, чувствительное и доброе, станет довольствоваться сухими правилами философии или захочет искать грубых земных наслаждений посреди ужасных развалин столиц, посреди развалин еще ужаснейших - всеобщего порядка и посреди страданий всего человечества во всем просвещенном мире? Какая мудрость в силах дать постоянные мысли гражданину, когда зло торжествует над невинностию и правотою? Как мудрости не обмануться в своих математических расчетах (ибо всякая мудрость человеческая основана на расчетах), когда все ее замыслы сами себя уничтожают? К чему прибегает ум, требующий опоры? К каким постоянным правилам или расколам древней или новой философии? По какой системе расположить свои поступки, связанные столь тесно с ходом идей политических, превратных и шатких? И что успокоит его? Какие светские моралисты внушат сию надежду, сие мужество и постоянство для настоящего времени, столь печального; для будущего, столь грозного? Ни один, смело отвечаю: ибо вся мудрость человеческая принадлежит веку, обстоятельствам. Она подобна тем нежным растениям, которые прозябают, цветут и украшаются плодами под природным небом; но в земле чуждой, окруженные несвойственными растениями, при веянии малейшего ветерка, скудеют листьями и вянут беспрестанно. Слабость человеческая неизлечима, вопреки стоикам, и все произведения ума его носят отпечаток оной. Признаемся, что смертному нужна мораль, основанная на небесном откровении, ибо она единственно может быть полезна во все времена и при всех случаях: она есть щит и копье доброго человека, которые не ржавеют от времени. И к чему все опыты мудрости человеческой? К чему советы и наблюдения зоркого разума? Достаточны ли они для человечества вообще и для человека частно во время его странствования по бурному морю жизни? К чему, например, сельскому жителю вся мудрость и опытность Дюкло? К чему тонкие замечания Аарошфуко, которого книга, по словам и самих светских людей, сушит сердце? К чему все эти истины, основанные на ложных понятиях? Ибо для мудрецов сих и дружба, и любовь, и чувство сына к отцу, и нежнейшее чувство матери к своему рождению: одним словом, благодарность, бескорыстие и все, что человечество имеет драгоценного, прекрасного, великого, все позывы великой души, все невольные движения и тайные пожертвования благородного сердца, - все есть следствие корысти. Другие светские моралисты повторяли одни и те же мысли или (например, Гельвеции) давали им обширнейшее распространение, но вечно ложное [*] [число понятий моральных и политических, - говорит Ансильон, - весьма ограничено; вообще мало понятий в обращении. Каждое поколение выбивает монету или, лучше сказать, переменяет только штампель, а металл все тот же]. Они опечалили человечество, они ограбили его, сии дерзкие и суетные умы: ибо что говорили они? Будь счастлив по нашим правилам. - Согласен, следую им слепо; но я все не доволен ни судьбою, ни сердцем своим. Что же мне остается? - Терпение, - отвечали они и отсылали нас к стоикам. Вот в чем совершенно заключается вся нравственная теория новейших мечтателей, которую опроверг другой мечтатель [*] [Руссо], отступник от веры, отступник от философии. Ни слова в утешение; ибо где обрести его? В совести! - кричали они. - Согласен; но кто утешит эту мать, прижавшую к груди своей трепетного младенца, бегущую из столицы, объятую пламенем? Кто утешит этого отца, супруга, который под развалинами дома своего оставляет все, что имел: и детей, и жену, и все блага жизни, все надежды свои? Здесь совесть будет существо отрицательное. Она будет спокойна у невинного страдальца, но слезы его прольются на прах разрушенного счастья... взоры его обратятся к небу; там найдет он ответ на вопросы отчаянного сердца или оно погибнет: здесь нет середины. Стоическая система ложна, ибо мораль ее основана на одном умствовании, на одном отрицании; она ложна потому, что беспрестанно враждует с нежнейшими обязанностями семейственными, которые основаны на любви, на благоволении. Пусть будет она лучшая из древнейших систем: ибо она внушает человеку твердость, мужество, постоянство, без которых нет добродетели; ибо она указывает смертному высокую цель и бога на конце поприща жизни, проведенной в правде, в трудах, в отрицании самого себя; но сердцу - она ничего не сказывает. Все моральные истины должны менее или более к нему относиться, как радиусы к своему центру, ибо сердце есть источник страстей, пружина морального движения. Ум должен им управлять; но и самый ум (у людей

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

счастливо-рожденных) любит отдавать ему отчет, и сей отчет ума сердцу есть то, что мы осмелимся назвать лучшим и нежнейшим цветом совести [] [Вот в чем заключали все учение стоики: "Есть бог, следовательно, он создал человека. Он создал его для себя, создал таковым, чтобы он соделался правосудным и счастливым на земли; следственно, человек может познать истину и может посредством мудрости своей возвыситься до бога, который есть верховное благо". - Мы приглашаем прочитать опровержение Монтаня системы Эпиктетовой и Паскалево опровержение Монтаня и Эпиктета. Христианский мудрец сравнивает обе системы; заставляет бороться Монтаня с Эпиктетом и обоих поражает необоримыми доводами.]. Есть другой род моралистов: они принадлежат к школе Эпикуровой (новейшие те, которые не руководствовались истинами Откровения и повторяли только сказания древних [] ["Во всем, - говорит Монтань (если не ошибаюсь), - мы влечемся по следам древних, как малые дети за школьным учителем на гулянье". В недавнем времени в Германии воскресили всю мечтательную философию Платона под другим именем.]. Французские писатели осьмогонадесять века большею частью расположили мораль свою по учению сего мудреца; они желали распространить ее влияние на все состояния, на все случаи жизни, могущие постигнуть человека в обществе. Система Эпикурова заключается в следующем предложении: "Человек не может возвыситься до существа верховного; его наклонности беспрестанно противоречат закону; он влечется неволью к видимым благам и ищет в них благополучия, даже в вещах самых гнуснейших. Итак, все неверно: истинное благо подлежит сомнению, и это ведет нас к познанию, что не можно иметь постоянного правила для нравов, ни точности в науках". Монтань, великий защитник сего, представляет нам стоическую добродетель в виде ужасного пугалища; а свою науку называет игривою, чистосердечною, простою и проч. Следуя тому, что ей нравится, говорит он, играет она небрежно с дурными и счастливыми случайностями жизни, покоится сладостно на лоне праздности, откуда показывает людям путь к истинному на земле благополучию. Неведение и нелюбопытство, - восклицает он, - вот два мягкие изголовья для головы счастливо образованной! Убежденная в сей истине толпа философов-эпикурейцев, от Монтаня до самых бурных дней революции, повторяла человеку: "Наслаждайся! Вся природа твоя, она предлагает тебе все сладости свои, все упоения уму, сердцу, воображению, чувствам; все, кроме надежды будущего, все твое, - минутное, но верное". Но где же сии сладости, сии наслаждения непрерывные, сии дни безоблачные, сии часы и минуты, сотканые усердно Паркою из нежнейшего шелка, из золота и роз сладострастия? где они, спрашивает сластолюбивый в тишине страстей своих. Где и что такое эти наслаждения, убегающие, обманчивые, непостоянные, отравленные слабостию души и тела, помраченные воспоминанием или грустным предвидением будущего? К чему ведут эти суетные познания ума; науки и опытность, трудом приобретенные? Нет ответа, и не может быть! Заглянем в самое сердце человека просвещенного и счастливого по понятиям мира. Например: кто был просвещеннее и счастливее Горация и кто страдал, подобно ему? Природа лелеяла его, как любимое дитя свое. Мы знаем его жизнь. Судьба, испытавшая его в юности, осыпала всеми дарами и славы, и богатства в зрелые лета. Дружество Августа и Мецената, наслаждения роскошного двора, общее уважение к великому таланту, здоровье неизменяющее, друзья, любезные сердцу и уму и в верности подобные благосклонной фортуны, прелестные женщины, готовые увенчать миртами любимца монархова и муз, и, что всего лучше, мудрость, удовлетворительная для всех случайностей счастья, мудрость, которая открыла золотую середину во всех вещах, истинный философский камень. Чего бы недоставало? Но счастливее, при всех дарах фортуны, при всей философии, скучал; ибо сердце человеческое имеет некоторый избыток чувств, который нередко бывает источником живейших терзаний. Наслаждение нас съедает, - говорит Монтань, - сердце скоро пресыщается. "Юноша, наливающий фалернское, дай горького!" - восклицает катулл, увенчанный розами, пресыщенный на пиршестве: *Minister vetuh, puer, Falerni Inger' mi calices amariores* [] [Служитель-мальчик, принеси мне чаши // С более горьким старым фалернским (лат.).]. Так создано сердце человеческое, и не без причины: в самом высочайшем блаженстве, у источника наслаждений, оно обретает горечь. И это испытал Гораций. Нигде не мог он найти спокойствия: ни в влажном Тибуре, ни в цветущем убежище Мецената, ни в граде, ни в объятиях любовницы, ни в самих наслаждениях ума и той философии, которую украсил он неувядаемыми цветами своего воображения; ибо если науки и поэзия услаждают несколько часов в жизни, то не оставляют ли они в душе какой-то пустоты, которая охлаждает нас к видимым предметам и набрасывает на природу и общество печальную тень? [] ["В Египте я знал жреца, который, истощив всю жизнь свою на познание начала и конца вещей мира сего, сказал мне с глубоким вздохом: - Горе тому, кто захочет снять покрывало с лица природы! Горе тому, для кого уже не существует то очарование, которое предрассудки и нужды навели на предметы мира! Вскоре душа его, поблеклая и томная, в самой низине найдет ничтожество, ужаснейшее из всех наказаний. При сих словах слезы навернулись на

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
глазах, и он сокрылся в густоте леса". – "Путешествие младшего Анахарсиса". Это тягостное состояние души нередко бывает известно людям добрым и образованным. Что избавит их от сего мучения? – Религия.] Где же истинное блаженство? Увидим далее. Мы испытали, что эпикурейцы не обрели его за чашею наслаждения, ни стоики в бесстрастии и в непреклонной суровости нравов (ибо человек создан любить). Никто не нашел блаженства: ни умный, ни сильный, ни богатый в чертогах, ни бедный в хижине своей; ибо и тот, кто блистает в пурпуре, и тот, кто таил всю жизнь свою в убогом шалаше, говорит Гораций, не могут назваться счастливыми. Где же это совершенное благополучие, которого требует сердце, как тело пищи? Оно нигде не находится вполне, – отвечает опытность всех времен и всех народов. Человек есть странник на земли, – говорит святой муж, – чужды ему грады, чужды веси, чужды нивы и дубравы: гроб его жилище вовек. Вот почему все системы и древних и новейших недостаточны! Они ведут человека к блаженству земным путем и никогда не доводят. Систематики забывают, что человек, сей царь, лишенный венца, брошен сюда не для счастья минутного; они забывают о его высоком назначении, о котором вера, одна святая вера ему напоминает. Она подает ему руку в самих пропастях, изрытых страстями или неприязненным роком; она изводит его невредимо из треволений жизни и никогда не обманывает: ибо она переносит в вечность все надежды и все блаженство человека. Лучшие из древнейших писателей приблизились к сим вечным истинам, которые святое откровение явило нам в полном сиянии. И горе тому, кто отвращает взоры свои! Собственное сердце его накажет: чем оно чувствительнее, чем благороднее, тем более и сильнее будут его терзания; ибо ни дары счастья, ни блеск славы, ни любовь, ни дружество – ничто не удовлетворит его вполне. В новейшие времена Руссо, одаренный великим гением, тому явный и красноречивый пример. Он нигде не обретал благополучия; ибо всю жизнь искал его не там, где надлежало. Слава учинилась ему бременем, люди и общество ненавистными: ибо он оскорбил их неограниченную гордость. Любовь земная не могла насытить его жадного сердца; самая дружба его терзала. Оскорбленный, растерзанный всеми страстями, он покидал общество, требовал счастья в объятиях природы, вопрошал безмолвные леса, скитался при шуме клубящихся водопадов, в часы румяного утра и прохладного вечера; но не мог успокоить своего сердца. В обществе напрасно облекается он в мантию стоиков, напрасно подражает им в твердости; собственное сердце ему изменяет. Одна религия могла утешить и успокоить страдальца; он знал, он чувствовал эту истину, и, жертва неизлечимой гордости, отклонял беспрестанно главу свою от легкого и спасительного ярма. Красноречивый защитник истины (когда истина не противоречила его страстям), пламенный обожатель и жрец добродетели, посреди величайших заблуждений своих, как часто изменял он и добродетелям и истине! Кто соорудил им великолепнейшие алтари и кто оскорбил их более в течение жизни своей и делом, и словом? Кто заблуждался более в лабиринте жизни, неся светильник мудрости человеческой в руке своей? Ибо светильник сей недостаточен; один луч веры, слабый луч, но постоянный, показывает нам вернее путь к истинной цели, нежели полное сияние ума и воображения. Поклоняться добродетели и изменять ей, быть почитателем истины и не обретать ее – вот плачевный удел нравственности, которая не опирается на якорь веры. Одно заблуждение рождает другое. Руссо начал софизмами, кончил ужасною книгою; – он пожелал оправдаться перед людьми, как перед богом, со всею искренностью человека, глубоко растроганного, но гордого в самом унижении, тогда как надлежало исповедовать тайны единому верховному существу, не с гордостью мудреца, который укоряет природу в своих слабостях, но с смирением христианина. Один бог может требовать от нас подобной исповеди; люди не достойны оной. И что же? Оправдывая себя, он оскорбил и дружество, и любовь, и родство, и все, что человечество имеет священного, заветного для души благородной; он оскорбил тени своих друзей, давно забытых согражданами, оскорбил их самым несправедливым приговором по неведению: ибо истина на земле одному богу известна. Кто требовал у него сих признаний, сей страшной повести целой жизни? Не люди, а гордость его. Какое право имел он поведать миру о слабостях женщины, которой дружество, столь нежное, столь бескорыстное, усладило юность и успокоило тревожимое сердце мечтателя? Так! человек, рожденный для добродетели, учинил страшное преступление, неслыханное доселе, и это преступление родила мудрость человеческая... Десятилетний отрок, который помнит свой катехизис, может уличить его в этом преступлении. Боже великий! что же такое ум человеческий – в полной силе, в совершенном сиянии, исполненный опытности и науки? Что такое все наши познания, опытность и самые правила нравственности без веры, без сего путевода и зоркого, и строгого, и снисходительного? [] [Без смеха и жалости нельзя читать признаний женевого мечтателя. Я не стану выписывать тех мест из книги его, которые могут оскорбить нравственность самую светскую, самую снисходительную: их множество. Но одно место меня забавляет более других, когда я воображаю себе защитника прав человечества и философии, столь лакомого в

молодости своей. У г. Мабли, в Лионе, если не ошибаюсь, исправляя должность учителя и наставника, он любил отдыхать в своей комнате и пить вино, заедая пирожками: тут нет еще большого зла; но вино было краденое... Дело сделано! говорит философ: "malheureusement je n'ai jamais pu boire sans manger... mais aussi quand j'avais ma petite brioche, et que bien enferme dans ma chambre, j'allais trouver ma bouteille au fond de l'armoire; quelles bonnes petites buvettes je faisais la tout seul en lisant quel-ques pages de roman!" «К несчастью, я никогда не мог пить без еды... но когда у меня была моя маленькая бриошь, запершись в моей комнате, я тотчас находил бутылку в глубине шкафа; какие добрые глоточки я делал там совсем один, прочитывая несколько страниц романа!" (фр.)» Можно ли удержаться от смеха? Где тут достоинство человека и мудреца? О слоге ни слова. В таком случае слог есть верное выражение души. И этот человек имел столько любезных качеств, столько небесных дарований! И этот человек чувствовал всю прелесть религии и благодетельное влияние оной на общество и на человека частного! Чего недоставало ему? Постоянного убеждения, менее гордости и страстей, более рассудительности и смирения.] Вера и нравственность, на ней основанная, всего нужнее писателю. Закаленные в ее светильнике мысли его становятся постояннее, важнее, сильнее, красноречие убедительнее; воображение при свете ее не заблуждается в лабиринте создания; любовь и нежное благоволение к человечеству дадут прелесть его малейшему выражению, и писатель поддержит достоинство человека на высочайшей степени. Какое бы попрание он ни протекло с своею музою, он не унижит ее, не оскорбит ее стыдливости и в памяти людей оставит приятные воспоминания, благословения и слезы благодарности: лучшая награда таланту. Неверие само себя разрушает, - говорит красноречивый Квинтилиан наших времен, который знал всю слабость гордых вольнодумцев: ибо он всю молодость свою провел в стане неприятельском. Одна вера созидает мораль незыблемую. Священное писание, - продолжает он, - есть хранилище всех истин и разрешает все затруднения. Вера имеет ключ от сего хранилища, замкнутого для коварного любопытства, вера обретает в нем свет спасительный. Неверие приносит в него собственные мраки, которые бывают тем гуще, чем они произвольнее. Чтоб быть выше других людей, оно становится на высоты, окруженные пропастями, откуда взор его, смутный и блуждающий, смешивает все предметы. Неверие мыслит обладать орлиным оком и ничего не различает. Не случалось ли вам путешествовать при первых лучах денницы путем, проложенным по высоким горам, когда пары, от земли восходящие, простирают со всех сторон туманную завесу, скрывающую горизонт, где изображается множество мечтательных предметов, от смешения света со тьмою происходящих? По мере того как вы сходите с высот, сие облако земное редет, рассеивается; вы проникаете чрез него и находите на себе малые следы влаги, скоро иссыхающей. Тогда открывается и расширяется пред вами необъемлемый горизонт: вы видите близлежащие горы, жатвы и стада, их покрывающие, селения человеческие и холмы, над ними возвышенные; вся природа вам отдана снова: вот эмблема неверия и веры. Сойдите с сих высот неверия, где вы ходите около пропастей неизмеримых, где взор ваш встречает одни призраки; сойдите, говорю вам, призванные и поддержанные смиренной верою, идите прямо к сим облакам, обманчивым, восходящим от земли (они скрывают от вас истину и являют одни обманчивые образы); сойдите и пройдите сквозь сию ничтожную преграду паров и призраков; она уступит вам без сопротивления; она исчезнет - и ваши взоры обретут необъемлемую перспективу истин, все утешения сего земного жилища и горе - лазурь небесную. Но для нас исчезли все призраки мудрости человеческой. К счастью нашему, мы живем в такие времена, в которые невозможно колебаться человеку мыслящему; стоит только взглянуть на происшествия мира и потом углубиться в собственное сердце, чтобы твердо убедиться во всех истинах веры. Весь запас остроумия, все доводы ума, логики и учености книжной истощены перед нами; мы видели зло, созданное надменными мудрецами, добра не видали. Счастливые обитатели обширнейшего края, мы не участвовали в заблуждениях племен просвещенных: мы издали взирали на громы и молнии неверия, раздробляющие и трон царя, и алтарь истинного бога; мы взирали с ужасом на плоды нечестивого вольнодумства, на вольность, водрузившую свое знамя посреди окровавленных трупов, на человечество, униженное и оскорбленное в священнейших правах своих; с ужасом и с горестию мы взирали на успехи нечестивых легионов, на Москву, дымящуюся в развалинах своих; но мы не теряли надежды на бога, и фимиам усердия курился не тщетно в кадьнице веры, и слезы и моления не тщетно пролива-лись перед Небом: мы восторжествовали. Оборот единственный, беспримерный в летописях мира! Легионы непобедимых затрепетали в свою очередь. Копье и сабля, окропленные святою водою на берегах тихого Дона, засверкали в обители нечестия, в виду храмов рассудка, братства и вольности, безбожием сооруженных; и знамя Москвы, веры и чести водружено на месте величайшего преступления против бога и человечества [] [Назад тому несколько лет шатобриан сказал: "Храбрость без веры

Опыты в стихах и прозе. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
ничтожна. Посмотрим, что сделают наши вольнодумцы против Козаков грубых, непросвещенных, но сильных верою в бога?" Все журналисты вступились за честь оскорбленной великой нации (La grande nation); но предсказание сбылось.].
Faut-il encore, faut-il vous rappeler le coursDes prodiges sans nombre accomplis en nos jours?[Должно ли еще, должно ли напоминать весь ход// Бесчисленных чудес, совершившихся в наши дни? (фр.)]
Должно ли приводить на память последние чудеса, новые покушения злобы и неверия и сияющее торжество невинности, человеколюбия и религии? Сколько уроков уму! Сердце в них нужды не имеет.С зарею наступающего мира, которого мы видим сладостное мерцание на горизонте политическом, просвещение сделает новые шаги в отечестве нашем: снова процветут промышленность, искусства и науки, и все сладостные надежды сбудутся; у нас, может быть, родятся философы, политики и моралисты, и, подобно светильникам эдимбургским, долгом поставят основать учение на истинах Евангелия, кротких, постоянных и незыблемых, достойных великого народа, населяющего страну необозримую; достойных великого человека, им управляющего!Нет в мире царства так пространна,Где б можно столь добра творить!
[] [Державин.]

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://batyushkov.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!